
В. Челидзе
Жизнь
без
конца

за
первое место
в соревнованиях по
лыжам школа № 99
1964 г.

Издательство ССП Грузии
„Литература и искусство“
Тбилиси 1963

Издательство ССП Грузии
„Литература и искусство"
Т Б И Л И С И 1 9 6 3

Вахтанг Челидзе

Жизнь без конца

биографический
роман

Авторизованный перевод
с грузинского Б. Гасса

8Г1
899.962.1.092.(Мачабели)
Ч 382

ВЕРХОМ НА ПАЛОЧКЕ

Видишь, как непостоянен он стал с годами.

«Король Лир»

Второй день не перестает падать снег. Небо опустилось, тесно прижалось к земле. Мохнатые хлопья кружатся в воздухе, высматривают, куда им сесть — на макушку орехового дерева, оголенные ветки шелковицы или черепицы крыш. Снег на зубчатом заборе слежался, и со стороны кажется, что он сливается с горизонтом. Деревья стоят понурые, с пригнутыми снегом к земле ветками. Когда становится невмоготу, они, собрав последние силы, сбрасывают с себя снежную бурку. Но тут же налетают новые стаи хлопьев, и деревья вновь опускают плечи.

В молчание вечера иногда врывается далекий выстрел, эхо его обрывается в Лиахвском ущелье. Шумно взлетает вспугнутый дрозд.

Собака, дремлющая под лестницей, поднимает голову и провожает глазами птицу. Потом вновь погружается в дрему.

Где-то за деревней вновь раздается сухой треск выстрела. Однако он вовсе не тревожит прикорнувшую на низкой тахте у камина женщину, которая лениво перебирает четки. Бусинки одна за другой нанизываются на шнурок.

— Новый год уже, наверно, в Тбилиси, — с волнением в голосе произносит девочка лет восьми и смотрит полными ожидания глазами в окно. Словно вот сейчас откроется калитка, и желанный гость войдет к ним во двор.

— Какой там в Тбилиси, он уже до Гори добрался, — возражает ей с видом знатока младший брат. Он подходит к окну, приподнимается на цыпочки и пристально всматривается в темноту. Ему непременно надо увидеть, что происходит во дворе. Но от дыхания стекло запотевает, и мальчик недовольно трет его кулачком.

Из соседней комнаты доносится какой-то шум, потом надрывный кашель. Дети беспокойно оглядываются на тетю, словно хотят сказать: дедушка опять сердится. В последнее время он очень переменился. Чуть что, вспыхнет, побагровеет, закашляется. Прежде он часто ласкал внучат, сажал их на колени и рассказывал о былых временах. Когда он заводил речь о царе Ираклии, глаза его изнутри освещались огнём и весь он преображался. А сейчас только и плачется на свою долю, клянет все на свете.

Недоволен судьбой Свимон Мачабели — этот последний могикан древнего рода. Еще не зарубцевались старые раны, еще не забылись прошлые обиды, и вот отворяй ворота новой беде — русский царь думает отменить крепостное право. Слушок об этом уже достиг ушей крепостных. И нет уже прежнего почтения к господам, шепчутся холуи по углам.

Нет, отменить крепостное право немыслимо. Это перечит всякому здравому смыслу. Поди, и сам русский царь не обойдется без крепостных. Пусть хоть себя пожалеет, не делает этого губительного шага. Вот и сведущий князь Амилахвари, который приехал намедни к Мачабели отвести душу, тоже согласен с его доводами. После беседы с ним Свимон и вовсе потерял

логой. Смотреть не может на крепостных. А когда вспоминает, что надменные Орбелиани запросто отняли у него Табахмела, кровью наливаются глаза.

Одна надежда была у Свимона — на сына, да и та угасла. Непутевым оказался Георгий, шатается, подобно светским выродкам, по духанам да балам.

Горе тебе, род Мачабели! Разве так встречали в былые времена Новый год!..

В соседней комнате кашель утих. Видно, дрема охватила истерзанного горькими думами Свимона.

Тетя снова принялась лениво перебирать четки, с прежним нетерпением стали смотреть в окно дети. В камине все так же трещали сухие ветки. Алые отблески огня вспыхивали на сабле, висящей на турецком ковре над тахтой.

По Лиахвскому ущелью одиноко проносится ружейный выстрел. Малыш Вано опять становится на цыпочки, припадает лицом к стеклу, чтобы получше рассмотреть, что делается во дворе. Снег густо валит с неба, гнет ветки деревьев...

— Дарико, ты слышишь, Дарико! — не оборачиваясь, кричит Вано старшей сестре. — Теперь уже наверняка пришел Новый год в Гори...

Таким помнит свое детство Вано Мачабели.

Дряхлый, запущенный дом, который когда-то величался дворцом. Дедушка с длинной седой бородой. Он целыми днями сидит на балконе или у распахнутого окна и долгим взглядом смотрит куда-то вдаль. Сестра дедушки со строгим лицом и всегда сжатыми губами, а на самом деле мягкая и душевная женщина. Без устали суетящаяся мама, которая ни на минуту не присядет отдохнуть, всегда находит себе работу...

Просторный двор их с огромными ореховыми деревьями обнесен высоким частоколом. Вначале Вано представлялось, что это и есть все Самачабло — фамильное имение Мачабели, ведь он с трудом обегал двор верхом на палочке. В глубине двора валялась невесть откуда взявшаяся пушка, на лафете которой крупными буквами было написано: Теймураз II.

Вано и его двоюродные братья в теплые дни облепляли эту пушку, сооружали вокруг нее укрепления и яростно бились с наступающими со всех сторон отрядами Ага-Магомет-хана. Это был ненавистный и жесто-

кий враг. И Вано, подобно своим предкам, прославившимся в боях с поработителями, бросался в жаркую схватку. Мальчик, не помня себя, косил врага налево и направо. Потом подбегал к балкону и радостно кричал деду о победе над Ага-Магомет-ханом. Он хорошо знал, что дедушка будет рад этой вести. Свимону Мачабели не довелось участвовать в славных битвах Ираклия, он родился как раз в тот год, когда Ага-Магомет-хан напал на Грузию.

Уставшие, со счастливыми лицами юные воины садились в тени развесистого дерева и устраивали словесные турниры. Они состязались в шаири и находчивости. До самых сумерек не умолкали смех и гомон.

С годами представление Вано о «родовом имении» меняется. Теперь их фамильные владения уже простираются до самых берегов Лиахви. Правда, река близко, рукой подать, но она ведь за оградой двора, до нее еще надо добежать.

Вечерами, когда матовая от лунного света окрестность погружается в молчание, легкий ветерок щекочет лицо и только изредка далекий лай собак нарушает тишину, с балкона можно слышать бормотание реки. А на пригорке, что по ту сторону Лиахви, маняще светится купол древнего, всеми забытого храма. Иногда кажется, что это сказочный дэв сверкает единственным глазом.

Вано очень любит слушать сказки о дэвах, которые с тайным страхом рассказывают ему крестьянские мальчики. Чаще всего это бывает в лесу или на рыбной ловле. В Лиахви водится на редкость вкусная рыба.

Чуть ниже дома Мачабели от реки отходит мелкий рукав. Мальчики запружают его камнями, устраивают брод. За этой наспех сооруженной каменной стеной образуются бочаги, в которых бывает видимо-невидимо рыбы. Теперь только и успевай выбрасывать трепещущую в руках форель на берег. Случается, вода находит лазейку в стене; медленно просачивается и вдруг навалится, пробьет себе дорогу. Утолив жажду изнывающих от зноя камней, она с веселой песней мчится на выручку рыбам. Ребята поднимают невообразимый крик, бросаются к пробоине, стараются заделать брешь.

Неподалеку пасется скот. Время от времени ужаленный оводом бычок закружится, забрыкает ногами и пустится скакать. За ним в погоню бросается босой подросток, придерживая рукой штаны, на которых заплаточки с лоскуточками беседуют. Дородная Курша, высунув язык, безразлично смотрит на суетящихся рыболовов.

Нарыбачив всласть, мальчики вылезают на берег. Они тут же, на солнечном припеке, садятся в круг и начинают рассказывать сказки. Вано слушает жадно, увлеченно. И бывает очень огорчен, когда тетушка зовет его домой.

В большом старинном зале, в котором, на персидский манер, множество зеркал, собрались старшая сестра Вано — Дарико и двоюродные сестры и братья. Тетя сидит на диване. Вано резво вбегает в комнату. С языка тети уже готовы сорваться слова упрека, но, увидев раскрасневшиеся щеки племянника и искорки в глазах, она с трудом подавляет улыбку.

До начала занятий тетя ниточкой мерит губы девочкам и журит их: мол, от многих сплетен рты растянулись.

Вано лучший ученик тети, ее гордость. Ему только шесть лет, а он знает и хуцури и мхедрули[1]. Наизусть читает молитвы, псалмы. Маленький он, с ноготок, а как бойко рассказывает уроки. И голосок у Вано приятный. Когда Вано поет псалмы, тетя невольно закрывает глаза.

Урок тянется долго. Детям до тошноты надоело повторять одно и то же, они рвутся во двор, к речке. Вано неодолимо влечет к старой пушке, крестьянским ребятишкам.

За окном на балконе сидит дедушка. Он листает журнал «Цискари», последние номера которого прислал ему старый друг — известный поэт и драматург Георгий Эристави. Медленно, словно проверяя на ощупь каждую страницу, перелистывает дедушка журнал. А глаза его устремились вдаль. Свимон вспоминает прошлое, первую встречу с Георгием Эристави.

---

[1] **Хуцури, мхедрули** — старогрузинское и новогрузинское письмо.

Было это давно, в 1832 году, когда участников заговора против царя заточили в авлабарскую тюрьму. В одной камере с Свимоном оказался и молодой поэт Георгий Эристави. Вместе они коротали бессонные ночи, вместе переносили издевательства жандармов. Там, в сыром застенке, они и поклялись в «дружбе и верности».

Жандармам так и не удалось вырвать у непреклонного Свимона признание, и «в связи с недоказанностью участия Мачабели в заговоре» он под наблюдением жандарма был отправлен в родовое имение. Свимон часто вспоминает бывший с ним тогда случай, который получил огласку на всю губернию. По дороге в родное село Свимон встретил в Цхинвали одного торгаша, который в простоте душевной спросил у князя: «И чего они хотели от вас, князь, почему столько времени держали в тюрьме?» Разгневанный Мачабели воскликнул: «Смотрите на этого сморчка, он хочет узнать от меня то, чего не смогли выпытать русские чиновники!»

Георгий Эристави прислал другу стихотворение с посвящением.

Свимон Мачабели ответил ему тоже стихами.

И свое послание и ответ Свимона впоследствии Эристави опубликовал на страницах «Цискари»...

Маленький Вано чутким слухом улавливает в бормотании дедушки строку из стихотворения Эристави: «Я осушал чашу наслаждения...»

Тепло вспоминает Свимон Мачабели старого друга, который иногда наезжает к нему. Но, несмотря на дружбу, Мачабели, в чьих жилах течет благородная кровь, сетует на Георгия. Не может старик простить Эристави, что тот высмеивает в своих пьесах грузинское дворянство. Никак не может он простить драматургу его пьес. Конечно, кое-что Эристави высмеял правильно, но разве пристало ему выставлять на всенародное посмеяние дворян, цвет нации. Раздор из-за дележа мутаки?! Нет и нет! (Разве мог тогда даже в мыслях допустить гордый князь, что через несколько лет в его доме произойдет такая же свара!) Что и говорить, измельчало поколение. Пошли по рукам честь, земли, достоинство. Молодежь думает только о бабах, кутежах, гулянках, так называемой «сладкой жизни». Подумать только, дворяне растворяются среди низкого люда,

закладывают имения, кутят в грязных трактирах, покупают женщин и продают совесть, родину, однако...

* * *

Познакомимся ближе с одним из представителей «золотой молодежи».

По скользким лестницам винного погребка, шатаясь, выходит на улицу прилично одетый человек с пышными усами. Он полной грудью вдыхает утренний воздух, смачно рыгает и нетвердой походкой идет через улицу. Гомон, выплескивающийся в открытую дверь духана, словно подталкивает его в спину.

Снег и дожди местами стерли надпись на щербатой доске, прибитой к двери погреба: «Трактир Михаил»... Внизу еле различимы написанные вразвалку слова: «Вкусно кушать и пить вино — больше от жизни ничего не возьмешь». И уже совсем маленькими буквами по-русски: «Не уезжай, голубчик мой!» Трактир принадлежит человеку, известному во всем Горийском округе под кличкой «Живоглот».

Мужчина озирается вокруг, что-то бормочет. Из утробы духана выныривает толстячок с лоснящимися щеками. Он подбегает к пьяному и что-то подобострастно шепчет ему на ухо. Тот недовольно морщится, шарит по карманам. Трактирщик ловко подает ему клочок бумаги. Господин подписывает его, и трактирщик жестом подзывает фаэтон.

Трактирщик угодливо обнажает зубы и поправляет сбившиеся на груди клиента ордена. Кто-кто, а Живоглот знает, чем улестить подвыпившего дворянина.

Фаэтон с грохотом миновал ухабистые улицы Гори, переехал через Лиахви и покатил по Цхинвальской дороге в сторону Тквиави. Утренняя прохлада сменилась дневным зноем. Но вскоре экипаж нырнул под живую арку из фруктовых деревьев, и ветерок с Малой Лиахви обдал лицо дворянина прохладой. Лошади привычно свернули направо — им не впервой приходилось мчаться по этой дороге с загулявшими господами,— и вскоре экипаж подкатил к утопающему в орешнике и чинарах двору.

Владетель этих земель Ясэ Павленишвили славился хлебосольством. Ни один случайный проезжий не мог

миновать дверей его гостеприимного дома. Ясэ выходил на середину дороги, останавливал экипаж, и никакие увертки не спасали путника от чары доброго вина и обильной закуски. С годами к славе хлебосола прибавилась еще и знаменитость — имя его сына, видного грузинского народника Романоза Павленишвили, было у всех на устах. А позже еще одно событие способствовало популярности Ясэ: в 1880 году, когда саранча уничтожила в Картли почти весь урожай, он, под влиянием сына-народника, открыл свои закрома и роздал всю кукурузу крестьянам близлежащих сел. «В наше мерзкое время это удивительный поступок»,— пишет один путешественник. Благословив кров, под которым он нашел радушие и прохладу, гость опустился на тахту. Между ним и хозяином завязалась беседа о невзгодах последних лет, о слухах, которыми полнится земля.

Когда солнце зашло за горы и повеяло прохладой, гость Ясэ решил продолжить путь.

Проводив его до калитки, Ясэ пожелал счастливой дороги.

У Цхинвали господин велел кучеру свернуть направо и, поравнявшись с виноградником, остановить лошадей. Приложив козырьком руку ко лбу, он старался что-то разглядеть. И вдруг его губы расползлись в улыбке — виноград был уже собран. Повелев кучеру трогать, он еще раз издали обозрел голые виноградные лозы и удовлетворенно потер руки.

Лишь под вечер кучер натянул вожжи у дома Свимона Мачабели. Но тут между пассажиром и возницей начался, видимо, не очень-то приятный для них обоих разговор. Кучер требовал с господина деньги за проезд. Тот же великодушно обещал ему буквально на днях отдать старый долг и мзду за сегодняшнюю прогулку. Слово дворянина — не позже, чем на той неделе кучер получит все сполна. Возница скрепя сердце согласился. К тому же он хорошо знал, что артачиться было бессмысленно. Кучер достал из кафтана засаленный бумажник, вынул из него книжечку и протянул дворянину. Тот охотно расписался. Лошади, опустив уши, и кучер, повесив нос, повернули обратно.

Путник нерешительно открыл калитку. Это был Георгий Мачабели, сын последнего господина Самачабло

Свимона Мачабели и отец будущего писателя и крупного общественного деятеля Иванэ Мачабели. Увидев в конце двора Наталию, он уже издали поспешил порадовать ее успехами старшего сына. Дела у него пошли на лад, все хорошо, но она, конечно, согласится с Георгием, что нельзя юношу оставлять без призора, все же необходима родительская рука, вот он и замешкался малость в городе. Жена, забыв обо всем, с жаром принялась расспрашивать о сыне. Так что с супругой все сошло хорошо. Ободренный удачей, Георгий уже смелее толкнул дверь в комнату отца.

— Где это слыхано,— еще с порога прокричал он, симулируя возмущение,— этот Илья Чавчавадзе не щадит даже почтенных дам... Не читал?..

Но, натолкнувшись на взгляд отца, Георгий осекся и весь как-то вдруг обмяк, ссутулился. Он знал по опыту, что сдвинутые брови и собравшиеся на лбу морщины не сулят ему ничего хорошего. Да, быть громам! — подумал про себя Георгий и жалко улыбнулся.

После легкой победы над супругой Георгий был уверен, что сумеет сыграть на слабой струне отца — литературе — и рассеет собравшиеся над головой тучи. По дороге он до тонкостей продумал план атаки, заготовил приманку.

В те дни у всех на устах были письма Ильи Чавчавадзе.

— Поделом! — яростно выпалил старик. — Поделом таким прохвостам, как вы!

Ошеломленный ударами, которые градом сыпались на него, Георгий уже в замешательстве бросил вторую удочку с наживкой, тоже приготовленную загодя.

— Не понимаю, за что бог лишил ума русского царя, мыслимо ли отнимать у нас крепостных?!

Что не миновать грому, хорошо понимали домочадцы, но такого никто не ожидал. Взбеленившийся старик в сердцах швырнул на пол «Цискари» и не то, чтобы крикнул, а буквально прохрипел, задыхаясь:

— Поделом вам, сволочи!..

Георгий на всякий случай отступил от отца подальше, к двери. Свимон не скупился на оскорбления, поносил «прожигателей жизни». Не зная куда девать себя, Георгий перевел взгляд на тетку, но и в ее глазах прочел укоризну. Тогда он стремглав, словно желчные

выкрики отца хлестали его по ногам, выбежал в сад. Но крик отца он слышал и во дворе. Георгий не разбирал фраз, он улавливал лишь отдельные слова: «таскался...» «божья кара...» «простолюдины...» «солдаты...»

Симон был недоволен сыном. Георгий оказался легкомысленным повесой. Смолоду приучившись таскаться в город, этот шалопай разошелся до того, что заложил имение. А под конец ёще взял и женился на плебейке, дочери низкого лавочника.

Георгий Мачабели принадлежал к так называемой «золотой молодежи». Это был типичный бездельник, кутила, мот, словом, прожигатель жизни. Он умудрился за короткий срок пустить по ветру большое состояние отца. Запутавшись окончательно, Георгий женился на Наталии Эриванцевой, дочери богатого армянского купца, в чем тоже шел по проторенной дорожке. Молодой дворянин был ослеплен не столько красотой невесты, сколько блеском золота в сундуках ее отца. Однако он обманулся в своих надеждах. Прижимистый купец обвел зятя вокруг пальца и, как утверждали злые языки, вместо драгоценных камней и слитков золота, наполнил шкатулки камешками и молотым кирпичом. Охочие до всяких веселых проказ даже песенку сочинили на злоключения Георгия:

Мачабели, простофиля,
И куда смотрели твои глаза.
Женили тебя на дочери торгаша,
А денежек не дали.

Видимо, легко провели мягкотелого и не знающего счета деньгам дворянина. Да он и не убивался особенно. На первое время все же ему перепало несколько чеков от тестя, а большего Георгий и не желал, ибо из уроков тети особенно запала ему в голову заповедь: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам о себе позаботится».

А когда грянуло это завтра, привыкший к беззаботной жизни дворянин помчался в родную деревню. Там он продал за полцены часть урожая и без всяких угрызений совести положил деньги в карман. От этого поступка до заклада родового имения был один шаг. И Георгий сделал этот шаг...

Со временем добывать деньги становилось все труднее. Георгий собрал свой скарб и переселился из роскошной меблированной квартиры в тесную клетушку у Солдатского базара. Но город покидать он и в мыслях не имел. Куда проще было брать деньги в долг, выдавать векселя, закладывать вещи. А долги, как известно, надо платить. Выход был найден: Георгий занялся продажей имений. Друзья его так и прозвали «продалей». Однако и этот родник иссяк. Одно время Георгий даже подался в диамбеги (что-то между администратором и участковым приставом), потом в уездные предводители. Легко представить себе, каким авторитетом мог пользоваться этот легкомысленный и думающий только о кутежах уездный предводитель.

С первых дней русско-турецкой войны Георгий Мачабели записался добровольцем в Рионский полк генерал-лейтенанта Ивана Малхазовича Андроникашвили. Вскоре он уже возглавлял кавалерийскую сотню осетин. В 1853 году он участвовал в боях под Ахалцихе. А в 1854 году, как особо отличившийся в штурме крепости, стал Георгиевским кавалером.

После легкого ранения, полученного в сражении у Чорохи, Георгий Мачабели пригласил к себе в Тамарашени Арчила Андроникашвили — сына своего начальника. В деревне Георгия ждали добрые вести — у него родился сын. Воспользовавшись случаем, он тут же попросил Арчила быть крестным отцом мальчика, которого в знак уважения к семье Андроникашвили назвали Иваном. После этой поездки Георгий еще больше сблизился с семьей влиятельного генерала и особенно с его сыном Арчилом. Любитель легкой жизни получил еще одну возможность появляться в светском обществе и еще один повод вытягивать из отцовского кармана последние гроши.

* * *

Тетя часто водит семилетнего Вано в церковь. Мальчик охотно помогает священнику. Раскрыв книгу псалмов, дьякон по слогам читает. Вано поет, его приятный, но слабенький голос разливается по церкви.

С тех пор как Вано обучили псалмопению, прошло несколько месяцев, а слух о чудесном мальчике уже достиг близлежащих сел.

«Впервые я увидела Вано Мачабели в церкви Гористави, — вспоминает писательница Екатерина Габашвили. — В то лето я заболела, и бабушка, по совету знахарки, повела меня на лечение к святому месту.

Церковный двор был полон разного люда. Стоял невообразимый шум. Вдруг распространился слух, что псалмы читает маленький мальчик, еще ребенок. Народ повалил в церковь. Мы тоже влились в поток любопытных.

Узкие церковные окна не могли дать достаточно света, поэтому внутри стоял полумрак. У икон горело множество свечей. Язычки пламени выхватывали из темноты заключенные в рамки библейские сюжеты и обрамленное вьющимися волосами бледное лицо ребенка. Мальчик стоял на стуле и, держа в руке восковую свечу, читал по огромной раскрытой перед ним книге. Начал робко, волнуясь, но потом голос его окреп, усилился. Мальчик часто отбрасывал со лба светлые волосы и продолжал читать наизусть, не заглядывая в псалтырь. Бледное лицо в мерцании свеч казалось вылепленным из воска.

Словно чудное видение, остался в моей памяти этот бледный мальчик. Его большие зеленоватые глаза производили неизгладимое впечатление. Люди были изумлены, почти с суеверным страхом слушали его голос.

— Кто это? Чей сын? — услышала я шепот.

— Мачабели, — ответил кто-то из толпы. — Это будущий патриарх Грузии.

Нет, Вано Мачабели не был похож на будущего патриарха. Когда моя бабушка гладила его по головке, Вано принял ласку как должное и гордо посмотрел ей в глаза. И этот гордый взгляд, унаследованный им от дедушки, остался у Вано на всю жизнь...»

Да, Вано во многом был похож на своего дедушку, достойного дворянина из рода Мачабели. А сейчас посмотрим, что представляет собой эта древняя, когда-то могущественная фамилия.

Родословная Мачабели восходит к XV веку, когда произошло разделение на Кахетинское и Карталинское царства. Судя по некоторым источникам, Мачабели был выходцем из Абхазии. Древо их фамилии быстро разветвлялось, пуская побеги во многих уголках страны. По свидетельству Броссе, они владели Амбролаурской

крепостью, жили в Раче. Если верить слухам, один из Мачабели перешел в магометанскую веру, стал комендантом Ахалцихской крепости...

Однако главная линия фамилии Мачабели, так сказать, ствол их родословного древа, находилась в бассейне Большой Лиахви, с резиденцией в Тамарашени. Из записок Платона Иоселиани мы узнаем, что этот город был основан царицей Тамарой в 1190 году. Жители его в большинстве своем занимались торговлей. Во время царствования Русудан город Тамары подвергся нашествию Джелал-Эддина. Алчные захватчики разграбили город, сожгли целые кварталы. В дальнейшем Тамарашени отстроили, но он потерял прежнее значение, захирел. С XV века, как мы уже говорили, он стал резиденцией Мачабели.

В те времена род Мачабели считался богатым и могущественным. Начиная от Цхинвали, тянущиеся по обоим берегам Лиахви плодородные земли, грузинские и осетинские села — все это входило в Самачабло. Заросшие лесами горы, поля без конца и края, шаловливые ручейки, бурные водопады создали этому краю славу прекраснейшего уголка страны. По долине плавно текла река Лиахви, щедро орошая землю. А та наряжалась в пестрое одеяние из садов и цветов, родила богатый урожай.

На склонах гор паслись тучные стада овец. Их тонкая шерсть была известна по всей стране. А тамошний сыр подавался на стол в лучших домах Тбилиси. Одним словом, Мачабели были зажиточными дворянами. Любители роскоши, пиршеств и развлечений, они жили на широкую ногу и с каждым годом увеличивали тягло на крестьян. Порой даже продавали крепостных на торгах. Дело дошло до того, что вконец разорившиеся горцы не вынесли тяжелой барщины и пошли бить челом царю на Мачабели. По преданию, разгневанный царь отторгнул от владений Мачабели окрестности Джави и подарил их царевичу Георгию. Это был не единственный случай, когда крестьяне обращались с жалобой на дворян из рода Мачабели.

В XIX веке вслед за потерей некоторых политических прав основательно поколебалось и экономическое положение этого древнего рода. А с отменой крепостного права Мачабели так разорились и обеднели, что

когда-то славившаяся своим достатком Тамарашени сейчас стала захудалой деревней. Надменностью же и спесивостью князья Мачабели только тешили свое самолюбие и обманывали некоторых простачков. Один из близких людей дома Мачабели метко заметил: «Самачабло — только миф».

С 1854 года, когда родился Вано Мачабели, участились бунты доведенных до отчаяния крестьян. В детстве Вано был свидетелем разлада и в среде дворян. Многое он мог наблюдать даже в своей семье.

Георгий Мачабели, отец маленького Вано, нашел простой выход из трудного положения: он перебрался в город и беззаботно проводил время с влиятельными друзьями. Не зная счета деньгам, он швырялся ими. А Самачабло становилось все меньше и меньше.

Старый Симон Мачабели видел тучи, нависшие над благополучием семьи, и бесился, что этого не понимает Георгий.

Когда же разразилась буря — отменили крепостное право,— все переполошились. Пошли толки, сплетни, пересуды. Перелом, происшедший в то время, казался куда страшнее, чем даже нашествие Ага-Магомет-хана.

«Дворян ждало смутное, неопределенное будущее, и они не знали, что готовит им завтрашний день...» — писал впоследствии Вано Мачабели.

Настроение и душевное состояние дворянского сословия хорошо выражены в письме одного помещика:

«Нам грозит потоп, и не видно Ноева ковчега, где можно было бы укрыться, не видно спасителя.

Гибнет, гибнет грузинское дворянство. Вот-вот захлестнет нас всех потоп. Тщетны наши старания, божий гнев навис над нами, и мы обречены. Ничто не рождается, ничто не произрастает у нас. И слышен тайный голос: «Доселе вы жили, теперь хватит, уходите!»

Кое-кто даже пытался предпринять меры, было составлено письмо к царю:

«Как только крестьяне получат свободу, наши семьи разорятся, мы будем принуждены ходить от двора ко двору и просить милостыню. У нас не будет прислуги, некому будет обрабатывать наши поля и виноградники, некому будет пасти наш скот и не будет кормилиц, чтобы растить наших детей... Жизнь наша угаснет, как тлеющая свеча...»

Все эти события живо волновали маленького Вано и, конечно, влияли на его характер и становление мировоззрения. В дальнейшем мы увидим, как рыцарски будет он защищать угнетенных жестокими дворянами крестьян и даже назовет одного своего родственника Ага-Магомет-ханом.

Дедушка Вано — спесивый, обуреваемый гордыней Свимон Мачабели — родился на рубеже XVIII и XIX столетий. Он был живым свидетелем «величия Грузии». В те годы он, господин Самачабло и наделенный всеми правами крепостник, не опускался до всякой шушеры, выклянчивающей себе подачки от власть имущих, не искал ласки и орденов. А коли и гнул шею, то делал это так неловко, что получал вместо пирогов и пышек — синяки да шишки. Об этом он сам пишет с удивлением:

«...У Ермолова я служил в 1826 году во время похода. В 1828-м и 29-м годах служил в осетинской милиции. О честной службе и моих заслугах свидетельствуют аттестаты... Не помню точно, в каком году по приказу бывшего тогда начальника Горийского округа Титова я поехал в село Бекмари для выселения моего крестьянина. Там мне учинил скандал дворянин Давид Палавандов, и дело было передано в суд. Решением суда нас обоих посадили на гауптвахту».

После освобождения из-под ареста, связанного с заговором 1832 года, Свимон поселился в деревне. В часы раздумий он пописывал стихи. В его поэме «Гуласпиани» явно чувствуется влияние Ш. Руставели, которого он знал наизусть от корки до корки.

Часто к Свимону наведывались дворяне из соседних имений. Они вели долгие беседы за накрытым под ореховым деревом или на балконе столом. Свимон Мачабели был не только гостеприимным хозяином, но и остроумным собеседником, знающим массу разных занимательных историй.

В семейной библиотеке Мачабели хранилось множество интересных книг, и Вано с волнением проглатывал их одну за другой. Как-то, роясь в книгах, мальчик случайно напал на рукопись поэмы дедушки «Гуласпиани». Через несколько дней он вновь наткнулся на какую-то рукопись и был страшно удивлен, узнав, что это стихи его прадедушки — Парсадана Мачабели.

Но все имеет коиец, а тем паче запасы кииг в библиотеке дедушки. Вано перечел все книги заново, в который раз пробежал глазами разрозненные номера «Цискари»... Ему иичего ие оставалось, как ждать приезда старшего брата, который учился в городе.

Васико навещает родителей каждое лето, а иногда и в рождество. Несмотря иа разницу в возрасте (почти 10 лет), братья очень дружны. Васико любит усаживать рядом с собой маленького Вано и часами беседует с ним, как с равным. Он рассказывает брату городские иовости, описывает гимназию, пересказывает литературиые споры. Особенно интересует мальчика Николоз Бараташвили, стихи которого ои недавно прочел в журиале «Цискари».

Наверно, именно от своего брата, большого поклоииника и друга Ильи Чавчавадзе, услышал впервые Вано о борьбе Ильи и его единомышленников с «отцами». Мальчик жадно слушал рассказ брата, хотя, конечио, не мог постичь всей глубины и значения этой борьбы.

Занятия с тетей и с первым учителем, которого потом сменил брат, беседы с ним пробуждали в мальчике интерес к родной культуре, зароняли в его душу семя любви к литературе и заиитересованности обществениой жизнью.

В один из летних дией 1863 года, ранним утром, когда Лиахви еще куталась в туман, а развалины крепости на Кехвской горе чуть розовели, со двора Мачабели тяжело выкатилась арба. Прощание с семьей было немногословным и печальным. Маленькая сестра, мать и тетя долго еще оставались стоять у ворот. Арбу провожали три пары заплаканных глаз. Путники молчали до самой Цхинвальской дороги. И только совсем скрывшись с глаз провожатых, заговорили о Тбилиси, куда держали путь. Мечты Вано распустили крылья и мчались навстречу полиой иеожиданиостей и приключений городской жизии.

TO SEE — ВИДЕТЬ,
TO HEAR — СЛЫШАТЬ.

...пора, пора!
У паруса сидит на шее ветер,
И ждут тебя.

«Гамлет»

С сабурталинского подъема Тбилиси казался охваченным пламенем. Ночная тьма усиливала впечатление. Казалось, весь город оцепило кольцо костров. Зоркий глаз мог заметить сиующие у огия чериые силуэты. В иочи слышались возгласы, перебранка, мычание быков, скрип телег. Ночь и день ие были разделены границей, но от этого дел ие стаиовилось меньше. Люди суетились, скандалили, матерно ругались. Арбы ие могли разъехаться иа узкой дороге, и вооруженные прутьями погонщики срывали зло на скотине. В Сабуртало с арб сбрасывали дрова, нагружали их кирпичом, и они грузно поворачивали назад.

Наспех построеиные на Вере иесколько кирпичных заводов не в силах были удовлетворить потребиости городского строительства. Старый Тбилиси уже не умещался в границах и, словно вырвавшаяся из запруды вода, растекался во все стороны.

Наши путешествеиники поднялись иа Сабуртало и увидели — ночной Тбилиси в окружении действующих вулканов. Заводские печи извергали огонь. Зачароваиный этим зрелищем Вано не мог произнести ии слова. Было поздно, а аробщик предложил, не устраивая отдыха, спуститься в город. Уставшие буйволы шли нехотя, и аробщику приходилось подгонять их то лаской, то прутом. Вдоль берега Куры лепились друг к другу лавочки и харчевии. Низкие цеиы на корм для скота и

сносная похлебка завлекали сюда едущих на базар крестьян. Скоротав кое-как время до утра, они с первыми петухами направлялись в город.

Тамарашенцы мнновали Верийский мост и выехали на Почтовую улицу. Здесь уже начался трудовой день. Леннво надуваются меха, и кузнец, крякнув, опускает молот на наковальню. Сонный подмастерье одной рукой помогает кузнецу, другой протирает глаза.

Вано и его спутннки миновали мастерские почтовых дилнжансов и уперлнсь в несуразное кирпичное здание. Вано с любопытством смотрит на этот неуклюжий дом. Разве мог он знать тогда, что спустя много лет именно из этого дома уйдет и где-то исчезнет навсегда видный общественный деятель Иванэ Мачабели. Дальше, у самого начала Головинского проспекта, начинался Московский овраг. Здесь живут солдаты в отставке. В темноте их приземистые белые домишки казались грнбами, которые усеяли землю после дождя. Только темнота напоминала о том, что сейчас глубокая ночь: здесь не спадала дневная суета. Арба завернула на Головинский проспект, который спал спокойным сном. Редкне фонари бросали слабый свет на мостовую. Выстроившиеся по обе стороны дороги деревья устало перешептывались. Проснувшийся от скрипа арбы сторож с упреком посмотрел вслед странным путешественникам н вновь уперся подбородком в грудь. У гнмназни, где Вано мечтал учиться, слабо светил фонарь. Зато дворец наместника освещен был ярко.

Арба свернула в сторону от проспекта, мнновала Эриванскую площадь и юркнула в узкий переулок, ведущий к Солдатскому базару. Вскоре она остановнлась у покоснвшегося трухлявого домика, в котором снимал комнату Георгий Мачабели.

В те годы Тбнлнсн рос со сказочной быстротой. Параллельно Головинскому проспекту, вдоль по течению Куры, строился Михайловский. Крепостные, сбежав от помещиков в город, нанимались за самую мизерную мзду — так что рабочая сила была даровая. Рабочие на спинах таскали кнрпичи, известь, камни. Возникали новые районы, улицы, дома. В городе насчитывалось уже около двух тысяч торговых предприятий и двухсот фабрнк и заводов. Население Тбилиси доходило до 70 тысяч.

Шла оживлениая торговля. Купцы разных наций съезжались сюда из многих стран света. Они раскладывали на базарах всевозможные товары. С каждым днем крохотные караваны верблюдов вытеснялись фургонами, нагруженными доверху шелками, коврамн н тканями. Особенно много товаров прибывало из России и европейских стран. Оии переправлялись на огромиых кораблях в Потн, оттуда речным путем до Орпири и, иаконец, погружались на арбы, фургоны... Это было сопряжеио со столькими трудностями и расходами, что доставка из Европы до Поти обходилась гораздо дешевле, чем от Поти до Тбилиси. По этим причинам и спешили проложить железную дорогу, которая связала бы Поти с Баку. Однако и барыш был столь велик, что эти трудности не могли остановнть ловких предпринимателей. Сейчас среди бородатых купцов появились в своих щеголеватых костюмах гладко выбритые европейцы, иа которых пока еще с завистью поглядывали тамошние мелкие барышники. Население Тбнлиси стало таким же пестрым, как и одеяние заморских купцов, и случайный путник мог подумать, что попал на карнавал.

В гомоне тбнлисского базара можно было уловить грузинские, русские, армянскне, французские, персидские слова. Это было какое-то смешеиие языков, причем каждый из этнх языков искажался.

Процесс проникновения капнталнзма, протекающий раиее подспудно, со временем ускорялся, становился явным. Перемены пронсходили буквально на глазах, и особенно сильно они проявлялись в городе.

Тбилиси разорвал путы феодальных отношений и был готов к прыжку в новую жнзнь.

По даиным переписи, проведенной тогда чииовниками, в Тбилиси преобладало «крестьянское население» — под этнм подразумевались и рабочне, которые еще не порвали связи с деревней и считались сезонниками.

Нико Николадзе пнсал в «Колоколе», что рабочий в Грузин не имеет никаких граждаиских прав. Не приiадлежит ни к одному сословию, он просто «беглый — дармовая сила». Рабочие — это имеретинские, гурийскне, кахетинские, мингрельские, рачинские крестьяне, которые сбежали от угнетения и произвола помещиков в город. Но и здесь их хлеб не сладок. Фактически оии бегут из одиого рабства в другое.

Для грузинских рабочих, продолжает Николадзе, лучшее время года — осень. С Нижнегородской и Ростовской ярмарок привозят сюда шелк, вату, шерсть, орех, самшит, чтобы продать их иностранным купцам. Тогда появляется потребность в рабочих руках, а их хоть отбавляй. В ненастные осенние дни, в дождь и слякоть рабочие таскают на себе камни, кирпичи, известь для строительства, тяжелые мешки, ящики, тюки для купцов, воду и дрова для дворян...

Крестьянское и мелкобуржуазное население Тбилиси было недовольно столь мощным вторжением в жизнь Грузии капитализма. Одним из проявлений этого недовольства явилось цеховое восстание 1865 года. Непосредственным поводом послужило введение новых налогов. Возмущенные цеховые мастера вначале вступили в заговор, который перерос в восстание или, как писал Нико Николадзе, «началось ложью (имеются в виду лживые заявления царизма) и кончилось кровью». Это восстание нашло отклик и в русской прессе, а «Колокол» Герцена посвятил ему целый ряд статей.

Видный грузинский общественный деятель Георгий Церетели в одном частном письме так описал события тех дней:

«... в Тбилиси страшный переполох. Восставшие сожгли дом городского головы и разграбили все его имущество. Надо сказать, что он еще «хорошо» отделался. Помощника его вздернули на виселице... И, прости за столь откровенное описание, отрезали ему... и запихнули в рот. Вся Грузия волнуется. Как видно, этим дело не кончится».

До восстания цеховых мастеров маленький Вано был свидетелем еще одного события.

Целую неделю в городе происходит что-то странное. Люди собираются кучками, рассказывают об услышанных новостях, горячо спорят. Даже в будние дни город бурлит, наполнен шумом, как в праздники. Все ждут чего-то нового. Горожане по-разному относятся к ожидаемому событию. Одни впали в уныние, другие не скрывают радости, третьим на все наплевать. По случайно оброненным в его присутствии словам и общему возбуждению Вано понимает, что люди ждут какого-то манифеста. Может быть, это тот самый манифест, слухи о котором не давали спокойно спать его дедушке,

Свимону Мачабели. Мальчик с удивлением наблюдает за отцом, который не только не огорчен, а даже, напротив, ведет какие-то переговоры. Он бегает от дома к дому, чувствует себя в этом переполохе, как рыба в воде. Разве мог понять маленький Вано движения души и соображения его легковерного отца. Георгий слышал от кого-то, что после отмены крепостного права помещикам выплатят деньгами за крестьян, и сейчас жил надеждой на это.

Настал долгожданный день. С раннего утра народ начал стекаться к Гунибской площади. Стар и млад — все высыпали на улицу.

Вот идет одетый по-праздничному в чоху и архалук князь. На широкой груди его сверкают медали. Рядом шествуют молодая княгиня и мальчик в гимназической форме. Князь держится с достоинством, даже не смотрит по сторонам. Вдруг он останавливается и грозно цыкает на кинто, который уставился наглыми глазами на его супругу — такую же чопорную. Кинто, будто и не случилось ничего, поправляет на голове корзину с фруктами. Но как только княжеская чета скрывается за поворотом, корчит такие гримасы, что толпа отвечает ему дружным хохотом.

Одиноко стоит хилый иностранец в очках и с зонтиком под мышкой. По всему видно — это учитель латинского языка. Он удивленными глазами смотрит на все в этом азиатском городе. Вначале его поразил наряд княгини. Затем смутил рык ее супруга. А когда начал кривляться кинто, то иностранец просто не знал, куда деться, и, прижав к груди зонтик, часто зашептал: «O sancta santcorum»[1].

Появилась группа мелких торговцев. Они громко спорят, что-то считают по пальцам, часто повторяя: «Вах! Вах!».

Городские чиновники идут обычным мерным шагом. Лица их ничего не выражают: ни радости, ни огорчения, ни удивления. Где-то завывает зурна. Народу столько, что иголке негде упасть. Крестьяне из окрестных деревень в старых солдатских шинелях — кого, как не их, касается этот митинг — прижались друг к другу и ждут с непонятным чувством, во что все это выльется.

[1] Святая святых (*лат.*).

Площадь все наполняется людьми, гудит. Вскоре приезжают на дрожках и в каретах генералы, знатные господа, высшие чиновники города.

На забитой людьми площади стало так тихо, что можно было услышать полет мухи. Манифест «был прочитан в торжественной обстановке и при звоне колоколов, люди со слезами радости на глазах обнимались, поздравляли друг друга. Счастью и ликованию не было предела. Тяжелый, уничтожающий человека гнет, называемый крепостным правом, уходил в прошлое», — вспоминает один очевидец. Всю ночь напролет кутили, веселились горожане. Не смолкая, играла зурна, гремели барабаны, разносились по улицам песни. Кутили где только было можно — во дворах, на площадях, в садах, на берегу Куры, у церковных оград. Не меньше других радовались и князья. Они хорошо понимали, что реформа в конечном счете ничего не меняет и все остается по-старому.

С не меньшим любопытством следил Вано и за острой борьбой, разгоревшейся между «отцами и детьми». Спор, который завязался вначале, казалось бы, только по вопросам обновления языка, вскоре перерос эти рамки, оказался куда глубже и острее.

В Тбилиси тогда еще не было университета. Поэтому для получения высшего образования молодежь отправлялась в Петербург. Грузинские юноши знакомились с русской культурой, зачитывались статьями Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Идеи революционных демократов открывали им на многое глаза, будили мысль.

Побывав в России, эта часть молодежи объявила войну не на жизнь, а на смерть старым взглядам, закосневшим обычаям, архаическому языку.

«Отцы» приняли вызов молодежи и добились поначалу немалых побед. Однако каждый день, месяц, год убеждали их в ошибочности своих взглядов, зыбкости аргументов, непрочности основ. В духовной жизни страны назревал великий, не виданный еще перелом.

В рядах сторонников нового находился и Васо Мачабели, которому тогда было девятнадцать лет. Он часто с восторгом рассказывал младшему брату об Илье

Чавчавадзе, о борьбе, которую они ведут за подъем грузинской литературы, театра.

Вскоре после приезда в Тбилиси Вано попал и в «лагерь отцов». Произошло это при оригинальных обстоятельствах. Честолюбивый Георгий Мачабели гордился своим старшим сыном, ему было приятно слышать, когда говорили, что Васо умен и талантлив. Но когда Георгий понял, что и о маленьком Вано он может заставить заговорить, то решил показать его «свету».

В одно воскресное утро приход церкви Орбелиани, который состоял из влиятельных и почтенных особ, стал свидетелем поразительного события: «Апостол» читал девятилетний мальчик. Вначале он от волнения заикался, робел, но потом голос его окреп, разлился по церкви. Часто поднимая голову, обрамленную светлыми кудряшками, он читал молитву наизусть. Общество было покорено.

«Это не ребенок, а чудо...», «Просто ангел во плоти»,— шептались дамы.

Уже пожилой известный поэт Григол Орбелиани пришел в восторг от мальчика.

— Чей он? — спросил поэт.

Ему рассказали, что это сын Георгия Мачабели — Вано. Он скоро будет держать экзамен в гимназию.

— Хороший мальчик,— одобрил Григол Орбелиани,— будет полезным нашему обществу. Я близко знал его деда — Свимона Мачабели; внук, наверно, будет достоин дедушки.

Пожилой поэт приласкал маленького Вано, просил заходить к нему в гости. Георгий воспользовался благосклонным отношением Орбелиани к его сыну и часто возил его в дом почтенного поэта, где собиралось избранное общество. Часто Вано, затаившись, слушал разговоры о литературе и театре, о прошлом и будущем, о журнале и музыке — словом, о самых волнующих проблемах того времени.

* * *

Вано не сразу поступил в гимназию. Он целый год готовился к экзаменам, особенно налегая на русский язык. В деревне Вано не слышал русской речи. Сейчас

же Васико просто диву давался, как мог этот мальчик в течеиие каких-то иескольких месяцев так овладеть языком.

По милости отца они жили в нужде, в вечной боязии за завтрашиий деиь. Часто Ваио подбирал на улице листки бумаги и иа иих готовил уроки. Георгия это мало волиовало. А в редкие вечера, когда проиизывающий до костей ветер удерживал его дома, Георгий упоеиио читал какой-нибудь бульварный ромаи и смеялся вслух.

Так в заиятиях и беседах с братом прошла зима. Ваио уже привык к русской речи, как говорится погрузииски, «сломал язык». И все же мальчик волиуется, боится экзаменов. Волиуется и его брат Васико. Только Георгию все иипочем, ои увереи в успехе сыиа, о чем ие стесияясь трезвоиит всему свету.

Результаты экзамеиов превзошли все ожидаиия. Такого успеха не ожидал ни сам Вано, ии его брат, ии даже их беспечиый отец.

Ваио с таким блеском выдержал испытания, что его посадили прямо во второй класс и, как особо одареиного, взяли иа государственное обеспечение.

Настал долгождаиный день: перед мальчиком открылись двери гимиазии, которая представлялась ему светлым храмом. На самом деле оиа иичем ие отличалась от всех заведеиий этого типа, хорошо известиых читателю по киигам Акакия Церетели или Помяловского.

«Мальчики постарше,— вспомииает Акакий Церетели,— затаив дыхаиие сидели за партами, а малышиновички кучками жались к стеиам. На стеиах, куда ии взгляиешь, висели картониые таблицы, иа таблицах были выписаиы буквы и слоги. Вот по этим-то таблицам и учились читать малыши. К каждой группе был приставлеи свой старший, в руке у иего был прут, и стоило кому-иибудь из ребят ошибиться, старший стегал его. Группы новичков переходили от стенки к стенке, им разрешалось сесть за парту лишь тогда, когда оии заучат все таблицы.

Так жилось иовичкам до тех пор, пока оии ие выучатся читать. Нередко на это уходило больше года.

Представьте себе семи-восьмилетнего мальчугана, которого морят голодом с семи часов утра до двух пополудни, — и тогда вы поймете, какие муки терпели несчастные дети. Одних мутило, у других кружилась голова, и они падали без чувств. Но на это никто не обращал внимания...

В те времена повсюду в школах были в употреблении жестяные жетоны, которые назывались «марками». Марку совали в руки тому, кто скажет хоть слово по-грузински. Вдобавок виноватого хлопали по ладони длинной дощечкой — линейкой. Каждый ученик всячески старался всучить «марку» товарищу и хлопнуть его линейкой по ладони. Таким образом этот злополучный жетон переходил из рук в руки. Ученик, не успевший от него отделаться и оставшийся к концу занятий с жетоном в руках, должен был просидеть весь день в школе без обеда.

Эти порядки оказывали на школьников разлагающее влияние: они приучались ко лжи и лицемерию. Дети старались как-нибудь подвести или обмануть друг друга...

В ту пору по всей России было распространено мнение, что розга способствует развитию ума и «насаждению благонравия». Естественно, что и в гимназиях розги занимали первое место.

Не проходило и дня, чтобы откуда-нибудь не раздался оглушительный детский крик и визг. В любой роте не расходовалось, верно, столько розог, сколько в каждом из наших классов. Сторожа привозили их целыми арбами, ежедневно обновляя запас. Все решительно, начиная с директора и кончая сторожем, имели право бить ученика. Никто не интересовался тем, за что и почему секут. Кто знает, сколько детей заболело от этого, сколько их было навеки искалечено физически и нравственно. Бывали случаи, и нередко, когда разные начальники секли одного и того же мальчика по три, а то и по четыре раза на дню...

Одного из учеников судьба наградила большими ушами. Все, и взрослые, и дети, постоянно дергали его за уши. Однажды озверевший надзиратель надорвал ему ухо до половины. Ухо распухло и лишь через несколько дней стало заживать. Но кому какое дело — зажило оно или нет! Его снова дергали за ухо и опять надрывали. В конце концов мальчик ушел из школы.

Другого ученика тот же надзиратель с такою силою хватил ребром линейки по лбу, что повредил кость. Кровь потоком хлынула из раны. Мальчик потерял сознание, его унесли домой. Но и на это происшествие никто не обратил внимания. Случаев такого рода не перечесть.

Был у иас в классе иекто Габашвили. Ему приходилось ходить в школу пешком из деревни, и он, естественно, не поспевал к началу уроков. Беднягу ставили за это на колени в угол — до самого конца уроков. Нам редко удавалось видеть его в учебное время не на коленях. Как-то случилось, что он задержался в Кутаиси и заночевал у кого-то из своих родственников. Ему удалось, к тому же, добыть учебники — в те времеиа не только книг для чтения, но и учебииков издавалось так мало, что на класс приходилось по нескольку штук, и мы брали их друг у друга,— и он прекрасно выучил уроки. Пришел он на этот раз вовремя, но по привычке сам отправился в угол и стал иа колени. Никто не обратил иа это ни малейшего внимания. Старший его группы поставил ему хорошую отметку, я проверил,— оказалось, что оценка правильная.

Учитель, просматривая ведомости, остаиовился иа четверке Габашвили. Он, видимо, был удивлеи и вызвал его. Спросил — и врагу такого не пожелаю! — оказалось, что Габашвили не зиает ни слова. Учитель покачал головой и вызвал меия.

— Ты поставил эту отметку? — спросил ои.

— Да,— отвечал я.

— За что? Он ведь ничего ие зиает!

— Когда я его спрашивал, ои знал.

— Знал? Как он мог забыть так скоро, в какие-нибудь две минуты? Нет, здесь что-то иеладно! — сказал он сердито. — Я дознаюсь, в чем дело, но сейчас иекогда. Габашвили, ступай на свое место и становись на колени. И ты, Церетели, стань рядом с ним, пока ие кончится урок. Потом я спрошу вас обоих.

— Что ты иаделал, проклятый? Ты же зиал урок? — спросил я шепотом Габашвили, когда мы оба очутились в углу.

— Я и сейчас знаю, — ответил он, рыдая.

— Почему же ты не ответил?

— Не мог! Я не мог отвечать стоя. Вот уже сколько времени мне приходится учиться стоя на коленях. Вот проверь, знаю я или нет.

И он ответил мне весь урок наизусть.

— А как встану, сейчас же собьюсь.

Учитель заметил, что мы переговариваемся.

— Вы о чем шепчетесь?

Я покинул свой угол и рассказал ему все. Тогда он вызвал Габашвили, поставил его на колени и стал задавать вопросы. Габашвили отвечал толково. Учитель несколько раз повторил свой опыт и был до того поражен, что прервал урок и ушел в канцелярию. Кто знает, что он там говорил! Но с этого дня мы уже никогда больше не видели Габашвили на коленях . . .»

Детей не учили по-человечески, а заставляли бестолку повторять, как сорок. Ученики все заучивали наизусть, но никто никогда не спрашивал их, понятен ли им смысл заученного или нет.

В гимназии, где учился Вано, для лучшего усвоения языка существительные и предлоги рифмовались, как стихи, и зазубривались наизусть. Не отставали от словесников и преподаватели географии. Они переняли опыт коллег и заставляли детей механически заучивать названия государств, островов, рек . . .

Вот, например, как запоминали гимназисты острова Северной Америки:

Куба, Ямайка — знай-ка,
Порто-Рико, Гаити — не забывайте,

Но и в этом царстве лжи и невежества были настоящие, преданные своему делу педагоги. Скольким юношам пробуждали умы и зажигали свет в глазах такие учителя, как Яков Гогебашвили, Нико Ломоури, Нико Цхведадзе, Василий Барнов . . . Они сеяли семя добра, учили молодежь любить людей, уважать труд, не жалеть и самой жизни для блага отечества.

Таким педагогом был и Петре Умикашвили. Преподавая в гимназии грузинский язык, он знакомил учеников не только с классической грузинской литературой, но и с народными стихами, с творчеством современных писателей. В те годы он собирал фольклорный материал и давал задание детям записывать услышанные в деревнях легенды и сказания.

Страстиый патриот грузииского языка и литературы, Умикашвили собирал способиую молодежь в кружок, где они вечерами разбирали иовые книги, беседовали о литературе и искусстве.

«Сегодня вечером,— читаем мы в диевиике Умикашвили,— собралась у меня молодежь... Под конец я предложил ребятам перевести с русского языка какой-либо рассказ, особенно понравившийся им».

Многим обязан чуткому воспитанию Вано Мачабели. Заметив в гимназисте незаурядные способности, Умикашвили предложил ему перевести главу из одной повести. Кто знает, может, этому первому поручению учителя мы обязаны тем, что через много лет на грузииском языке появились блестящие переводы Шекспира!

Вано с пылом взялся за работу. Он перевел втрое больше заданного ему текста. Умикашвили похвалил мальчика за старание, но в то же время на примерах показал, какого усердия и, что самое главное, знания языка требует переводческое дело. Первый редактор переводов Мачабели, Петре Умикашвили, с особой чуткостью разобрал «пробу пера» начинающего литератора и дал правильное направлеиие его таланту. Исправив ошибки и погрешности в стиле, ои приписал красным карандашом: «Лучше переводить меньше, но вдумчивей».

Среди одиоклассников Вано был самым младшим и в то же время самым подвижным, неугомоиным. Товарищи любили шустрого Ваио, ие давали его в обиду.

Вано запоем читает книги. Он буквально знает наизусть последние номера журнала Ильи Чавчавадзе «Сакартвелос моамбе», в котором печатаются лучшие произведения грузинских, русских и европейских писателей. Вано уже прочел «Героя нашего времени», «Горе от ума» (в переводе Г. Эристави), произведения Гюго, статьи Белинского и Добролюбова, письма Прудона и многое другое. Его брат приносит из библиотеки русские книги, и Вано жадно набрасывается на них.

Четырнадцатилетний юноша стремится «опередить время», он чнтает даже трагедии Шекспира. Может, ои уже и мечтает о переводе гениального английского поэта.

Вскоре после поступлеиия Ваио в гимназию его брат уехал учиться в Петербург, ио и из далекого «севериого города» ои руководил образованием Ваио. По его

настоянию Вано берется за изучение иностранных языков и делает немалые успехи.

Акакий Церетели пишет в своих воспоминаниях: «Когда я вернулся из России, то при первой же встрече с друзьями услышал о братьях Мачабели, которые подают большие надежды. Особенно хвалили младшего: «Он одинаково хорошо знает как древний, так и новый грузинский язык,— говорили все в один голос. — К тому же удивительно легко усваивает предметы и иностранные языки».

А семья Мачабели по-прежнему еле сводит концы с концами, бедствует. Отец по горло залез в долги, его со всех сторон осаждают кредиторы. И вот уже иссякли последние силы, угасают последние надежды...

Но в этот трудный час для семьи Мачабели ей протянул руку помощи Григол Орбелиани. Заинтересованный в судьбе мальчика, он не только помог его отцу выкарабкаться из беды, но и нашел для Вано учеников из состоятельных домов. Маленький репетитор смело взглянул жизни в глаза.

Вано ни на минуту не забывал своей матери, старался чем только мог облегчить ее горькую жизнь. Получив деньги, он послал ей в Тамарашени сахар, чай, мыло. В письме, вложенном в посылочку, Вано сообщал, что теперь станет легче, «я уже при деньгах».

* * *

В те годы только и было разговоров в гимназии, что об Илье Чавчавадзе. Юноши с трепетом следили за развернувшейся борьбой, чувствовали, что в духовной жизни общества происходило что-то значительное. «Сакартвелос моамбе» переходил из рук в руки, зачитывался до дыр. Опубликованные на страницах этого журнала статьи находили горячий отклик в сердцах юных гимназистов. Каждый номер «Сакартвелос моамбе» открывался эпиграфом, напечатанным на титульном листе: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее уже становятся мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето». И это лето наступало, чувствовалось его живительное дыхание. Мальчики видели себя в грезах соратниками Ильи в борьбе за счастье народное. Юные мечтатели уже с видом зрелых людей рассуждали о Чернышевском, Добролюбове, Герцене.

Однокашник Вано по гимназии пишет: «Я хорошо помню то время. Илья Чавчавадзе только начал издавать журнал «Вестник Грузии». Это был период общего оживления. Реалисты и материалисты-шестидесятники будили лучшие чувства. В культуре начинался общий подъем».

Основанный в 1850 году, грузинский театр просуществовал всего лишь четыре года. Люди мечтали о возобновлении постановок, однако это было сопряжено с большими трудностями. Открытие постоянного театра казалось делом далекого будущего... Но это вовсе не расхолаживало поклонников искусства. Они часто силами любителей устраивали спектакли в клубах и частных домах. Каждое такое представление было связано со многими волнениями и радостью, в нем принимала участие почти вся передовая общественность. Поэтому и число любителей-актеров было велико.

Вано Мачабели с детства был страстно увлечен сценой. Уже в гимназии он переводил пьесы и участвовал в самодеятельных спектаклях. В одной из таких постановок его увидел недавно вернувшийся из Петербурга в то время уже известный писатель Акакий Церетели. Произошло это в гостиной Соломона Эристави, где давалось представление пьесы Георгия Эристави «Раздел». Щуплый, с бледным лицом юноша играл женскую роль — Монавардиси. Тогда нередко мальчики исполняли женские роли.

Увлечение многих гимназистов театром было вызвано общим настроением грузинской интеллигенции — буквально все только и говорили, что о театре. К тому же любовь к театру прививал гимназистам учитель грузинского языка Петре Умикашвили, который до глубокой старости был поклонником сцены и писал пьесы. Он столь самозабвенно любил театр, что свое нищенское жалованье (12 рублей) распределял на месяц так, чтобы оставалось немножко на посещение спектаклей гастролировавшей тогда в Тбилиси итальянской оперы. В одном из писем Умикашвили делится с другом: «Без театра я мертв. Вся моя жизнь в театре, там я оживаю».

И не случайно, что трое его учеников — Иванэ Мачабели, Васо Абашидзе и Александр Сумбаташвили-Южин — стали впоследствии выдающимися театраль-

ными деятелями. В своих воспоминаниях и письмах они с душевной теплотой вспоминали прекрасного педагога Петре Умикашвили.

* * *

В шестнадцать лет Вано Мачабели успешно оканчивает гимназию и даже получает памятный подарок. В мечтах он стремится в Петербург, к брату, который учится на последнем курсе юридического факультета. Поехать за свой счет, конечно, Вано не может, у него нет денег даже на дорогу. А отправить его на государственный счет не удается, так как юноша еще несовершеннолетний.

Долги же отца росли неуклонно, кредиторы травили его, как загнанного зайца. В феврале 1871 года Вано пишет из Гори своему брату: «Все было бы хорошо, не пристань к нам этот верзила, которому задолжал отец. Покоя от него нет. Вчера опять приходил и, конечно, ушел с пустыми руками. Сейчас отец хочет заложить имение Сосиашвили. Если выгорит это дело, будет очень хорошо».

Однако из этой затеи ничего не вышло. Впрочем, Георгий мог без всяких угрызений совести спустить деньги в любом духане. Так или иначе, а уже через две недели Вано вновь жалуется брату: «...сейчас у нас появились еще двое кредиторов. Какой-то Туманишвили просто не дает мне прохода. Стоит мне выйти из дому, как он подскакивает и тычет в нос отцовским векселем. А второй — хозяин дома».

В доме нет буквально ни гроша. Даже не на что послать Васико в Петербург чурчхелы, которые он так любит.

Нельзя сказать, чтобы хорошо шли дела и у старшего брата. Он тоже нуждается, ничем не может помочь семье.

Вано Мачабели приглашают преподавателем в Гори, в семью генерала Константина Мамацашвили. И он охотно соглашается. Юноша перебивается с грехом пополам, но все же откладывает копейку за копейкой, лелея мечту поехать для продолжения образования в Петербург.

Летом 1871 года Вано Мачабели уже готов к путешествию в Россию. Деньги на дорогу собраны, брат

пишет ободряющие письма. Оказывается, ои иедавио устроился иа работу, так что Ваио может приехать, пока что иуждаться оии ие будут. Ну, а потом что бог даст. Словом, пора и в путь.

И вот настал долгождаииый деиь.

Шумиая толпа окружила дилижаис. Друзья и родствеиники прощаются, дают советы, передают поклоиы... Кони иетерпеливо бьют копытами по мостовой. Кучер, приложив руку ко лбу, проверяет по восходящему солнцу время. Наконец раздается рожок коидуктора, и путешествеиники суетливо заиимают места.

Экипаж медлеиио ползет по подъему, все оглядываются, шлют провожающим воздушиые поцелуи, машут платочками, что-то кричат. Толпа умеиьшается, постепеиио превращаясь в движущуюся точку. От разноцветиых зоитиков и блестящих иа солице эполет рябит в глазах.

Одии только Вано Мачабели ие смотрит иазад. Юиоше иекому послать последиий поцелуй или помахать рукой, его иикто ие провожает. Сидя иа облучке рядом с коидуктором, ои смотрит иа исчерчеииое солиечиыми лучами иебо, по которому леииво плывут караваиы облаков. Дилижаис с грохотом миновал Крестовый спуск, обогиул кирпичиый завод, проехал мимо больиицы, мастерской по почиике фаэтоиов, кладбища, трактиров и очутился в гуще фруктовых садов, тяиущихся вдоль всего Сабурталинского подъема.

Перед Ваио Мачабели иевольио воскресают картииы детства, когда ои ехал по этой же дороге из деревни в Тбилиси. И тогда начииалась для иего иовая жизнь, такая же иеясиая и тумаииая, и тогда так же сильио объяла все его существо иепоиятиая грусть. Но тогда ехал иа арбе деревенский мальчик, а сейчас отправляется иа чужбину иачитаииый и знающий языки юиоша. И кто зиает, что ждет его впереди. Ведь Петербург, уииверситет — это для иего лишь иазваиия, слова, полиые таииствеииой и чарующей музыки. Музыки, в которую ои входит, ио еще ие может поиять...

Было уже позднее утро, когда дилижаис въехал в древнюю столицу Грузии — Мцхета. И юиоша с еще большей силой ощутил любовь к родиой страие, миогострадальиой и иепокориой. Начииая от Тбилиси, по

пути встают на каждом шагу величественные крепости — свидетели самоотверженной борьбы грузин за свободу отчизны. Взволнованный красотой края и воспоминаниями, юноша клянется не жалеть сил, знаний и самой жизни для службы родному народу.

Когда на второй день экипаж подъехал к Казбеку, уже сгущалась тьма. Путешественники устремили взгляды к властителю этих краев — Казбеку. Но великан уже накрылся черной буркой и, зарывшись головой в тучи, спал безмятежным сном. Кучер успокоил разочарованных путников: подождите, утром вы увидите его во всей красе.

Действительно, утром их взорам предстало чудесное видение. Казбек с гордо поднятой головой озирал свои владения. И каждая седина в волосах, каждая складка на черном плаще выдавали в нем властелина, бросающего вызов самому небу. А внизу рокотал Терек, то подобострастно целуя колени повелителю края, то бурно негодуя на сковавшие его бег узкие берега. На зеленых холмах, которые кружились в хороводе у ног Казбека, белыми пятнами двигались стада овец.

Где-то в горах чабанит недавно вернувшийся из России разбитый, обманувшийся в надеждах Александр Казбеги. Правда, Вано даже не знает о его существовании, но пройдет время, и Вано встретит, как чудо, его рассказы. Вот эти самые пастухи, что гонят по склону горы овец, станут бессмертными героями истинно грузинских произведений Казбеги.

Кучер не дал нашим путешественникам долго любоваться чудесами природы. И вскоре они продолжили путь. А там, во Владикавказе, пересели на поезд, который шел в Петербург.

В маленькой комнате накурено. Свеча в бутылке без горлышка мигает. Тишину нарушает лишь тиканье часов. За окном накрапывает мелкий, как из сита, дождь. Комната обставлена бедно, с первого взгляда определишь, что здесь живут студенты.

Положив локти на стол и подперев руками щеки, Чавчавадзе увлеченно читает. Напротив него сидит молодой адвокат Василий Мачабели. За спиной брата, у окна, молча стоит Вано. Он не может насмотреться на обожаемого с детских лет писателя. От радости сердце

его часто бьется, но юноша сдерживает порыв чувств, боится помешать Илье. Сегодня он впервые встретился так близко с этим прославленным на всю страну человеком. И сегодня же он держит самый ответственный в своей жизни экзамен — Чавчавадзе читает его перевод нескольких сцен из «Короля Лира».

Вано знает, какой строгий критик Илья Чавчавадзе, он хорошо помнит страстную статью по поводу перевода «Безумной» Козлова, в которой известный писатель буквально сровнял с землей Реваза Эристави. И сейчас юноша с замирающим сердцем ждет приговора.

Но Илья не торопится. Закончив чтение, он посмотрел в глаза Вано, прошелся по комнате, еще раз взглянул на рукопись и тихо произнес: «Великолепно».

Значение этой оценки в полной мере понимает только Васо. Он прекрасно знает, что Илья не бросает слов на ветер, а если ему что-то не нравится, то говорит прямо в лицо. Илья Чавчавадзе спросил у Вано, как давно тот изучает английский язык и когда приступил к переводу. Вано еще со школьной скамьи взялся за изучение языка. Тогда он бредил Шекспиром, мечтал переводить его трагедии. Но только здесь, в Петербурге, он решился на это. Переводил медленно, со страхом и нерешительностью.

— Хорошо, хорошо,— говорит Илья Чавчавадзе,— перевод этот не только обогатит грузинскую литературу, но и будет способствовать становлению нашего театра. А это дело неотложное, очень нужное.

Чавчавадзе просит юного переводчика поскорее закончить работу, чтобы он мог взять с собой в Тбилиси рукопись и напечатать в альманахе.

— Ведь до сегодняшнего дня,— говорит он,— на грузинском языке не было ни одного приличного перевода Шекспира.

Илья Чавчавадзе особенно любит именно «Короля Лира». Еще в 60-х годах он поставил «живые картины» по этой трагедии и сам играл Лира.

— Эту роль я буду исполнять и в новой постановке,— шутя обещает он Вано.

Юноша, потупив голову, смущенно говорит. Он с удовольствием переведет Шекспира, но ведь ему надо учиться, сдавать экзамены, сейчас главное для него —

успешно закончить университет. Он не может оторваться от занятий, а переводить Шекспира урывками невозможно.

И опять спешит на выручку Васико:

— Я хорошо знаю повадки здешних чиновников,— обращается он к Илье,— тебе так или иначе еще долго придется скучать. Так не теряй времени, садись и переводи вместе с Вано.

Илья задумался. Вано не верит своим ушам. Для него нет большего счастья, чем работать вместе с великим Ильей Чавчавадзе. Но тот молчит, медлит. Юноша весь превратился в слух, бледный, с горящими глазами, он жадно ждет ответа.

Чавчавадзе посмотрел на письменный стол, потом перевел взгляд на Вано, махнул рукой:

— Что ж, попробуем.

На другой день Илья Чавчавадзе и Вано Мачабели сели за перевод. О том, какими темпами они работали, мы узнаем из письма Васо другу:

«Оба они на редкость трудоспособны. Представь себе, за каких-то три месяца завершили весь перевод».

Илья согласился с предложением Вано переводить Шекспира четырнадцатистопным белым стихом, который так органичен для грузинского языка. И закипела работа. Вано читает по-английски, затем переводит всю фразу слово в слово. Илья внимательно слушает, просит еще раз прочесть вслух. Потом они начинают искать более точные слова, более верные фразы. Так возникают на грузинском языке чудесные стихи Шекспира, так переносятся в грузинскую речь его образы.

Случается, фраза или даже одно слово часами мучают переводчиков. Вано еще и еще раз вчитывается в текст, старается глубже проникнуть в мысль автора, но выразить по-грузински не может.

O, how this mother swells up toward my heart,
Hysterica passio, — down, thou climbing sorrow,
Thy element's below! . .

«Желчь подступает к горлу и душит»,— пишет Вано и тут же недовольно зачеркивает.

«Комок, подступивший к горлу, не задуши меня»,— нет, опять не то.

«Все во мне смешалось, сперло горло»,— говорит Илья и сам же неудовлетворенно качает головой.

«Комок, подкатывающий к горлу, отпусти меня», — пишет Вано и, даже не показав Илье, зачеркивает.

«Желчь, отхлынь, что ты привязалась», — размышляет вслух Илья, но сам же отвергает неудачный вариант.

Удивительно, как иногда бывает трудно перевести самую простую на первый взгляд фразу. Илья трет лоб рукой, подходит к занавешенному окну — это место он в шутку называет «уголком муз».

Вано злится на себя, кусает губы, мучительно перебирает в памяти народные выражения, пословицы. Но нужную не может найти. Он произносит вслух:

Вздымаются до сердца нити спазмы;
Hysterica passio! Вниз, недуг,
Там твое место.

— Поверхностно, мало поэтично, — говорит Илья. — Но унывать не стоит. Найдем.

Они перебирают еще сотни вариантов, и наконец рождается строфа:

Меня задушит этот приступ боли!
Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!
Не подступай с такою силой к сердцу!..

Кажется, перевод удается на славу. Илья очень доволен соавтором, он удивлен прекрасным знанием Вано родного языка, его умением находить в народных пословицах те нужные, без отбитых углов слова, которые передают дух шекспировского стиха.

Они закончили первое действие. Васо Мачабели — их первый читатель — в восторге. В доме одного студента устраивается чтение и обсуждение перевода первого акта «Короля Лира». Здесь собираются грузины, приехавшие учиться в Петербург. В комнате тесно, накурено. Вано читает медленно, с расстановкой, словно взвешивает каждое слово. Илья одобрительно кивает ему головой.

В том мало смеху, что уходит шут,
Вас тоже в жизни перемены ждут, —

заканчивает Вано. Студенты не в силах сдержать восторг. Они поздравляют переводчиков, торопят их с завершением работы.

12 октября 1873 года в грузинской газете «Дроэба» появляется корреспонденция из Петербурга: «...и еще о духовной жизни. Наши соотечественники переводят

прямо с оригинала трагедию Шекспира «Король Лир». Примечателен ие только факт перевода иепосредственно с аиглийского, но и мастерство переводчиков, сумевших перенести в стихию грузинского языка шекспировские образы. Это им удалось сделать с помощью 14-стопного белого стиха, которым до сего времени еще никто не пробовал переводить английского драматурга. А ведь размер этот свойственен грузинскому стихосложению и приятен слуху. Нам также известно, что авторы скоро пошлют перевод для напечатания в «Кребули», дабы нелицеприятная критика сказала им, насколько они справились с этой трудной работой и имеет ли смысл доводить ее до конца».

Через несколько дней Илья Чавчавадзе отправил своему другу и активному сотруднику «Кребули» Петре Умикашвили первый акт «Лира», сопроводив его письмом.

«Дорогой Петрус-бег, наша опора и надежда. Посылаю тебе рукопись перевода «Короля Лира». Я и Вано Мачабели считаем, что печатать эту вещь следует, во-первых, не ломая стиха, т. е. вся строчка должна уместиться в одном ряду, а во-вторых, полностью в одном иомере и без всяких исправлений. Таковы наши условия. Корректуру доверяем твоему острому глазу.

Будет очень хорошо, если ты напишешь свое мнение об этом переводе по адресу:

Студенту СПБ университета Иваиу Георгиевичу Мачабели с передачею Илье Чавчавадзе.

Твой Илья».

И виизу приписано торопливой рукой:

«Если тебе понравится перевод, то хочу обрадовать — мы уже кончили и второй акт. Положа руку иа сердце, он не уступает в изяществе первому».

Работа над переводом так увлекла Илью и Вано, что им уже не хватает дия, и они засиживаются до поздней ночи. Теперь, когда они привыкли друг к другу, и переводится легче. К тому же строчка за строчкой они все глубже постигают гениальные образы Шекспира. Переводя, они как бы подносят каждое слово к свету, проверяют его иа глаз, на ощупь и мучительно ищут иужные слова, образы в грузинском языке. Ведь перевод должеи быть не только точным, но и доступиым грузинскому воображению.

Илья Чавчавадзе настолько очарован стихом Шекспира, что просит соавтора помочь ему в изучении английского языка.

С этого дня они каждый вечер, окончив работу над переводом, садятся за книгу Нурока «Практическая грамматика английского языка». Вскоре Чавчавадзе пишет жене, что «серьезно взялся за английский. Когда приеду домой, уже смогу читать легкие сочинения».

Забегая вперед, скажем, что книга Нурока, по которой учились и Вано и Илья, хранится сейчас в личном архиве Чавчавадзе. Она интересна пометками, сделанными рукой Вано Мачабели. На форзаце написано по-английски: «Machabelli».

При изучении языка Вано прибегает к оригинальному методу. Он группирует слова не по гнездам, как это делают многие ученые, а по звучанию. То есть берет схожие по звучанию и далекие по смыслу слова и выписывает их вместе. Так, рядом со словом to see — видеть — написано карандашом sea — море; над словом to hear — слышать — выведено от руки here — здесь... А сбоку мелким почерком — синонимы и омонимы этих слов. Очевидно, Вано легче запоминал английские слова и их значение именно таким путем.

Интересно также отметить, что в процессе занятий Вано Мачабели вносит некоторые поправки в объяснение слов в зависимости от подтекста. Например, у Нурока английское ill переведено как «худо». Вано зачеркивает карандашом это объяснение и пишет — болен.

Но вернемся к переводу «Короля Лира». Илья и Вано работают так охотно и быстро, что уже в декабре 1873 года они читают в кругу друзей окончательный вариант перевода трагедии Шекспира. Илья спешит обрадовать жену.

«Перевод получился прекрасный. Я его обязательно поставлю на сцене. Ты даже не представляешь себе, как здорово он звучит по-грузински. Ни один русский перевод не может идти с ним в сравнение. Вот приеду, почитаю вам, и я не я буду, если не прошибу у вас слезу. Ты ведь знаешь, как я не люблю хвалить свою пачкотню, однако перевод вышел такой, что не хвалить его — брать на душу грех. Здешняя молодежь просто без ума от нашего Лира . . .»

В январе 1874 года Илья Чавчавадзе, провожаемый множеством друзей, уехал на родину. Уже из Тбилиси он пишет Васо Мачабели письмо:

«...Передай Вано, что нашего Лира я отдал для напечатания в «Кребули». Он всем очень нравится. Сегодня вечером я читаю его перед избранным обществом. Боюсь, как бы вновь не ударил лицом в грязь. До сих пор не могу понять, что произошло со мной в Кутаиси. Я был там проездом и решил ознакомить друзей с нашим переводом. Читал я из рук вон плохо. Язык заплетался, я что-то мямлил, глотал слова, пропускал целые абзацы. Вы бы пожалели меня от души, так скверно я чувствовал себя. Посмотрим, что день грядущий мне готовит».

Однако Чавчавадзе волновался зря. Впечатление от перевода Шекспира превзошло все ожидания. «Мы не думали,— писала на следующий день одна газета,— что эта замечательная трагедия может с такой силой зазвучать на грузинском языке. Везде только и разговору, что о новом переводе «Короля Лира».

Лестные отзывы о работе Ильи Чавчавадзе и Вано Мачабели мы встречаем и в переписке многих общественных деятелей Грузии. Константин Бебутов пишет своему другу Нико Николадзе в Париж: «На днях у нас был Илья и читал свой перевод Лира. Собралось нас человек 30. Все находят перевод прелестным».

Грузинский читатель и раньше был знаком с Шекспиром по другим переводам. Но только сейчас, когда появился точный поэтический перевод «Короля Лира», читатель почувствовал всю силу шекспировского гения.

* * *

После отъезда Ильи из Петербурга Вано Мачабели временно оставляет литературную работу и с обычным для него прилежанием продолжает учебу. Он учится на естественном факультете. И выбор этот не случаен. Вано твердо решил отдать все свои знания служению народу. А народ сейчас, ох, как страдает. Отмена крепостного права на деле оказалась мыльным пузырем. Крестьяне стонут под непосильной ношей, тысячами мрут, скошенные эпидемиями. Их обирают царские чиновники, грабят алчные помещики, попы.

И ко всем бедам еще бьет непогода, неурожай.

Юный Вано Мачабели задался целью облегчить горькую крестьянскую долю, помочь своему многострадальному народу. По мнению Вано, грузинский крестьянин больше всего страдает от неправильного ухода за землей. Умей он расчетливо вести хозяйство, тогда и та пядь земли, которая составляет его собственность, даст куда больший урожай. Но ведь умение правильно хозяйничать приходит с просвещением, которое могло бы избавить крестьянина от всех напастей. Вано не видел тогда более глубоких причин несчастий своего народа. Его стремления были благородны, но взгляды наивны. И то, что Вано Мачабели поступил именно на естественный факультет Петербургского университета, вовсе не случайно. Им руководил порыв помочь народу в беде.

Жизнь братьев Мачабели в Петербурге не слаще тбилисской. Скудного жалованья Васо, часть из которого он отправляет в Тамарашени, не хватает на пропитание. Братья с грехом пополам сводят концы с концами, а подчас сидят на хлебе и воде. Однако и на этот раз судьба смилостивилась над Вано, послав ему покровителя в лице крупного грузинского ученого Давида Чубинашвили. Достаточно было его рекомендации, и Вано устраивается секретарем к одному петербургскому чиновнику. О лучших условиях он и не мечтал: хороший стол, дача, уйма свободного времени. Для бедного студента, у которого, как говорится, в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи, лучшего и не придумаешь. Правда, Вано предпочел бы потуже затянуть ремень и отправиться на лето в родное село, однако нужда не тетка, ее за дверь не выставишь.

И вот Вано на легкой пролетке едет в деревню под Петербургом. Дача чиновника отдаленно напоминает ему село, в котором прошло счастливое детство. Вано Мачабели был подвержен той неизлечимой болезни, которую обычно называют «тоской по родине». И эта тоска не оставляла его ни в Петербурге, ни на даче у чиновника, ни за границей.

О том, как Вано живется под кровом хозяина, можно судить по письму к брату. Приведем его полностью.

«Понедельник, 1873, июнь.

Ты, конечно, удивишься, когда получишь мою весточку по местной почте. Но тому есть своя причина.

Приехав сюда, я три дня мыкался без угла, ибо комната, которую приготовили для меня, оказалась сырой и темной. За эти три дня я не мог открыть чемодан и достать марку. А тут подвернулась оказия — двоюродный брат хозяина собирался на денек-другой в город. Вот я и решил дать ему письмо, с тем чтобы он в городе бросил его в почтовый ящик.

Моя новая комнатка такая крохотная, что о твоем приезде сюда и думать нельзя — вдвоем не поместимся. Но меня она вполне устраивает: светлая и сухая.

Тебя, наверное, интересует, как я живу? Вот мой дневник. Утром встаю в 6 часов и иду купаться в море, которое лежит в трех шагах отсюда. На завтрак обычно бывает какао со сливками или чай с булочкой. В полдень кофе с молоком и яйцо. В четыре часа обед из трех блюд и еще кофе. А вечером, после купанья, чай или молоко (по желанию).

С утра до 1 часу дня я занимаюсь своими делами. С часу до семи работаю на хозяина. Потом уделяю часок переводам Шекспира и уже вечером читаю что-нибудь легкое.

Туфли нужны мне позарез. Эти продырявились еще в одном месте, носить их уже неприлично. Перешли обязательно с Переверзевым, он зайдет к тебе.

Место здесь чудесное: море, лес, горы. Я часто вспоминаю наше родное Самачабло».

Дни на даче чиновника плелись, как тяжело нагруженная арба.

И все же Вано боится потерять место, ведь обед из трех блюд да еще вечерний стакан молока не так-то часто он имел дома, в Тбилиси или в Петербурге. О них он будет мечтать и на чужбине.

Но лето прошло, и Вано вернулся к студенческой жизни.

«Студенчество тех годов,— пишет в своих воспоминаниях Акакий Церетели,— ничем не было похоже на теперешнее. Сейчас каждый студент знает, что ему уготовила судьба. Он твердо стоит на земле и не питает ложных иллюзий. «Своя рубаха ближе к телу» — зарубил он себе на носу. А тогдашние студенты в большинстве были идеалистами. По какому-нибудь пустяку они готовы были прошибить лбом стену. Они готовили себя

в жертву на алтарь служения отчизне. Именно таким я помню Ивана Мачабели».

Вернувшись в Петербург, Вано с тем же старанием изучает науки. Он не пропускает ни одной лекции. Да и можно ли усидеть дома, когда на их факультете лекции читают такие видные ученые, как Сеченов, Менделеев, Бутлеров, Вагнер. Легко представить себе, какое влияние оказывали на молодежь эти корифеи русской науки.

Яков Александрович Мансветашвили, впоследствии видный общественный деятель, вспоминает:

«Затаив дыхание ждали мы появления Менделеева. Эта была его первая лекция. Огромная аудитория, рассчитанная на 400 человек, была набита битком ... И вот дверь открылась. Менделеев не спеша прошел мимо затихших рядов. Напряженную тишину вдруг взорвал гром аплодисментов. Казалось, вот сейчас раздвинутся стены или рухнет потолок. Мы, как завороженные, глядели на чуть сутулого, среднего роста ученого, с проседью в бороде и редкими вьющимися волосами, которые почти касались плеч. Мясистые, словно обиженные, губы, прямой нос и голубые глаза, в которых притаилась усталость.

Пока длились аплодисменты, Менделеев стоял молча, на лице его не дрогнул ни один мускул. Трудно было определить, то ли он ушел в свои мысли, то ли выражает неудовольствие нашей демонстрацией. Аудитория стихла. Менделеев сразу же начал лекцию, словно аплодисменты прервали его на полуслове. В голосе его тоже сквозила усталость. Менделеев не был оратором. Слова как-то с трудом следовали одно за другим, казалось, выталкивались силой. Но студенты ловили их на лету. Каждая его фраза была такой емкой, содержательной, что страх пропустить хотя бы одно слово холодил наши сердца. Казалось, за этим высоким лбом скрыта целая лаборатория, в которой непрестанно идут опыты. Результаты этой работы, облеченные в слова, приковывали к себе наше внимание, западали в самую душу. Мы чувствовали, что каждое слово Менделеева — плод творческого поиска, и поэтому столь трудно их выталкивать. Каждая его фраза содержала новую мысль, и следовали открытие за открытием, как упругая волна за волной».

Благодаря лекциям таких крупных ученых Вано получает обширные познания. Он не ограничивает свое образование какой-либо одной отраслью естествознания — изучает органическую и неорганическую природу, интересуется строением вселенной, законами физики... Вано не довольствуется только лекциями. Он живет в городе, где передовая молодежь живет идеями Чернышевского и Добролюбова, где творит его любимый писатель Федор Достоевский, и старается быть в гуще событий. Петербургский «дневник» Мачабели загружен до предела. Часто ему не хватает дня, и Вано проводит без сна ночи, северные белые ночи. А для переводов Шекспира у него не остается времени.

Весной 1875 года Вано Мачабели окончил Петербургский университет. К этому времени дела его брата поправились, и теперь уже хрупкая мечта о продолжении образования за границей вполне досягаема.

Но сначала Вано должен побывать в Тамарашени, навестить родных. А осенью он непременно поедет за границу.

Человек предполагает, а бог располагает,— говорит пословица. Продуманному плану братьев Мачабели не было дано осуществиться. И всему виной стал раздор в семье. К приезду Вано дяди успели окончательно перессориться, и теперь они волками смотрят на его отца.

Георгий спустил на торгах все лучшие земли. Конечно, его право кутить и шляться по духанам, но они-то с какой стати должны расплачиваться за его проделки. Пусть сам Георгий и расхлебывает кашу, которую заварил так круто. Они, его братья, не намерены лишаться крова и куска хлеба из-за шальной жизни брата. Он пьет, увивается за юбками, а они оплачивай счета, погашай векселя. Нет, так не пойдет, надо делиться — и как можно скорее. Каждая минута дорога.

Но Георгий Мачабели оттягивает время, не соглашается на раздел в отсутствие Васо. Где-то в глубине души он надеется на помощь старшего сына, уж тот словчит, вызволит его из беды. Ведь Васико занимается частной практикой, он все законы государевы назубок знает. Непременно ему надо приехать.

Георгий состарился. Суматошная жизнь сломила его. И хотя он суетится, хорохорится, черные круги под

глазами и залегшие у губ горькие складки выдают усталость и неудовлетворенность. Одно только в нем неизменно — беспечность. Вот и сейчас он делает вид, что переживает разрыв с братьями, а в глубине души не очень тревожится. В письме он обращается с просьбой к Васико приехать не мешкая, дабы спасти фамильную честь, уже потраченную молью, и тут же добавляет: «Если у Чубинова или кого-нибудь другого есть на грузинском языке сказки 1000 и 1 ночи, обязательно захвати с собой. Прочту и верну». Но прочитать эти сказки Георгию Мачабели так и не удалось.

Васо вскоре приехал.

После долгих споров и проволочек братья Георгия все же настояли на своем. Дележ был справедливый: братья взяли себе дом, земли и выручку от урожая, на долю Георгия же пришлись... долги и векселя.

Георгий и тут не растерялся. Он пристроил семью кое-как у двоюродного брата Ясэ, а сам махнул в Гори «развеять печаль».

Через несколько дней какой-то крестьянин принес из города весть — Георгий Мачабели умер в трактире Живоглота. Это известие повергло семью в печаль.

— Что и говорить, все мы ходим под богом, все смертны, но ведь умереть-то тоже нужно по-человечески. Подумать только, дворянин из рода Мачабели и... умирает в каком-то грязном трактире. Это ведь просто нелепость, глумление над фамильной честью.

Бедняги, они не знали, какой сюрприз готовится им в Гори. Даже после смерти Георгий остался верен себе, причинив родственникам еще одну неприятность. Трагикомедия жизни и смерти потомственного дворянина Георгия Мачабели была окончена эпилогом, написанным трактирщиком.

Живоглот наотрез отказался выдать тело покойного, пока не будет оплачен его долг. Он очень любил и уважал покойного. Он разделяет горе домочадцев Георгия, скорбит вместе с ними и, конечно же, не должен говорить о какой-то мелочи. Но войдите и в его положение. Если все должники будут расплачиваться с ним на том свете, то, неровен час, и его дети пойдут по миру. Нет, либо наследники Георгия отсчитают ему 800 рублей, на которые у трактирщика есть расписка, либо уедут восвояси с пустой арбой.

Васико недоуменно переглянулся с Вано. А их дядя Александр угрожающе схватился за рукоять кинжала. Но на трактирщика это не подействовало. Он спокойно стоял у стены, часто моргая блестящими, словно начищенными старательным чистильщиком, глазами. Не проняли его ни угрозы, ни мольбы, ни просьбы, ни обещания.

Васико только и оставалось, что отдать трактирщику деньги, собранные им на поездку брата за границу. К тому же прибавились еще расходы на похороны отца, так что Вано уже и думать перестал о продолжении образования в Европе.

* * *

На плечи Вано легли все заботы о семье. Надо было скорее построить хоть маленький домишко, чтобы мать и сестра имели крышу над головой (сколько можно злоупотреблять гостеприимством Ясэ).

Иногда Вано наезжал в Гори, где познакомился с известными народниками Эгнатэ Иоселиани и Мишо Кипиани. Он как-то побывал на собрании кружка народников, в который входили также Кола и Роман Павленишвили, Софром Мгалоблишвили и другие.

Вано Мачабели привлекало в грузинских народниках их стремление помочь народу, облегчить его тяжелое положение. Но методы борьбы со злом, идеи народников скоро оттолкнули более прогрессивно мыслящего Вано Мачабели от их кружка.

— Вот увидите,— сказал он Эгнатэ Иоселиани,— группа «Освобождение труда» оставит вас в хвосте.

Живя в родном селе, Вано Мачабели старается привлечь молодежь к участию в любительских представлениях. Спектакли, поставленные энтузиастами сцены, были частыми явлениями в Тбилиси и Гори. По инициативе Вано такие постановки стали готовиться и в Цхинвали.

И вот в одном из номеров «Дроэба» за 1875 год читаем:

«Цхинвали, 31 августа.

За этот короткий срок в Горийском уезде состоялись три грузинских представления. Одно в Гори и два в Цхинвали. На спектакле в Гори я не присутствовал,

поэтому не могу судить о нем. Слышал только от заслуживающих доверия лиц, что Габуния играла прекрасно.

Зато мне удалось присутствовать на представлении в Цхинвали.

Была дана комедия Г. Эристави «Раздел». Спектакль получился настолько хороший, что и в Тбилиси редко можешь увидеть такую игру. Мужские роли исполняли Заал Мачабели, Вано Мачабели, Габуния. Все они играли хорошо.

Особенно радует нас успех исполнительниц женских ролей — А. Мачабели и А. Алексеевой. Своим участием в любительском спектакле они утерли нос тем особам, которые считают позором для себя не только играть на сцене, но и посещать представления. Бога ради, господа ханжи, прикусите свои длинные языки и не мешайте культурному делу.

Хочется отметить безукоризненное, действительно артистическое исполнение роли Макринэ Эфемией Мачабели.

Народу на представлении было столько, сколько вмещает зал, т. е. 100 человек».

Любительские спектакли как в столице, так и на периферии имели огромное значение для создания постоянного грузинского театра, они как бы подготовляли почву и закладывали основы для его возрождения.

Незаметно прошел год. Вано с помощью брата наконец-то собрал достаточную для заграничного путешествия сумму. Правда, денег ему хватит только на дорогу и первые недели жизни, но Васо обещает высылать ежемесячно на пропитание, так что можно собираться в путь.

Осенью 1876 года Вано Мачабели уже готов к отъезду. Он взял слово с тетушки не совершать прогулки в сады Эдема; попросил мать непременно насушить к его приезду фрукты и приготовить чурчхелы; обещал сестре привезти подарки и подвенечное платье.

* * *

В Поти было по-осеннему сыро. Дождь лил как из ведра. Ветер пронизывал насквозь. Морские волны вздымались, словно хотели коснуться неба. Брызгаясь белой пеной, они вдруг прядали и в слепой ненависти

бросались на берег. Тогда открывались дали и отчетливо были видны стоящие на рейде корабли. Они так густо коптили, что небо казалось изрытым оспой.

Захваченный врасплох неистовством моря, Вано Мачабели стоял на берегу, не замечая ни ветра, ни дождя. Уже третий день держит его в порту непогода. За эти дни Вано успел многое повидать, многому подивиться. Раньше он даже представления не имел о том, как бойко идет торговля в Поти. Склады города ломятся от товаров. Сырой воздух настоен на запахах табака, чая, кожи, рыбы, кукурузы. В толпе снуют мингрельцы и гурийцы, каждую минуту готовые взвалить на спину тяжелые ящики и мешки.

Укутанные в кабалахи[1] купцы суетятся, бегают, торгуются. Уже в Петербурге Вано поражало, что некоторые студенты-грузины сваливают все невзгоды на те перемены, которые происходят в стране. А сейчас в Поти он понял, какие блага несут с собой эти перемены.

«Сейчас деньги, капитал,— писал Вано Мачабели,— подчинили себе все сферы нашей жизни. Они и только они стали мощным фактором всестороннего улучшения и прогресса жизни.

Это мы видим на примере России, где капитал утвердился и уже никто не в силах остановить этот процесс. То же самое происходит в Грузии: сюда тоже постепенно входит капитал, становится господствующей силой. Новые формы методически вытесняют старые, дедовские. Если мы как можно скорее не усвоим эти новые понятия и отношения, то наше экономическое благосостояние и, следовательно, наша материальная и духовная независимость станет очень сомнительной, над нею нависнет опасность. Я говорю об усвоении правил денежного хозяйства, о законах производства и применения их в нашей каждодневной практике.

Если мы не поймем той истины, что надо следовать новому, усваивать его, если мы не обратимся к новым источникам развития производства, тогда мы отстанем от общего движения вперед, от общего прогресса.

Сейчас не время вздыхать и охать по тем временам, когда мы могли беззаботно полагаться на течение и

[1] Кабалахи — башлык.

плыть, куда понесет. Сейчас время настоятельно требует от нас расторопности. Мы должны зорко следить за каждой возможностью усиления промышленности страны, умножения ее богатства. Пришла пора со всей присущей нам энергией приступить, кроме пахоты и сеяния, кроме традиционного виноградарства, к другим производствам, к эксплуатации природных богатств. Будь то каменный уголь или нефть, глауберова соль или медная руда... Мы не должны пренебрегать ничем.

Сейчас, как никогда, нам нужны деловитость, острота мысли, предприимчивость. В этом отношении хороший пример являет собой Западная Грузия. Люди здесь более энергичны, более восприимчивы к новому. За каких-то 10—20 последних лет на западе страны появилось множество разных промыслов, развилась купля-продажа. Каждый год отсюда идет за границу миллион пудов кукурузы, каждый год здесь извлекаются из чрева земли огромные массы угля. Порты Черного моря кишмя кишат здешними купцами.

Да, страна наша просыпается ото сна, видит вокруг себя оживление и сама включается в это движение».

Мы нарочно уступили столько места в нашем повествовании этой статье, чтобы показать, насколько прогрессивно мыслил Вано Мачабели, насколько его мировоззрение исключает всякую замкнутость, примитивизм.

После двухнедельного плавания на легком суденышке, которое своенравные волны бросали, как щепку, Вано Мачабели оказался на немецкой земле. Здесь, в чужом краю, Вано с особой остротой переживает разлуку с близкими, одиночество.

«Ты никогда не испытала,— пишет он сестре,— что значит тоска по родине, и дай бог никогда не испытывать... Будет очень и очень нехорошо... Будешь вспоминать с грустью, которая никогда не изгладится из твоего сердца, наши увлечения и наши волнения... Все детали и мелочи в каждодневной жизни кажутся пустяками, но в отдалении выступают ярко на фоне картины для того, чтобы с болью напоминать о пережитых с дорогими и близкими существами днях...»[1]

---

[1] Письмо И. Мачабели написано по-русски.

Переписка Вано с братом и сестрой представляет собой исповедь заброшенного на чужбину молодого человека.

Собрав эти письма, мы получим как бы дневник, написанный Вано за границей. Из этого «дневника» мы узнаем...

Впрочем, предоставим слово самому автору.

8 ноября 1876 г.

Наконец я почувствовал под ногами твердую почву и обрел покой. Но какой покой — с одной стороны, я беспокоюсь о вас, с другой — мучаюсь от одиночества.

Ты себе не можешь представить, Дарико, как тяжело оказаться под чужим небом, где не услышишь ни одного слова, которое бы смягчило сердце, где каждое лицо незнакомо тебе, чуждо, где ничто не напоминает родную страну.

Болтаю с тобой по-грузински, и на душе полегчало. Словно я вновь с вами, в Тамарашени. Но довольно хныкать... Передай Иосебу, что если к моему приезду он не обучится грамоте, то не ходить нам по одной земле — он или я.

Привет нашим односельчанам.

Да, чуть не забыл, как там у Залико? Когда думают сыграть свадьбу? Скажи ему, чтобы выпил за мое здоровье. Я тоже выпью за молодоженов, правда, вино здесь очень дорого, мне не по карману, но ничего, сойдет и пивом, по-нашенски, по-осетински...

Дарико, пиши мне обо всех мелочах нашей жизни. Ты можешь подумать, что ничего особенного не произошло, и не писать. Но не думай так, меня все интересует.

15 ноября.

Какие новости в Тамарашени? Какие перемены после моего отъезда? Кто обручился или вышел замуж? По-прежнему тепло или выпал снег?..

Передай Эстатэ, коли на Лиахви разведется много уток, пусть одну закоптит и спрячет для меня (только не подо льдом, иначе, как в тот раз, вода унесет весной).

Ты, наверное, думаешь, с чего это Вано так разболтался. Но пойми, для меня переписка с тобой — что беседа с живым человеком на грузинском языке, по которому я так истосковался.

Из твоего письма я понял, что ты и Илико собираетесь в Гори — нанести визиты родственникам. Что и говорить, молоДоженам следует делать визиты, однако моего племянника (или племянницу?) рановато еще приучать к таким путешествиям.

В твоем положении не следует бегать и прыгать. Не думай, будто я требую, чтобы ты сидела дома. Но поездка в такую даль чересчур утомительна. Гуляй себе на здоровье по двору.

2 декабря.

Помнишь, маленькими мы садились у окошка и гадали — где сейчас Новый год — в Тбилиси, Гори или уже под самым носом у нашей деревни. Как приятно вспоминать детство! . .

Если ты порвешь с ленью и будешь мне часто писать, знай, что я буду счастлив. Каждая весточка согревает мою озябшую на чужбине душу.

Значит, через несколько месяцев и у меня будет крошечный племянник. Сейчас, Дарико, ты должна следить за собой и не расстраиваться по пустякам. Умоляю тебя, не прыгай, не поднимай тяжести, иначе ты повредишь малютке Илико или Дарико.

Хочу сказать пару слов твоему мужу.

Дорогой Илико! Меня очень обрадовало твое письмо. Кроме всего, я был приятно поражен твоим хорошим знанием грузинского языка. Никак не ожидал, что ты так бойко пишешь по-грузински.

25 декабря.

...Хотя нас разделяют несколько тысяч верст, все же твои частые письма притупляют боль разлуки. Только вчера я отправил тебе письмо, но сегодня получил от тебя и тут же сел за новое.

Первое побуждение было намылить тебе шею. Неужели, дорогой Васо, ты не знаешь, что я никогда не следую поговорке «На чьем возу сижу, того и песенку пою». Можешь быть уверенным, здешнее студенчество не собьет меня с толку. В жизни не выпендривался, а сейчас тем более. Из твоего письма я понял, что мой рассказ о здешних студентах ты принял за намек, мол, вышли деньги на новый костюм. Поверь, подобное мне и в голову не приходило. А писал я подробно об их нарядах, чтобы ты имел представление об окружающих меня людях.

Прошу тебя, ради бога, не беспокойся о деньгах. Пока что мне вполне хватает того, что ты присылаешь, а мысль о лайковых перчатках и полусапожках выбрось из головы.

Я уже начинаю калякать по-немецки. Странно, но лекции профессоров понимаю лучше, чем разговор студентов. Вообще с товарищами мне не повезло. Сижу за одним столом (не только на лекциях, но и в столовой) с двумя итальянцами, одним французом и немцем. Так что наши беседы напоминают окрошку из французских, итальянских и немецких слов. Завтра начинаются двухнедельные каникулы, надеюсь хоть за эти дни понатореть в немецком языке.

Знаешь, я хотел рассказать тебе, как за обедом мои товарищи трепались, что ездят только первым классом, но испугался, как бы и это ты не принял за намек.

3 февраля, 1877 год.

Садясь за письмо, я представил себе, сколько морей, рек и гор должно оно пройти, чтобы попасть к тебе. И, представь себе, у меня руки опустились. Неужели я забрался так далеко?!

Заклинаю тебя, дорогая сестра, пиши обо всем, не дай мне чувствовать горечь одиночества.

У нас, наверно, очень красиво. Я даже во сне вижу наш сад, маленький домик. Кстати, делаете ли вы что-нибудь с пристройкой...

Поцелуй маму, я очень скучаю по ней.

Как живет-может тетя? Все такая же молодчина? Скажи ей, что коль уж дожила до твоих детей, то сейчас не имеет права покидать нас. Пусть сначала обучит детей, как учила меня и тебя.

22 августа.

Третий день как я в Париже. Хожу, словно ошалелый. Прямо с вокзала поехал на улицу Rue st-Honoré в надежде разыскать Зарапова. Но здесь о нем ни слуху ни духу. Тогда, не мешкая, я отправился по другому адресу, где надеялся найти Измайлова. Однако и его не оказалось в Париже. Хозяйка сказала, что у нее останавливались многие грузины — Микеладзе, Цулукидзе и др. Мне ничего не оставалось, как снять комнатушку Измайлова, ибо жить в гостинице уж очень накладно.

К тому же у хозяйки можно и столоваться — завтрак в двенадцать часов, обед в шесть. Но это мне не по кар-

маму (за все 90 франков в месяц), так что я отказался от завтрака и выторговал обед за 55 франков. Обойдусь и чашкой кофе, зато в обед, который состоит из четырех блюд (говоря между нами, они не стоят наших двух), утихомирю свой аппетит.

Надеюсь подыскать угол на более сносных условиях. С деньгами здесь приходится туго — за рубль дают всего лишь два с половиной франка.

Что касается лаборатории, то подробно сообщу позже. Знаю только, что работать в частной лаборатории у того или иного профессора обходится в 40 франков ежемесячно. Можно записаться студентом, но попасть в лабораторию не просто: нужно внести 50 франков и сдать экзамен по химии.

Компиляцию, что ты мне велел составить, я послал в «Наш век». Прошло уже три недели, а от них ни ответа, ни привета. Я охотно взялся бы за корреспонденции для газет, но у петербургских журналистов своя каста, и кто не принадлежит к этой касте, вряд ли сможет печататься.

В следующем письме я расскажу тебе об этом прекрасном городе. Хочется подробнее узнать Париж, иначе пришлось бы начать, как Месхи, с того, что в Париже множество высоких домов, а над ними церкви. За два-три дня трудно изучить жизнь города.

21 января 1878 года. Париж.

...Ответ от того садовода я получил на второй же день. До апреля у него нет для меня работы, так как сад только недавно приведен в порядок. Если желаете, пишет он, можете приехать в первых числах апреля. Отсюда до Парижа час езды по железной дороге, так что будете и работать в саду и слушать лекции...

Недавно я смотрел здешние катакомбы. Париж строится на собственном камне, который добывается прямо из-под города. Под землей образовались целые коридоры длиной с улицу. В стенах коридоров выдолблены ниши, где беспорядочно набросаны кости и скелеты со старых кладбищ. Люди спускаются сюда не чаще как раз в месяц и остаются не больше одного часа. На этот раз в подземелье нас было около 100 человек, мужчин и женщин. Каждому дали по свече. Трудно передать словами, какая это была удивительная и вместе с тем страшная для суеверных процессия.

Мы шли сквозь строй скелетов, набросанных в кучу костей, костей времен великой революции или начала века. Со стен нас предупреждали надписи поэтов о суетности жизни, о втором пришествии и т. п.

Иногда та или иная группа из нашей экскурсии забегала вперед, и в этой «кромешной» тьме лишь по теням угадывались колеблющиеся силуэты людей. Одни лишь свечи да тени, бредущие по стенам,— больше ничего. Словно ты попал в преисподнюю. Но характерный для парижан юмор быстро рассеивал эту иллюзию.

20 марта. Париж.

Дорогой брат!

Как только я взглянул на твое фото, сразу же решил: Васо перестал скулить и плакаться. Видать, забыты все напасти, как прошлогодний снег. Я еще не начал читать твое письмо, а уже знал наверняка, что ты весел, бодр и деловит. Это я прочел по твоему лицу. А письмо только подтвердило мои догадки. Одним словом, из письма я узнал то, что прочел по твоему лицу, а по лицу догадался о том, что ты пишешь в письме. Ты собираешься в Париж. Спеши, друг, и помни: если ты собираешься и здесь донжуанствовать, то заранее поздравляю с победами. Особенно, коли не забудешь уложить в чемодан черкеску.

К твоему приезду я тоже вернусь в Париж. А пока что сам не знаю, куда подамся.

Сегодня послал два письма директорам Fermes Lécoles (закрытых школ) с просьбой сообщить их условия. И, конечно, написал, что особенно заинтересован в изучении садоводства и виноградарства.

Недавно я перебирал твои письма, и невольно перед глазами стал наш маленький дом. Деревья, посаженные нами, уже, наверно, разрослись, и сейчас наш домик выглядит красавцем. Если есть на свете рай, то для меня он в Тамарашени.

Пришли мне стихи Ильи Чавчавадзе, давно ничего не читал на грузинском языке...

На этом своеобразный «дневник» Вано Мачабели обрывается — лучшие страницы утеряны. А о том, что они представляли большой интерес, мы можем судить по переписке Васо Мачабели с Ильей Чавчавадзе и воспоминаниям современников.

Париж поразил воображение Вано. Юноша попал в город, где каждый дом и камень еще хранили память о баррикадах, а воздух был насыщен запахом крови и пороха. Героические дни Парижской коммуны были живым воспоминанием в сердцах французов. Грузинская молодежь была проникнута глубокими симпатиями к трудящимся Франции, которые заставили весь мир заговорить о себе.

«Мне очень хочется видеть хотя бы одну революцию,— писал грузинский студент, приехавший в Париж спустя несколько лет после падения Коммуны,— видеть взбунтовавшийся народ, который в революционной борьбе особенно проявляет свою подлинную силу и порыв души».

Некоторый свет на жизнь Вано Мачабели в «городе коммунаров» проливают воспоминания художника Давида Гурамишвили:

«С Вано я познакомился в 1878 году в Париже.

Готовясь к путешествию за границу, я заручился его адресом. И вот прямо с вокзала я поехал к незнакомому другу. Вано я не застал дома, но делать было нечего, пришлось ждать. Вскоре он явился. И сейчас, как живой, стоит перед моими глазами Вано — худощавый, высокий, с подвижным, я бы сказал, взволнованным лицом.

Вано нетерпеливо расспрашивал меня о новостях, упивался грузинской речью. От радости, что может беседовать на родном языке, он был на десятом небе. Вано обрушил на меня такой шквал вопросов, что я с трудом отбивался.

Он был на редкость интересным собеседником, разговор с Вано доставлял эстетическое наслаждение. Мы могли целыми ночами бродить по улицам Парижа, который еще переживал трагедию коммунаров, и говорить о судьбах Грузии. Я не знаю более искреннего патриота, чем Вано Мачабели. Он любил Грузию неистово, каждой кровинкой своего сердца. Вано был душой нашей грузинской колонии в Париже и одним из выдающихся ее членов. После лекции в Сорбонне или Коллеж де Франс мы затевали жаркие споры о европейской науке и путях ее применения в условиях грузинской действительности».

И вот этот образованный юноша, активный деятель и патриот пишет из месяца в месяц письма, в которых раскрывает брату душу, искренне делится мыслями обо всем.

Васо хранит эти письма. Иногда не без гордости за брата он читает их друзьям. Как-то он прочел эти письма другу, приехавшему по делам в Петербург. Через него о переписке братьев Мачабели вскоре узнал Илья Чавчавадзе. Обрадованный успехами соавтора по переводу «Короля Лира», Илья тут же пишет своему другу Васо Мачабели:

«Любимый брат Васо! Посылаю тебе первый номер журнала «Иверия», о чем ты просил через Авалишвили. Хотел было выслать и Вано, да адреса не знаю. Кстати, Авалишвили просто рассыпается в похвалах его письмам. Как хорошо бы напечатать их в нашем журнале, конечно, если на то будет разрешение Вано. Напиши ему, что мы просим, умоляем присылать нам статьи, корреспонденции. Вано умный юноша и хорошо владеет пером, мы возлагаем на него большие надежды».

Но Васо не принимает предложения журнала. Он считает, что не стоит сейчас распылять время и способности Вано, не надо отвлекать его от учебы.

«...Что касается моего брата Вано,— пишет он в ответном послании Илье,— то, по моему мнению, пусть он пока занимается своим делом. Не то за двумя зайцами погонишься... Ты не знаешь, во что нам обходится каждый час его учебы за границей.

Поверь, через год он будет тебе лучшим помощником...

Когда я читал твое письмо, то просто не верил своим глазам. Как это тебе могло прийти на ум печатать частные письма Вано? Где это слыхано — публиковать при жизни личные письма? Ты меня удивляешь...»

Но ни при жизни, ни после смерти Вано Мачабели письмам его из Парижа уже не суждено было увидеть свет. Они пропали вместе с биографией, написанной его братом.

В Париже Вано познакомился с известным тогда шахматистом Андреем Давидовичем Дадиани, чьи избранные партии систематически печатались в английских и французских журналах.

Увлечение Вано шахматами началось еще в Петербурге. Студенты часто собирались и шумно разбирали партии, играли целыми вечерами. Переводя Шекспира, Вано в перерывах «скрещивал шпаги» и с Ильей Чавчавадзе.

Сейчас в Париже он без робости принял приглашение Дадиани и сел за шахматный стол. Вано проиграл все партии, и все же Дадиани понравился стиль его игры.

— Ваше достоинство в том,— сказал мингрельский князь, — что вы верите в свои силы. Это вам очень поможет в жизни. Вы решительны. Вы взяли все пешки, которые я пожертвовал, и чуть было не заманили меня в ловушку. И если бы не торопились, еще неизвестно, как окончилась бы партия.

Андрею Дадиани настолько импонировала азартная игра Вано, что сыгранную с ним партию он опубликовал на страницах английского журнала «Chess Monthly».

* * *

Осенью 1878 года Вано Мачабели вновь в Петербурге. Жизнь русской столицы кажется ему еще более кипучей, интересной. Чувствуется оживление, брожение умов. Это относится и к грузинским студентам, которые за время отсутствия Вано создали здесь литературный кружок. Часто, собираясь в доме у Васо Мачабели, они спорят о литературе, политике, экономике, беседуют о свободе и призвании молодежи служить родине.

Идея создания литературного кружка из петербургских студентов принадлежала Илье Чавчавадзе, который в 1877 году писал Васо Мачабели:

«...Умоляю тебя, Васо, попытайся сколотить из местных студентов литературный кружок. Верю в твою заинтересованность в нашем общем деле и искренность. Не оставь без внимания эту мою просьбу».

Васо понравилась мысль друга, и вскоре в Петербурге был образован новый литературный кружок — кружок грузинских студентов.

С этого дня кто бы ни приезжал из Грузии, непременно посещал собрания этого кружка. А в Петербург наезжали по делам и Нико Николадзе, и Дмитрий Кипиани, и Акакий Церетели, и Илья Чавчавадзе.

Частым гостем студентов был и Давид Чубинашвили, видный ученый, знаток истории Грузии и грузинской литературы, лектор Петербургского университета.

В те годы было много разговоров о возрождении грузинского театра. Вопрос этот настолько назрел, что уже, казалось, не терпел отлагательств. Трудности заключались в том, что грузинский театр не имел достаточного количества национальных пьес. Петербургские студенты на собрании кружка решили пополнить репертуар за счет переводных произведений. Группа молодежи во главе с Вано Мачабели взялась за перевод комедии Мольера «Скупой».

Члены кружка настолько увлеклись пьесой, что решили своими силами поставить ее на сцене. Эта затея понравилась и братьям Мачабели.

Спектакли грузинских студентов посещает множество зрителей. Среди них и армяне, и украинцы, и русские. Им нравятся представления, слов нет, это хорошее начинание. Но куда лучше было бы познакомить их с оригинальными пьесами грузинских авторов, показать им быт и жизнь грузинского народа.

Так сами зрители укоряли студентов за то, что они не поставили национальную пьесу. Члены кружка решили сыграть комедию Зураба Антонова «Затмение солнца».

«Много трудностей таила в себе постановка этой пьесы,— вспоминает один из участников литературного кружка,— но и успех был легок на помине.

Роль жениха играл Вано Мачабели. Играл с задором, с огоньком. Упрекнуть его можно разве что в дикции, то ли он спешил, то ли волновался.

Продавца играл настоящий кинто, невесть откуда взявшийся здесь, в Петербурге. Мы кусали себе локти, что выпустили его на сцену. Этот кинто и взаправду возомнил себя на тбилисском базаре и, зазывая покупателей, орал вовсю, с яростью стучал весами, мы с трудом утащили его со сцены.

Роль подростка исполнял Силован Хундадзе. Мы смеялись до упаду...»

В спектакле принимали участие и музыканты-любители. Они исполняли на национальных инструментах — дудуки, сазандари — грузинские мелодии.

Народу собралось так много, что чистый доход от спектакля составил 2600 рублей. Деньги были переданы в фонд нуждающихся студентов. С этого дня каждый год в Петербурге устраивались грузинские представления или концерты.

Почин петербургских студентов нашел горячий отклик у грузинской общественности. Вот что писала газета «Дроэба»:

«25 февраля в Петербурге был дан спектакль «Затмение солнца». Огромный зал дома Гагарина не вместил всех желающих. Со дня написания пьесы она еще нигде не ставилась так хорошо. Артисты играли один лучше другого. В спектакле принимали участие: женщины — Пурцеладзе, Дучандзе и Давташвили; мужчины — Мачабели, Габашвили, Хундадзе, Кезели, братья Андроникашвили.

Публика осталась очень довольна. Даже те, кто не понимал грузинского языка, восторженно аплодировали».

Вано собирается домой. Всю ночь перед отъездом братья проводят за разговором. Вано выходит на широкую дорогу общественной деятельности. Да, он готов отдать себя служению народу. Он даже решил не жениться, чтобы не связать себя семейными обязанностями. Это он решил твердо, бесповоротно. И нечего Васо улыбаться, Вано никогда не преступит клятвы, данной самому себе. Более того, Вано отказывается от своей доли в доходах с усадьбы и от дома. Он уже и дарственную составил на имя старшего брата, который сделал для него больше, чем мог. Вано будет верен себе, он не отступится, он будет служить народу.

12 марта 1879 года Вано уезжает на родину. Начинается, говоря словами его брата, «сложная деятельность Вано Мачабели».

ОТЧИЗНА, ЛЮБИМАЯ

Затаив дыхание, слушаю я
бнение твоего пульса.
Так рассеиваются мои ночи
и клонятся к закату дни.

И. Чавчавадзе.

...но я очень тебя прошу,
запрячь мысли поглубже в
текст...

Из частного письма
редактора.

То были годы кипучей деятельности, неослабной борьбы лучших сынов нации за просвещение народа, пробуждение его, объединение, за возрождение литературы и языка. Общественная деятельность такого масштаба, какую вели наши славные соотечественники, была чрезвычайно сложной.

Представители нового поколения взвалили на свои плечи решение многих сложнейших задач. Они были в одно и то же время и финансистами, и журналистами, и педагогами, и хозяйственниками, и беллетристами, и публицистами, и театроведами, а подчас даже и артистами и режиссерами.

Илья Чавчавадзе и Вано Мачабели разрывались на части, дни их были наполнены заботами. И во всем они принимали участие, везде успевали. Они были в Дворянском банке и Обществе по распространению грамотности среди грузин, в школьном комитете и театральном обществе, в газете и журнале...

Только любовь к родине, забота о народе могли толкать молодое поколение на преодоление всех трудностей.

Возьмем, к примеру, хотя бы газетное дело. Один человек — редактор (в данном случае Вано Мачабели) каждый день писал передовую статью, делая обзор

внутренней жизни, правил поступающие материалы, читал несколько корректур и... вел нескончаемые споры с цензурой. Такую нагрузку вынести могли бы не все. Но Вано не знал в работе устали.

«Я не раз видел Вано Мачабели согнувшимся над письменным столом до 2—3 часов ночи. А в девять утра он уже сидел в рабочем кабинете газеты, — пишет врач Иван Элиашвили. — Хотя Вано и бодрился, но мешки под его глазами выдавали усталость. Я советовал ему по-дружески не переутомляться, однако мои предупреждения он пропускал мимо ушей. Когда я особенно настаивал, Вано тут же соглашался со мной, мол, вот увидите, с завтрашнего дня я дам себе покой. А завтра повторялось то же, что было вчера».

Приехав на родину, Вано в первый же день зашел к Илье Чавчавадзе. Известный писатель обрадовался юному другу и сразу же, не дав передохнуть, втянул в работу.

— Ты мне очень нужен,— обнял он за плечи Вано,— я просто сгибаюсь под ношей.

Ему, Чавчавадзе, необходим образованный и энергичный помощник. Не время сейчас сидеть сложа руки, надо действовать, бороться, надо уберечь всходы, которые дали брошенные ими, шестидесятниками, семена. Сквозь какие только колючки и тернии не приходилось продираться, готовя почву, которая бы приняла эти посевы. Уже колосятся всходы, уже наступает пора урожая. Но пусть Вано не думает, что самодержавие так, без борьбы, уступит им победу. Нет, оно сделает все, чтобы затоптать эти всходы, зарыть в землю все их труды. Илья должен бороться до последнего, и Вано Мачабели будет ему полезным соратником в этой борьбе.

Считанные дни остались до открытия постоянного грузинского театра, уже создается Общество по распространению грамотности, задумано выпустить академическое издание «Витязя в тигровой шкуре». Кроме того, Илье нужен надежный человек в журнале. Кстати, он краем уха слышал, будто Вано пишет стихи. Что тут постыдного, почему его юный друг мнется, смущается. Они написаны в Париже, еще ученические? Что же, Илья обязательно их прочтет, может, даже и напечатает.

Вано активно включается в общественную жизнь. Весь этот год он принимает участие во многих начинаниях Ильи. Чавчавадзе против обыкновения доверился еще неопытному молодому человеку. И его доверие вселило в Мачабели веру в свои силы. Общественность приобрела нового, подающего большие надежды, образованного и преданного народному делу борца. Теперь все чаще стали вместе упоминать Илью и Вано.

* * *

Вано обещал брату не задерживаться в Тбилиси. Он рассчитывал в два дня кончить дело и спешно ехать в деревню. Однако, вовлеченный в водоворот столичной жизни, он на целый месяц откладывает поездку в Тамарашени. В письме к брату Вано находит себе тысячу оправданий, ссылается на уйму непредвиденных дел.

«Недельки через две,— пишет он уже из Гори,— мне вновь придется съездить в Тбилиси. Там ставят комедию Мольера в моем переводе, и труппа просила меня присутствовать еще хотя бы на двух-трех репетициях».

Виной всему была не столько постановка переведенной Вано комедии «Мнимый рогоносец», сколько участие в ней молодой 18-летней актрисы Мако Сафаровой. Но об этом он ни словом не обмолвился в письме к Васо. Еще свеж в памяти тот разговор с братом перед отъездом на родину, когда Вано клятвенно обещал пока что не жениться. Поэтому, вопреки своему обычаю обо всем делиться со старшим братом, он скрытничает, изворачивается.

Первое знакомство Вано Мачабели с Сафаровой произошло на любительском спектакле. Девушка играла просто и искренне, каждый жест изобличал в ней будущую великую актрису. После спектакля ей представили Вано.

Сафарова уже слышала о Мачабели, ей очень нравится его перевод «Короля Лира». Она бы с удовольствием сыграла Корделию.

Их беседе помешала группа артистов. Вано особенно обрадовался встрече со своим однокашником по гимназии Васо Абашидзе.

Весь следующий день Вано не находил себе места. Чтобы занять время, он отыскал в чемодане перевод

«Короля Лира» и принялся читать. Но вдруг поймал себя на том, что пропускает целые страницы, читая только монологи Корделии.

Смеркалось, Вано в легком пальто вышел на улицу. Он так быстро шел по Барятинскому подъему, словно хотел забыться в ходьбе. Сейчас Вано думал лишь о том, что надо избавиться от этого чувства. Надо избегать встреч с Сафаровой. Ведь он поклялся отдать свою жизнь целиком служению народу, а увлечение прекрасной актрисой может его далеко завести. Но от судьбы не убежишь. У сквера на Головинской площади Вано увидел Сафарову. Девушка растерянно улыбалась.

— Я целый час машу вам рукой,— сказала она с упреком,— а вы все смотрите по сторонам.

Вано извинился и, сам поражаясь своей смелости, предложил ей прогуляться к Нарикала. Они пересекли площадь и пошли в сторону крепости. Он любит гулять по этому району города, смотреть на величественные памятники древности; а как хорошо проглядывается отсюда Сионский собор... И опять Вано переходит на самый важный для них обоих вопрос — обновление грузинского театра.

— Люди должны любить друг друга, быть действительно венцом творения, а не забитыми, дикими существами,— горячился Вано. — Лучшее общество, по-моему, то, которое подавляет в человеке дурные инстинкты и будит хорошие. Это и есть главная задача поэзии, музыки, театра. Если бы не существовало поэзии, то история человечества стала бы сплошным кровопролитием. Поэзия облагораживает человека, смягчает его сердце. А драма является венцом поэзии. Ее стрелы легче попадают в цель, разят сильнее. Если ваша театральная труппа поймет это и...

По мостовой с грохотом промчался фургон.

— Сам бог смилостивился над вами,— смущенно улыбнулся Вано,— иначе я, кажется, заговорил бы вас. Фу ты, отгрохал целую лекцию, к тому же скучнейшую в мире.

— Скорее это черт попутал кучера прервать вас,— в тон ему отшутилась Мако. — Продолжайте, я с удовольствием слушаю...

— У нашего театра впереди еще много трудностей,— не унимался Вано,— я уже не говорю о репертуаре, режиссуре. Возьмем хотя бы такой пустяк, как дикция. Но это только на первый взгляд кажется пустяком, а ведь произношение у актера должно быть поставлено так же хорошо, как голос у певца или руки у пианиста. У наших актеров дикция никуда не годится.

Мако смеется. Голос ее звенит, как серебряный колокольчик. Ей уже говорили, что Мачабели ставил в пример ее произношение, и сейчас, хитро сощурив глаза, она спрашивает:

— Кто знает, наверно, и я мямлю на сцене.

— Вы — счастливое исключение. Каждое ваше слово хорошо слышно даже в последних рядах... Если я когда-нибудь вернусь к переводу Шекспира, то непременно попрошу вас прочитать вслух. По вашему чтению я проверю, насколько сценичны диалоги в моем переводе.

Они остановились на мосту. Фонари часто моргали. Кура бесновалась.

Вано взял девушку под руку и ни с того ни с сего стал рассказывать ей, как он гимназистом играл женскую роль.

— Я слышала,— сказала Мако,— что вы с не меньшим успехом выступали в Петербурге. Может, будете играть и у нас?

Вано засмеялся. Нет, рядом с Сафаровой и Абашидзе он будет похож на тусклую комету среди ярких звезд. Он, Вано, готов служить театру, только не как артист, а как переводчик.

— Я мечтаю сыграть в трагедии Шекспира,— сказала Мако.

— Какая из героинь вам больше по душе? — спросил Вано.

— Хотя бы Дездемона... Офелия... Джульетта.

— Вам нравится «Ромео и Джульетта»?

— Это гимн любви! А любовь всегда побеждает.— Мако повернулась лицом к Вано, их взгляды встретились.

— Значит, если я переведу, вы сыграете Джульетту?

— Со всем увлечением!

— Ловлю вас на слове.

— Я обязательно сыграю.
— Я обязательно переведу.
— И с тем большей охотой, что это будет для меня?
— И с тем большей охотой, что это будет для вас.

Вано проводил девушку до дому. И потом долго бродил по улицам. Было уже за полночь, когда он вернулся домой. Взял с полки Шекспира, прочел вслух монолог Гамлета, потом отыскал «Ромео и Джульетту». Некоторое время сидел в нерешительности, снова вернулся к «Гамлету» и присел к столу.

Впервые после шестилетнего перерыва Мачабели берется за перевод Шекспира. Он ощущает такой прилив сил, что, кажется, за один присест переведет всего «Гамлета»...

Но сначала монологи Офелии, это надо сделать первым долгом. Однако Вано перевел всего полстраницы. Он почувствовал смертельную усталость. Поднял голову и увидел, что в окно заглядывают первые лучи восходящего солнца. Он затушил оплывшую свечу, лег на диван и уснул, словно провалился.

На другой день они встретились в церкви Кашвети, потом гуляли по городу. И так каждый день, каждый вечер они проводили вместе.

Именно эти встречи были причиной того, что Вано «застрял» в городе на целый месяц.

Вано не сиделось в Тамарашени. Сердцем он тянулся к Мако, к бурной столичной жизни. Вскоре под предлогом репетиции комедии Мольера он отпросился у родных и вернулся в Тбилиси.

Отношения Сафаровой с Мачабели уже ни для кого не были секретом. Но Вано почему-то тянул, не признавался Мако в любви, не просил ее руки. Казалось, он растерян, выжидает чего-то, не решается на последний шаг. Девушка терялась в догадках, старалась разобраться в своих чувствах. Она понимала, что любит Вано и любима им. Но почему Вано не отважится, не предложит ей руку и сердце, как это делают герои пьес.

Может, я просто нравлюсь ему как актриса, пленила своей дикцией, злилась Сафарова на Вано. А может, его что-то связывает? Но что, почему он молчит?!

Первое представление комедии Мольера «Мнимый рогоносец» прошло с большим успехом. На второй спектакль был объявлен бенефис Мако Сафаровой. Но это представление явно не удалось. Игра у актеров не клеилась. Мако излишне волновалась, суетилась на сцене. Она старалась играть хорошо, но зритель видел лишь ее старания, а игра не получалась. Васо Абашидзе не подавал вовремя реплик, вяло ходил по сцене, словно его затащили туда силком.

Публика недоумевала: что произошло с ее любимцем.

На следующий день газеты в один голос признали плохую игру актеров.

«Васо Абашидзе,— писала одна газета,— как видно, был не в настроении. Не знаем почему, но играл он без души». Причину тому знала одна только Мако Сафарова.

Через несколько дней Вано забежал к Мако попрощаться. Девушка просила его остаться хотя бы на два дня, ей сейчас так тяжело. Сегодня Мако опять поссорилась с бабушкой, которая и слышать не хочет об ее участии в спектаклях. Властная старуха целыми днями причитает, словно ее внучка попала не в театр, а к черту в пекло. Сейчас, как никогда, Мако нуждается в поддержке друга.

Вано говорит, что он уже обещал Акакию Церетели свезти его в Тамарашени. Церетели ждет его на вокзале, а до отправления поезда осталось каких-то тридцать минут.

Мако обиженно прикусила губу. Вано торопливо простился и, выйдя на улицу, вскочил в поджидавший его фаэтон.

Надежды Вано на скорое возвращение в Тбилиси не оправдались. Жители Гори устроили Акакию и его спутникам очень теплую встречу. Только на четвертый день они согласились отпустить столь желанных гостей. Наконец экипаж был подан, вещи уложены, и Акакий со своими друзьями тронулся в путь. Поздним вечером они подъехали к дому уже знакомого читателю Ясэ Павленишвили. Видно, предупрежденный кем-то о приезде Акакия и Вано, хозяин дома стоял посреди дороги и размахивал руками.

— Где вы пропали? — кричал он что было сил.

Вано не знал, что они уже знакомы, и поспешил представить:

— Акакий Церетели.

— Так это и есть ваш Акакий? — с деланным недоверием смерил его взглядом Ясэ. — Я представлял себе Акакия огромным, как Эльбрус, а он, поди, не выше моего носа.

— Куда мне до твоего носа,— парировал Акакий,— выше него, пожалуй, только пузо у тебя, ну, а с ним и Эльбрусу не потягаться.

И пошли шутки. Акакий был известным острословом, но и Ясэ не лез за словом в карман. Гости покатывались со смеху.

Как ни просили Вано и Акакий, Ясэ был непреклонен. Пришлось сдаться на его милость. Только под утро гости встали из-за стола и, решив выспаться по дороге, велели кучеру запрягать лошадей.

Но поспать им не удалось. Акакий, очарованный красотой Картли, на каждом шагу приказывал кучеру останавливаться, любовался каждой лужайкой или древней крепостью.

— Представь себе,— часто восклицал он,— Картли ничуть не хуже моей Имеретии.

Вано довольно ухмылялся.

В Тамарашени они, наспех перекусив, стали осматривать владения Мачабели. Вано увлеченно рассказывал Акакию, как он думает вести хозяйство, перестроить все на новый лад.

В разговоре они не заметили, как оказались в плотном кольце из местных жителей. Крестьяне узнали о приезде автора «Сулико» и теперь во все глаза смотрят на любимого поэта.

В Тбилиси они вернулись на две недели позже, чем предполагали. Вано в тот же вечер побежал к Сафаровой. Дверь ему никто не открыл. Тогда он кинулся в театр, но и там никого не оказалось. От друзей он, наконец, узнал, что труппа отправилась в гастрольную поездку по Грузии.

Вано удивила рассеянность Сафаровой, которая даже записки не оставила ему. Однако он не хотел верить в худшее и нетерпеливо ждал почту. Увы, писем от Мако не приходило.

Каждый вечер Вано с надеждой думал о следующем дне, и каждое утро вдребезги разбивало эти его надежды. Недели через две все стало ясным. 13 июля Вано прочел в «Дроэба» объявление, которое перевернуло всю его жизнь. Мечты, надежды, вера, любовь — все вдруг исчезло, как мираж в пустыне. Вано читал и не верил своим глазам.

«Из Кутаиси сообщают, что двое талантливых артистов недавно созданного грузинского театра Мариам Сафарова и Васо Абашидзе сочетались браком. Желаем, чтобы этот союз служил расцвету грузинского театра. Чтобы они еще сильнее связали свою судьбу с нашим театром и стали еще вернее служить сцене, на которой они заслужили достойно такое сочувствие общественности...»

Вано не может читать дальше. «Поженились...» Буквы то выстраиваются в ряд, то сливаются в одно черное пятно. Но, к своему удивлению, Вано вместе с душевной болью почувствовал и облегчение. Было такое ощущение, словно свалился с плеч тяжелый груз, словно он победил в тайной борьбе и не преступил клятвы брату...

* * *

15 мая того же года, то есть месяца через два после возвращения Мачабели в Тбилиси, в зале Коммерческого банка состоялось первое заседание Общества распространения грамотности среди грузин.

Общество пытались организовать еще в шестидесятые годы возвратившиеся из Петербурга тергдалеульцы во главе с Ильей Чавчавадзе. Но намерение удалось осуществить лишь сейчас, два десятка лет спустя. Причины, препятствовавшие организации общества, станут понятными, если мы вспомним его устав и цели.

«Наше общество именуется Обществом распространения грамотности, но будет большой ошибкой думать, что его организаторы имели в виду лишь обучение грамоте. Желанием организаторов было в первую очередь создание школы как культурного очага. Культура же — это широкое духовное и материальное развитие, т. е. объединение и тех сил, которые создают возможность самостоятельности народа. Вот эта культура, в широком значении слова, была желанной целью Общества рас-

пространения грамотности»,— читаем в одном из отчетов общества.

Об этом же пишет и Илья Чавчавадзе:

«Задачи деятельности Общества распространения грамотности идут далеко. Если общество на самом деле выполнит все упомянутое в уставе, можно надеяться, что развитие нашей страны и народа продвинется далеко вперед; появится необходимейшая почва, без которой невозможна самостоятельная жизнь. Пройдет немного времени, и живительный луч просвещения проникнет во все уголки нашей страны, до сих пор пребывавшей в состоянии мрака и темноты».

Нужно ли говорить, что весь бюрократический аппарат царизма препятствовал и всячески старался мешать организации общества, желанной целью которого было... стремление к «самостоятельной жизни», «широкое духовное и материальное развитие страны», развитие культуры, совершенно противоречащие колониальной, поработительской политике. Поэтому общество именовало себя «не только культурным учреждением, но еще и нашим национальным убежищем».

На всем протяжении своего существования, т. е. около пятидесяти лет, Общество по распространению грамотности вело большую и многостороннюю деятельность. С обществом связана организация многих школ и библиотек, массовые издания книг, помощь бедным студентам. Перечисление деятельности его может увести нас далеко...

Первое выступление Вано Мачабели на общественном поприще начинается именно отсюда. Илья Чавчавадзе дал обществу просвещенного и преданного народному делу молодого человека. Вано уже знали как переводчика «Короля Лира», комедии Мольера и еще по рекомендациям Ильи Чавчавадзе и Григола Орбелиани. Поэтому почти никто не удивился, когда кандидатом в правление общества, которое объединяло известных, закаленных в общественной деятельности, всеми уважаемых лиц, назвали совсем еще молодого Вано Мачабели.

Что и говорить, это было проявлением большого уважения к нему. Нужно заметить, что в члены общества Вано приняли на первом же заседании и тогда же ввели в состав правления. Из двадцати восьми названных кан-

дидатов нужно было выбрать шесть членов. Это был серьезный экзамен, так как среди названных было много заслуженных и известных деятелей.

Тайным голосованием были избраны И. Чавчавадзе, Н. Цхведадзе, Я. Гогебашвили, И. Мачабели, А. Сараджишвили и Р. Эристави. Председательствовать правлением общества было предложено маститому писателю Григолу Орбелиани, который присутствовал на заседании. Но Орбелиани отказался: «Возраст и отсутствие опыта не дают мне возможности взяться за это трудное дело»,— и по его предложению единогласно был избран Димитрий Кипиани.

Товарищем председателя избрали Илью Чавчавадзе. Спустя несколько лет товарищем председателя стал Иванэ Мачабели.

Мачабели был одним из самых активных руководителей Общества распространения грамотности. С его именем связано много новых начинаний и полезных дел. Просмотр протоколов заседания правления дает представление о том, с какой серьезностью и любовью он работал. Всегда старался придумать что-то новое, расширить арену деятельности. Его письменные доклады сохранились и до сегодняшнего дня.

«Одной из целей нашего общества является распространение грузинских книг в народе. С этой мыслью мы должны приступить, и как можно скорее, к печатанию книг...» — такими словами начинается один из его докладов.

«Нечего скрывать, что правление общества не выполняет и половины своих сложных и тяжелых обязанностей. По уставу общества правление должно заботиться об организации школ, печатании книг, организации лекций и библиотек и др.,— читаем в другом докладе Мачабели,— но если просмотреть отчеты, покажется, что общество застыло на одной точке и ни в одной области нет желательного прогресса. У этого явления много сложных причин, избежать которые не зависит от общества, но правление со своей стороны должно по возможности преодолевать препятствия и заботиться об успешной деятельности. Пока что необходимо установить полный порядок как внешний, в формальной деятельности общества, так и внутренний, в деятельности по существу...»

Во все, за что ни брался Мачабели, он старался внести порядок. Заранее обдумывал обсуждаемые вопросы и только потом предлагал их заседанию. Его личный дневник пестрит такими замечаниями:

«Завтра общее собрание общества, желательно на нем обратить внимание на необходимость увеличения количества школ и создать комиссию, которая установит права «общества» на их открытие. Хорошо избрать в состав комиссии Н. Цхведадзе, А. Чкония, А. Чичинадзе, А. Церетели и И. Мачабели». (В дальнейшем из этого же дневника узнаем, что комиссия действительно была избрана, но с небольшими изменениями. Мачабели, видимо, был обижен и там же заметил: «В дальнейшем мы должны взять за правило, чтобы в комиссии и комитеты избирать только тайным голосованием».)

«Караван-сарай передать школьному обществу»;

«Незамедлительно осуществить организацию женских школ»;

«Обществу по распространению грамотности заполучить право на открытие школ по уставу; если местное правительство откажет, довести до сената»;

«Желательно избрать в школьный комитет достойных женщин. Это необходимо потому, что это право женщин до сих пор почти не реализовывалось...» и т. д.

Одним словом, Мачабели всем существом отдался делу. Не забывает он об обществе и в частных письмах. Он пишет в Петербург брату: «...Очень хорошо пойдут дела общества, если правильно повести их. Картвелов пожертвовал два выигрышных билета, Иван Мухранский — пятьдесят туманов; кроме того, двадцать шесть абхазцев внесли деньги и выразили желание вступить в члены. Говорят, более двухсот абхазцев хотят сделать то же самое. Мне кажется, это потому, что мы немного расшевелились и открыли в Тбилиси и Батуми школы...»

* * *

В 1879 году происходит замечательное событие — создается постоянный грузинский театр. Давнишняя мечта лучших сынов нации становится явью. Илья Чавчавадзе и его сподвижники хорошо видели, что театр — это не просто место для развлечения.

«Ты ведь понимаешь, что значит для нашего народа театр,— писал И. Чавчавадзе своему другу. — Это ме-

сто, где наш язык публично звучит и публично действует...»

Открытие постоянного театра стало символом национальной культуры и независимости. Это было не только триумфом искусства, но и чем-то более важным, значительным. Это был смотр сил подымающегося против национального и социального угнетения народа, укрепление его веры в победу.

Только фанатическая любовь, беззаветная преданность делу могли вести наших любителей сцены по этому сложному пути. Ведь они не останавливались ни перед какими трудностями. Играли на верандах частных домов, когда в самый разгар действия из соседней комнаты врывался плач ребенка; играли на сценах захолустных клубов, когда мужчинам приходилось менять голоса на женские; играли в домах петербургских вельмож, когда выступали в маленьких ролях русские студенты и на ломаном грузинском языке подавали реплики...

Все это подготавливало почву, способствовало созданию грузинского профессионального театра.

«Годы, которые они посвятили грузинскому театру,— писала газета «Дроэба»,— мучения, которые выпали на их долю, деньги, которые они платили из своего кармана за помещение,— все это говорит о том, что любители сцены трудились на театральном поприще не из корыстных целей, не из жажды славы и аплодисментов, а только по велению долга, по велению сердца. И они создали национальный грузинский театр».

Появились новые актерские силы, расширился репертуар, накопился опыт...

Именно этим и нужно объяснить тот факт, что возрожденный грузинский театр с первых же дней достиг больших высот, покорил значительные вершины театрального искусства. Любителей сцены ободряли, поддерживали, направляли в работе Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Сергей Месхи, Нико Николадзе.

Из Петербурга им помогали братья Мачабели, которые делали все для обогащения репертуара.

Таким образом, Вано Мачабели и на расстоянии принимал участие в становлении грузинского театра, а по-

сле возвращения на родину стал еще более активным сторонником этого значительного начинания.

«Появление Мачабели в стенах нашего театра было встречено как сенсация,— вспоминает один из актеров. — Только что избрали во главе с Нико Николадзе комиссию по разработке устава драматического общества. Вано сразу же включился в работу, стал играть главную роль в этой комиссии».

И все же главная заслуга Вано Мачабели в том, что своими переводами он расширил репертуар грузинского театра, помог его становлению.

Вано снимает комнату на Кукия. Стол, книжная полка, два кресла, диван — вот и вся мебель. В комнате неудобно, холодно, неуютно. В свободные от спектаклей или работы вечера Вано сидит дома. Изредка к нему заходят «на огонек» товарищи. Они тут же принимаются журить хозяина, мол, долго еще думаешь жить бобылем, ведь «одному спать — и одеяльце не тепло». Вано со смехом отвечает, что они перепутали пословицу. На самом деле в народе говорят так: холостому ой-ой, а женатому ай-ай.

Вано шутит, старается казаться беспечным, а у самого на сердце кошки скребут. Он не в силах забыть Мако, не может простить себе поездку в деревню. Останься Вано тогда в городе, окажи Мако помощь, поддержку и... Но сейчас уже поздно упрекать себя, видно, так ему было написано на роду. И, чтобы забыться, развеять тоску, Вано проводит бессонные ночи за работой. Он переводит с разных языков комедии, придавая им грузинский колорит. Так появляются на свет «Адвокат Меладзе», «Между двух огней», «Фру-фру», «Порхающая обольстительница».

Мачабели отлично видит, что грузинская труппа еще не может осилить трагедии Шекспира, поэтому он откладывет работу над переводами английского драматурга. Однако тяга к Шекспиру исподволь зреет в нем, становится неодолимой. Вано вновь и вновь перечитывает «Гамлета», «Ромео и Джульетту», «Отелло» и тут же, на полях книги, записывает карандашом удачные грузинские обороты, выражения. Но до перевода Шекспира у Мачабели пока что не доходят руки...

Сейчас он должен писать статьи о защите леса, об уходе за виноградниками, об орошении, о медицинской помощи народу, об образовании, о методах борьбы с саранчой и многом другом.

«С тех пор как железная дорога разделила Картли и Имеретию на две части, леса наши значительно поредели,— начинает Мачабели кампанию в газете «Дроэба». — Ненасытные паровозы пожирают все наши богатства. Они уже превратили лежащие вдоль железной дороги дремучие леса в пустыри, а сейчас требуют дани и от дальних лесов. На подмогу им спешат и лесники. Они за взятки разрешают несознательным крестьянам рубить деревья. Казалось бы, кто, как не лесники, должны оберегать зеленые насаждения, а на самом деле они только помогают вражеской армии. Армию эту составляют: полесовщики — пехота, объездчики — кавалерия, главный лесничий — маршал. Оружие их — топор крестьянина. Мы говорим о страшном море, который превратит за несколько лет нашу страну в пустыню...»

«Нам нужно много воды,— продолжает эту тему Вано Мачабели в другой статье,— но природа ее не дала. Раньше с гор текло множество ручейков, теперь, когда уничтожают лес, количество их резко уменьшилось. По нашему мнению, от этой напасти нас могут спасти два дополняющих друг друга мероприятия. Первое — это охрана леса, второе — это каналы, которые мы должны вырыть повсюду. В Грузии есть возможность создать целую сеть небольших каналов и поднять многие выветрившиеся и выжженные солнцем земли...»

Мачабели пишет просто и ясно, словно беседует с читателем. А говорить на научные темы так, чтобы понял каждый, в те времена было нелегко. Сложность популяризации заключалась в том, что на грузинском языке тогда еще не существовало научной терминологии.

Один из сотрудников «Иверии» вспоминает:

«Что печатание в газетах статей на научные темы полезно — ясно как день. Но, скажите на милость, как и каким путем можно было умудриться писать подобные статьи? Грузинского университета еще не открывали. Грузинской научной терминологии не было и в помине. А ты садись и пиши! Напрягай ум, выдумывай, создавай, а если хочешь, высасывай из пальца нужные слова. Легко сказать, изобретай, сумей. А вы попробуйте...»

Вопросы, которые затрагивал Вано в своих статьях, были подсказаны жизнью.

Возьмем хотя бы вопрос о медицинской помощи населению. В ту пору грузинские деревни были брошены на произвол гадалок и знахарей. Тысячи всевозможных недугов вместе с социальным гнетом делали невыносимой жизнь крестьян. Вано Мачабели собственными глазами видел тяжелые условия жизни сельского населения. В одном из писем он рассказывает о невыносимом положении крестьян и ставит практический вопрос: «Надо немедленно ввести в духовные и учительские школы обучение медицине. Я имею в виду не доскональное знание медицины, а только мало-мальски научное изучение правил гигиены и лечения простых болезней, которые так распространены среди народа. А лечить их сможет всякий, кто наловчится обращаться с небольшой дорожной аптечкой. Назначение учителей и священников не только в том, чтобы первые учили азбуке, а вторые ходили на пасху от двора ко двору с хурджинами и набивали их до отказа...»

К слову сказать, Мачабели часто заступался за поверженных в рабство и темноту крестьян. Вспомним хотя бы такой случай из его жизни.

В течение двух лет (1879—1880) деревни Картли подвергались опустошительным нашествиям саранчи. Мачабели сразу же откликнулся на появление «незваных гостей». Он пишет статьи, в которых учит народ, как бороться с саранчой, какие нужно принять меры предосторожности.

«Мало давить саранчу,— объясняет Вано,— ее надо закапывать глубоко в землю. Ибо мертвая саранча может вызвать чуму, как это случилось в Италии... Живую саранчу мы одолеем, но надо еще справиться и с мертвой...»

Правительство приказало отделениям полиции выводить в поле народ и бить саранчу. Но полицейские, как всегда, решили и на этом несчастье погреть себе руки. Они обирали население, вымогали взятки, отправляли крестьян под розги. И еще неизвестно, что принесло народу больший урон: нашествие саранчи или полиции.

Вскоре на страницах газеты «Дроэба» появилась статья Вано Мачабели.

«Мы будем говорить правду и только правду, кому бы это ни кололо глаза. Мы расскажем о делах героических поборников порядка. И хотя иаш бич не будет таким хлестким, как плетки, которые оставляют рубцы на спинах крестьян, мы все же расскажем правду... Особенно хочется поговорить о дворянчиках из подготовительных классов верхних уездов. Вот уж кто «отличился». Эти господа шумят о помощи народу, притворяются, что заботятся о народе, трудятся на благо отчизны. А вы соскребите с них этот легкий слой напускной заботливости и увидите: когда они одной рукой обнимают крестьянина, по-братски прижимают его к груди, то другой лезут к нему в карман...»

Такие выступления, конечно, не могли пройти мимо внимания властей, но те пока что не решались на расправу с известным общественным деятелем.

Сохранились записи крестьян, которые с благодарностью вспоминают Ивана Мачабели: «Вано всегда защищал нас, никому не позволял нас обижать, держал иашу сторону, помогал»,— пишут они. Но так как эти воспоминания записаны миого позже гибели Мачабели, когда его имя стало известным, а его деятельность была оценена по заслугам,— у нас может появиться сомнение, не преувеличивают ли они свою близость к Мачабели и его покровительство. Поэтому лучше опереться на письма самого Вано.

Один близкий к Вано человек, видимо, сильио притеснял крестьяи. Это задело Вано, ои пишет взволнованно: «...Пусть приезжает, когда ему надоест быть там и расправляться с крестьянами, как Ага-Магомет-хан; что с ним произошло, что это он иикак не может прекратить спора с крестьянами?!»

Но это произошло в 1893 году, а мы опять возвратимся к 1879 году.

Осенью 1879 года мы видим Мачабели в Тбилисской дворянской гимназии. Он проверяет списки учеников, классные журиалы, штатиое расписание, одиим словом, знакомится с положением дел. Вано недавно назиачили инспектором, и ему хочется основательио изучить иовое для иего дело.

В училище всего 174 ученика. Из них в первом отделении — 21, во втором — 30, в третьем — 41, в четвертом — 27; в первом классе — 27, во втором — 12, в третьем — 16. Должностных лиц семнадцать: один инспектор, четыре учителя приготовительных классов, шесть учителей. Это все, что касается статистики. А теперь посмотрим на гимназию с другой стороны. Общий уровень преподавания можно считать удовлетворительным. Только вот хромает обучение русскому языку. Новый инспектор берет этот недостаток на заметку. Потом он составил доклад и представил его школьному комитету. Комитет удовлетворил просьбу Мачабели и увеличил количество уроков русского языка.

Насколько изнурительной и тяжелой была работа инспектора гимназии, читателю станет ясно хотя бы по некоторым случаям из практики Мачабели.

В городе распространилась какая-то детская болезнь. О том, как уберечь гимназистов от эпидемии, должен думать инспектор. Это входит в его официальные обязанности. Мачабели целую неделю с тайным страхом наблюдает за детьми: не чувствует ли кто недомогания, не болит ли у кого горло? И вот один из учеников начал кашлять, у него поднялась температура. Вано в тот же день вызывают в комитет и предупреждают, мол, не дай бог, чтобы ребенок захворал, нас поднимут на смех, заклюют. К счастью, у гимназиста оказался грипп.

«Ты даже не можешь себе представить, что я пережил,— признается в письме к брату Вано. — Если у нас умрет хоть один ученик, меня открыто назовут убийцей...»

Как-то вечером Вано работал над статьей, когда со двора донеслись крики. Вано бросился вниз по лестнице. Во дворе его окружили дети и, перебивая друг друга, стали рассказывать. Наконец выяснилось следующее: ребята играли и нечаянно сбили лампу. Керосин разлился, и пламя охватило комнату. Вано с трудом удалось потушить пожар.

Рабочий день окончен. Инспектор может прилечь отдохнуть или почитать газеты. Но тут, громыхая ботинками, к нему врывается сторож. Дети передрались, у одного течет из носу кровь. Вано накидывает на плечи пиджак и бежит разнимать драчунов.

Когда разбирался вопрос о назначении Мачабели, одни выразили сомнение: мол, Вано молод, неопытен, другие возражали категорически. Вообще вопрос о кандидатуре Вано Мачабели на пост инспектора вызвал больше кривотолков, чем можно было ожидать. Дело в том, что на это место была выдвинута кандидатура и Алексия Чичинадзе — старого опытного педагога. Чавчавадзе хорошо понимал, что на стороне А. Чичинадзе педагогическое образование и многие годы работы в школе. Однако он смотрел дальше: Вано молод, полон сил, прекрасно владеет языками, разбирается в политике, настроен по-боевому. Он лучше, чем кто-либо другой, сможет воспитать молодежь в духе любви к родине, в чем нуждается сейчас народ. Ну, а что касается познаний в педагогике, то ему охотно помогут Гогебашвили и Цхведадзе, которые являются членами школьного комитета. Так что неопытность юного инспектора не помеха. После долгих споров прошло предложение Чавчавадзе, и Вано был назначен инспектором дворянской гимназии. Некоторая часть тогдашнего общества восприняла это как пощечину, открытый вызов, брошенный ей Ильей Чавчавадзе.

— Доколь будет самовольничать этот Чавчавадзе! — возмущались его недруги.

— Везде он насаждает своих людей,— поддакивали им любители почесать язык. — Каждую дырку затыкает этим Мачабели, везде хочет иметь свою руку.

Дело дошло до того, что в газете появилась статья, полная клеветы.

«...Я спрашиваю,— обращался автор статьи к читателю,— почему отдали предпочтение Мачабели? Злые языки утверждают, что комитет руководствовался в данном случае не педагогическими соображениями, а мотивами личного порядка. Они, члены комитета, знали, что И. Мачабели «приятный кандидат» для редактора журнала «Иверия» господина И. Чавчавадзе и что уважаемый редактор уважаемого журнала хочет иметь под рукой преданного ему лично сотрудника... Одним словом, поговаривают, что, дескать, Мачабели обязан своим назначением благосклонности к нему Чавчавадзе...»

Помещики и дворяне не унимались. Они обвиняли Вано во всех грехах, мимоходом свалив все напасти на

шестидесятников. Интриги, сплетни, наветы больно ранили сердце Мачабели. Он счел себя оскорбленным. Вместо поощрения и ободрения молодому человеку чинят препятствия. Но самолюбие и гордость не дают ему открыться Илье Чавчавадзе. Другого близкого человека рядом нет... И снова он пишет брату, пишет о препятствиях, чинимых ему на поприще новой деятельности, об унижениях и оскорблениях.

Ответное письмо брата полно наставлений: «Мне кажется, трудно найти такое дело или должность, которые не требовали бы беспокойств и волнений... Кто всем сердцем любит родную страну и кто хочет принести настоящую пользу своему народу, не должен избегать неприятных сторон дела... Ты можешь мне сказать: «Человек, обладающий хоть небольшим самолюбием, не может вытерпеть такое...» Я отвечу тебе на это тем, о чем писал выше: нельзя приносить полезное дело в жертву своему самолюбию. Все неприятности надо встречать с надеждой, что в конце концов горечь забудется и останется плод труда, радующий твою маленькую отчизну...»

По природе вспыльчивый и самолюбивый, Вано все же решается на серьезный и, может быть, ошибочный шаг — он отказывается от места инспектора. Но об этом он должен официально уведомить попечителя Кавказского учебного округа Яновского. Вано, не посоветовавшись ни с кем, идет к нему на прием.

Попечитель принял молодого журналиста на редкость тепло. Он встал, подал ему руку, предложил кресло. Сам сел рядом и в дружеском тоне, непринужденно стал рассказывать Вано о впечатлениях от недавней поездки по Грузии. «Какой народ! Какая нравственная чистота! Какая любовь к труду!» — восклицал он поминутно. Потом испытующе заглянул собеседнику в глаза, дескать, чего тот молчит, почему не разделяет его восторгов. Мачабели ничего не оставалось, как вставить словцо.

— Наш народ,— начал он, — несмотря на многочисленные варварские...

Но Яновский оборвал его на полуслове.

— Конечно, я согласен с вами, если бы не кавказское варварство и азиатская лень, то ваш народ...

— Вы меня не поняли,— прервал на этот раз Мачабели,— я говорил о варварских нашествиях, которым подвергалась Грузия. Ну, а насчет лени мы еще поспорим. Разве ленивый народ смог бы вырастить виноградники и фруктовые сады, о которых вы только что говорили с восторгом. Разве ленивый народ сложил бы крепости и замки, которые восхищают вас!

— Конечно, что и говорить, о какой лени может быть тут речь,— поспешно согласился Яновский, шаря глазами по лицу Мачабели. Потом он скрестил на груди руки и принялся бубнить. Он, попечитель, очень сожалеет, что господин Мачабели отказывается служить инспектором. Он не понимает, почему его юный друг отдает предпочтение журналистике и не хочет продолжать деловую связь с ним, Яновским, для которого было особенно приятно работать рука об руку с таким способным, одаренным молодым человеком. Хотя не так уж важно, будет Вано инспектором или журналистом, ведь Яновский и Мачабели служат одному делу, движимы одним чувством. Попечитель надеется, что на этом не оборвется их знакомство. Они еще встретятся на поприще общественной деятельности.

«Не приведи господь»,— подумал Мачабели, прощаясь с Яновским.

Но они встретились, встретились лицом к лицу. И эта встреча оказалась роковой...

Думая о разговоре с Яновским, Вано с улыбкой вспомнил беседу Гамлета с Полонием.

«Видишь вон то облако в форме верблюда»,— восклицает Гамлет.

«Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять верблюд»,— поддакивает Полоний. «По-моему, оно смахивает на хорька»,— говорит принц. «Правильно, спинка хорька»,— с готовностью соглашается Полоний. «Или как у кита»,— не унимается принц. «Совершенно как у кита»,— не моргнув глазом, вновь соглашается царедворец.

Вано посмотрел на часы. Опоздал. Совещание в редакции «Дроэба», на которое Илья Чавчавадзе пригласил и его, уже началось, а с опозданием приходить неудобно. Напрасно потерял время. Вано решил пройтись до дому пешком.

Вано медлит сообщать брату, что оставил гимназию, знает — это плохо подействует на Васо, он будет волноваться, переживать. Вано ищет удобного случая — может, Илья будет ехать в Петербург и лично объяснит Васо подлинную причину... Но брат узнает о происшедшем. Те самые «доброжелатели», которые так были недовольны хорошими отношениями между Ильей и Вано, вскоре нашли способ «с большой душевной болью» сообщить брату о неудаче Вано.

Илья не поехал в Петербург по делам банка, а послал туда Авалишвили. Именно этот Авалишвили и стал первым вестником.

«Мне встретился на улице Давид Авалов и со скорбью в голосе сказал о том, что Вано подал прошение об освобождении из школы,— пишет Васо и прибавляет: — Весть ошеломила меня... Это твое решение — поспешно и безосновательно, и наверное, будет иметь вредное влияние на твою дальнейшую жизнь».

Спустя много времени брат пишет в краткой биографии Иванэ Мачабели: «Он не мог оставаться долго в дворянской гимназии, потому что готовился к совсем иной деятельности и не обладал спокойствием и терпением, столь необходимыми в педагогике».

Брат старается оправдать Вано, хотя в свое время считал этот его шаг постыдным. Но в «оправдании» в данном случае нет необходимости, потому что на самом деле Мачабели ушел из школы совсем не потому, что не был подготовлен к педагогической работе и не обладал спокойствием и терпением. Причина гораздо глубже, и мы о ней упоминали. Это — толки, пересуды, сплетни и оскорбления, начавшиеся сразу после избрания Вано инспектором и продолжавшиеся до конца. Причина в том, что ясно выявилось намерение Ильи — во всех делах иметь рядом с собой Иванэ Мачабели.

Но к чему предположения, когда имеется документальное свидетельство о том, что Мачабели не стремился к педагогической деятельности. Сразу же после возвращения, еще до назначения инспектором, Мачабели отказался преподавать во вновь открытой школе. Но после назначения инспектором педагогическая работа, видимо, все же увлекла Вано.

Через месяц после ухода из школы он вновь просит место учителя.

* * *

Мачабели работает кассиром в Земельном банке. Жалованье ничтожное — 40 рублей. Вано в долгу, как в шелку, и вынужден расплачиваться с кредиторами. Заложенный им в Тамарашени виноградник не приносит пока что никакого дохода. Так что Вано приходится трудно.

Недавно Илья пригласил Мачабели к себе домой, и они долго беседовали. Разговор касался «Дроэба» и «Иверии». Чавчавадзе начал с того, что слияние этих редакций не пошло на пользу делу.

Да, Вано был прав, когда возражал против объединения двух редакций, но сейчас не время вспоминать прошлое, надо принимать меры. Месхи, редактор газеты, устал, переутомился. И неудивительно — выпуск ежедневной газеты в условиях, когда все — от отбора материала до корректуры — делается руками одного человека — дело не шуточное.

Чавчавадзе рассказал Вано о совещании, на котором присутствовал он, Акакий Церетели, Яков Гогебашвили, Александр Сараджишвили и другие. Хорошенько взвесив все «за» и «против», они решили дать в помощь Месхи одного энергичного работника.

— Все согласились на твоей кандидатуре,— заключил Илья. Мачабели недоверчиво посмотрел на друга.

— Не думай,— поспешил рассеять его сомнения Чавчавадзе,— что это я настоял. Все были за тебя.

Сотрудничество в газете, конечно, не помешает работе в банке. Более того, Илья думает в скором будущем перевести Мачабели оценщиком. Ну, а в редакцию Вано будет забегать на часок-другой, чтобы прочесть от начала до конца уже готовую газету.

Мачабели не умеет относиться к делу спустя рукава. Поэтому он «забегает» в редакцию не на пару часов, а иногда и на целые дни. Вано мечется из банка в журнал, из журнала в банк. Ему не хватает суток.

Вано выступал со статьями не только научного характера, но и резко полемическими.

Мачабели — полемист!.. Первой же статьей он привлек к себе внимание. Но в тех слоях общества, где

царили лишь интриги и зависть, снова пошли толки об отношении Ильи к Вано. «Мачабели еще раз подтвердил, что он ставленник Ильи Чавчавадзе. Мачабели во всем подражает Илье!..»

В словах этих была частица правды, но уязвляла колкость, с какой говорили о том, что должно было служить благосостоянию народа. Интриганы были достаточно меткими стрелками и поражали цель — гордость и самолюбие молодого человека...

Если не смотреть на подписи под статьями, публиковавшимися в тот период в «Иверии» и «Дроэба», — трудно догадаться, кому они принадлежат — Илье Чавчавадзе или Мачабели. Иванэ Мачабели быстро воспринял манеру Ильи, и его статьи выделяются прямотой, решительностью, справедливостью, бескомпромиссностью, всегда диктуемой общественными интересами...

Это была полемика крупных общественных деятелей, возможно преувеличенно острая и резкая, но деловая и проистекающая из общественных интересов. Известная часть общества, однако, использовала ее для разжигания интриги. Вокруг таких выдающихся деятелей, какими были Чавчавадзе, Месхи, Мачабели, Николадзе, Церетели, Гогебашвили, Г. Церетели и многие другие, всеми своими знаниями, талантом, жизненной энергией служившие народу, его благосостоянию, царила атмосфера невежества, предрассудков, лести. Пустые и никчемные княжеские сынки почти даром закладывали плодородные земли, истребляли ценнейшие леса и приезжали в город, чтобы слоняться без дела и убивать время в интригах и клевете. Малейший разлад, обострение полемики среди истинных сыновей отечества служили им благодатной почвой для злобных интриг. Для них не существовало ни высокой морали, ни бескорыстия, ни патриотизма.

Отечество — святая святых для Ильи и других прогрессивных деятелей — представлялось им поместьем, окруженным оградой. Их горизонт был узок, мировоззрение — ограниченно, перспектива — темна и неясна.

Даже различные уголки собственной страны представлялись им враждебными, и, получи они возможность, с удовольствием проливали бы кровь собратьев...

Тому множество примеров. Взять хотя бы «просвещенное» сигнахское дворянство. Оно не могло простить

Мачабели его резкой статьи против сигнахских феодалов, которые не так давно додумались созвать специальный съезд «обиженных карталинцами». Невежды-крепостники решили не посылать своих детей учиться в Тбилиси, ибо он находится на территории Картли, а не Кахетии. Не дадим в обиду карталинцам наших детей — чистокровных грузин, заявили на съезде кахетинские помещики.

«Неизлечимые»,— так назвал Вано Мачабели статью, высмеивающую глупые притязания сигнахских дворян.

«Корреспонденцию из Сигнахи с недоумением прочтет каждый честный гражданин и патриот своей земли. Не той земли, которую раньше называли «вотчиной», не той земли, которую сейчас называют «участком» или «уездом», а той, которая спокон века называется родиной... Если каждый из нас начнет тянуть в свою сторону, вздумает дробить народ на кахетинцев, карталинцев, имеретинцев, то наши надежды и лучшие помыслы исчезнут как сон... С самого начала, как злой дух, преследуют нас распри и зависть, это они мешают нам во всяком добром деле...»,— писал И. Мачабели с негодованием.

Этой статьей тогда он вызвал на себя страшный огонь. И, конечно, резкая, подчас даже грубая, полемика Мачабели с Николадзе сейчас оказалась на руку крепостникам. Интриганы и завистники решили воспользоваться случаем и вбить клин в отношения Ильи Чавчавадзе и Вано Мачабели. Но пока что им это не удавалось...

Вано ставит выше всего общественные интересы. Ему чужды месть, притворство, экивоки. Он не стесняется говорить в глаза правду. А вокруг все еще царят лицемерие, фарисейство, коварство. Люди ведут себя, как скорпионы в банке. Видя всю их грязную стряпню, Мачабели восклицает в сердцах: «Пламень, нужен пламень, огромный, испепеляющий, чтобы охватить все огнем, окутать дымом...» Но минутная вспышка гнева проходит. Вано не бросает меч и щит, не ищет окольных путей или убежищ, не оглядывается по сторонам. Вано Мачабели вступил на трудную дорогу и не свернет с нее.

* * *

Радостно бьется сердце, когда узнаешь из воспоминаний современников о дружбе великих людей прошлого.

Тебя охватывает неведомое чувство при одной мысли, что часто встречались и дружески беседовали Пушкин и Грибоедов, Герцен и Николадзе.

Ты с благоговением читаешь письма Мопассана к матери, в которых он рассказывает о вечерах, проводимых им вместе с Додэ, Флобером, Тургеневым, Золя, Мюссе, Жорж Занд...

И, наконец, за душу берут сухие хроники в газете «Дроэба» за 1881 год, которые сообщают, что на редакционном совете по изданию «Витязя в тигровой шкуре» присутствовали Григол Орбелиани, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Рафиэл Эристави, Иванэ Мачабели, Яков Гогебашвили, Георгий Церетели, Сергей Месхи, Петре Умикашвили...

А собрались они для решения вопроса, который уже несколько столетий волновал каждого грузина. Они должны были путем сличения многих рукописей восстановить подлинный текст гениальной поэмы Шота Руставели.

С именем грузинского поэта связано множество легенд. Не менее загадочна и судьба оригинала его поэмы. Подлинник «Витязя в тигровой шкуре» не дошел до наших дней, и лишь благодаря огромной любви народа к бессмертному Шота, чья поэма передавалась из поколения в поколение, мы имеем сейчас полный текст этой песни песен грузинской культуры. Собрать все варианты поэмы, отвеять зерна от мякины, установить подлинный руставелевский текст — такую задачу поставили перед собой наши общественные деятели.

Старый почтенный поэт Григол Орбелиани обратился ко всем, у кого еще надеялся найти старинные рукописи, с просьбой одолжить их на время работы. Однако владельцы ценных фолиантов не спешили откликнуться на просьбу Орбелиани. Тогда было решено, переложив заседания с осени 1880 года на февраль 1881, отправиться на поиски рукописей.

— Странное настало время,— говорил Григол Орбелиани,— раньше в каждом доме имелась рукопись «Витязя в тигровой шкуре». Ее давали в приданое невесте

и ставили на первое место в списке вещей. А сейчас не найдешь и днем с огнем.

Наконец стараниями многих заинтересованных людей было собрано достаточное количество рукописей, и 6 февраля 1881 года комиссия по установлению текста поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» приступила к работе.

В помещении Земельного банка собралось множество народу. На стене висит огромный портрет Шота Руставели, нарисованный молодым художником Мирнаишвили. Место председательствующего занимает Григол Орбелиани. Воцаряется почтительная тишина. Такое ощущение, будто вот сейчас откроется дверь и войдет Руставели. Мерно бьют десять раз часы.

«Под руководством крупного современного поэта,— сообщалось на другой день в хронике,— собравшиеся начали искать в бессмертной поэме «сиротливый жемчуг»... Такова необоримая сила гения Руставели, который шестьсот лет властвует над думами грузин».

Текст читает вслух Рафиэл Эристави. Остальные внимательно сличают с рукописными вариантами.

«Первый удар редакторской кирки пришелся по букве «в»,— читаем мы в хронике. — Как явствует из рукописей, написание «Вепхвисткаосани» неверно, должно быть «Вепхисткаосани». Это предложение поддержал и председатель».

Работа над текстом идет медленно, за весь вечер успели прочесть только вступление к поэме. К тому же члены совета недовольны чтением Эристави, который часто глотает буквы, неясно произносит слова. На следующем совещании пробуют читать вслух другие, в том числе и Илья Чавчавадзе, но и у них тоже получается неразборчиво.

— Помнится, в нашей церкви,— загадочно улыбнулся Григол Орбелиани,— лет двадцать назад один быстроглазый подросток удивительно хорошо читал евангелие. Может, он и по сей день сохранил этот дар?

Вано Мачабели смущенно пожал плечами. Что ж, он с радостью попробует, но если ничего не выйдет, то пеняйте на себя. Через несколько дней газета «Дроэба» назвала Ивана Георгиевича Мачабели «опытным чтецом».

Теперь сравнение рукописей пошло быстрее. Собрания начинаются в 7 часов вечера. С каждым днем людей приходит все больше, споры становятся горячее. В первых рядах сидят видные писатели, общественные деятели. Они держат в руках пожелтевшие от времени фолианты и внимательно следят за каждым словом. Кто знает, когда и в каких условиях писались эти рукописи, каким чувством были охвачены сердца и думы безвестных книжников, с такой любовью выводивших каждую букву?! Свечи едва освещают просторный зал. Люди, затаив дыхание, следят за кропотливой работой комиссии. Величественно звучат стихи бессмертной поэмы, иногда кажется, что это доносится из глубины веков голос Руставели.

Орбелиани уже не может следить за строчками рукописи, он закрыл глаза ладонью и, кажется, отдался мечтам...

В некоторых кругах общества, преимущественно среди бездельников-интриганов, пошли толки, мол, вносят поправки в поэму Руставели. Видимо, слухи так распространились, что «Дроэба» сочла необходимым разъяснить: «Дело идет не об «исправлении», а о тщательном редактировании, очистке поэмы от строк, привнесенных многочисленными переписчиками в разные времена и при разных обстоятельствах. Кроме освобождения поэмы от привнесенных строк, комиссия задалась целью дать толкование слов и мыслей. Объяснение некоторых неясных строк текста вызывало обычно живой спор и перепалки...»

Издание поэмы Руставели счастливо совпало с приездом в Тбилиси известного художника Михая Зичи. Венгерского гостя настолько очаровали грузинская природа и народ, так пленили образы гениальной поэмы, содержание которой ему подробно рассказал Мачабели, что в порыве восторга и благодарности он предложил иллюстрировать «Витязя в тигровой шкуре».

Но на богатое издание поэмы Руставели требовалось много денег. А где их взять? На помощь пришел счастливый случай. Однажды на вечеринке к Вано, как рассказывает очевидец, шутя обратился изрядно захмелевший меценат и коммерсант Георгий Картвелишвили:

— Будь другом, посоветуй, ты ведь и писатель и банкир, куда мне девать деньги. Понимаешь,— он взял Ма-

чабели за руку и подмигнул друзьям,— мне надоело ломать голову, во что их выгоднее вложить.

— А ты перестань думать о прибыли и сиди себе спокойно, все равно деньги к деньгам придут,— тоже шутя сказал Мачабели и вдруг, вспомнив о трудностях с «Витязем», предложил: — Дай их на издание Руставели.

— Ан нет, дудки,— мигом отрезвел купец,— ты подскажи выгодную сделку, тогда я с превеликим удовольствием.

— Что ж, по рукам,— уже серьезно приступил к делу Вано. — К нам поступили сведения, что в Картли ожидается богатый урожай хлеба. Скупи его на корню. И крестьян выручишь, и сам не останешься внакладе. Можешь мне верить, к твоему счету в банке прибавится еще пара нулей.

— Пожалуй, ты прав,— почесал затылок Картвелишвили.

— А как с Руставели? — оживился Вано.

— А почему бы его не издать,— согласился коммерсант. — Только вот как будет с... — он помялся и выпалил: — С моей фамилией?

— Она обязательно будет стоять, как же иначе,— поспешил заверить его Мачабели.

Итак, было решено. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» будет печататься на хорошей бумаге, в богатом оформлении. Издатель — Георгий Картвелишвили, художник — Михай Зичи, редактор — Иванэ Мачабели.

«Сейчас, кроме театра, — на моей шее издание Руставели,— жаловался Вано другу детства. — Хотя составлена специальная комиссия, но ты служил в Думе и прекрасно знаешь цену всем этим комиссиям...»

Фактически Мачабели приходилось нести обязанности не только редактора, что само по себе очень сложно, но и организатора, корректора. К тому же надо было упорядочить орфографию.

«Приходится биться над новой редакцией знаков и орфографии,— пишет Вано переводчику Руставели на французский язык Ионе Меунаргия. — Если бы ты увидел составленный мною список, как, где и что должно писаться, ты, наверно, схватился бы за голову. Иногда мне кажется, что Руставели было наплевать с высокой колокольни на все эти знаки и, учись он в гимназии, не

вылезал бы из двоек. А я ломаю себе голову над каждой запятой...»

Особенно много хлопот доставило Мачабели художественное оформление. Зичи поставил в Тбилиси по «Витязю в тигровой шкуре» живые картины и, обещав прислать двенадцать рисунков, уехал в Петербург.

Вано вел активную переписку с братом, просил его поторопить художника с окончанием работы, немедленно приступить к изготовлению клише. Вскоре Зичи прислал иллюстрации.

«В знак моей симпатии и сердечной преданности грузинскому народу».

В конверт было вложено и личное письмо к Мачабели:

«Я посылаю Вам не 12, а 32 эскиза для выбора. Отметьте, которые понравятся, пронумеруйте и скорее высылайте обратно... Буду очень рад, если смогу оправдать ваши надежды и достойно оформлю сочинение Руставели. Хотелось бы напечатать эти рисунки путем цинковых клише. Обойдется это недорого... Поступайте так, как подсказывают Вам ваши желания и возможности. Я считаю себя счастливым, что могу осуществить Ваши прекрасные замыслы... Со своей стороны я издам все 32 рисунка, а может, прибавлю еще, для Западной Европы, маленьким альбомом. Этим, думаю, буду способствовать еще большей популярности великого Шота среди широкого читателя... Прошу Вас отнестись к моим рисункам так, как относятся грузины к женщине,— нежно и трепетно».

Иллюстрации Михая Зичи попали в такие руки, которые иначе, как «нежно и трепетно», не могли к ним отнестись.

Вано Мачабели не только помогал Зичи в выборе типажа, пока тот гостил в Грузии, но и посылал ему в Петербург фоторепродукции с картин древних грузинских художников, копии фресок, старинного орнамента. И венгерский художник шлет ему телеграмму:

«Благодарю, высоко ценю Вашу дружбу. Зичи».

Я с умыслом остановился так подробно на Михае Зичи. Грузинский народ с большой любовью и уважением вспоминает этого прекрасного человека и чудесного художника. Зичи так полюбил грузин и их культуру, что в течение многих лет совершенно бескорыстно, с ув-

лечением и страстью работал над оформлением сокровища нашей культуры — поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

И сейчас в нашем сознании так тесно переплелись эти два имени — Руставели и Зичи, как в сознании испанцев Сервантес и Дорэ.

Грузинские деятели тех времен своей неутомимостью и преданностью родине вселяли в сердце каждого гостя Грузии огромные симпатии к нашей духовной культуре. Хочется еще добавить, что русский композитор Ипполитов-Иванов, который тоже в те годы, еще молодым, побывал в Грузии и был пленен мелодичностью народных песен, решил создать оперу на тему поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Либретто ему написал Иванэ Мачабели.

* * *

Опасения Вано были не напрасны. Прошло менее двух лет, и объединенная редакция «Дроэба» — «Иверия» раскололась. Мачабели перешел в журнал «Иверия», став фактическим его редактором. (Загруженный служебными и общественными делами, Илья Чавчавадзе полностью доверил это важное дело своему юному другу.) Мачабели вновь мечется между журналом и банком, вновь проводит без сна ночи, пишет, редактирует, переводит. «Вано оказался старательным, расторопным и толковым работником,— пишет один современник,— все горело у него под руками. Редко можно было встретить среди нас такого неутомимого человека».

С приходом Вано журнал стал многообразней, живей, интересней. Расширились отделы внутренней и внешней жизни, появились острые статьи, фельетоны, интересные рассказы. Мачабели удалось привлечь к сотрудничеству в «Иверии» лучшие силы тогдашней литературы, и это, конечно, сказалось на качестве печатаемого материала, на глубине затрагиваемых тем.

И вдруг неожиданно для всех дружба Чавчавадзе и Мачабели дает трещину. Правда, трещина эта еще совсем маленькая, почти незаметная, ее можно легко уничтожить. И это надо сделать сейчас же, пока не поздно. Иначе она разрастется, расширится и станет пропастью. Пропастью, которая ляжет между двумя верными сынами отчизны, двумя видными обществен-

ными деятелями. Возникиет два противостоящих друг другу лагеря, разгорится смертельная борьба, вспыхиет костер вражды, который охотно будут раздувать царские наемники и недовольиые дворяне. Сорняк забьет молодые побеги, погибиут взлелеяниые с таким трудом виноградники.

Вано Мачабели ие был баловнем судьбы. С детства он рос в иужде и, как мы видели, часто своим горбом зарабатывал свой кусок хлеба.

Зато Вано Мачабели был избалован хорошим к иему отношением людей. В детстве его баловала тетя. Она гордилась способностями внучатого племянника и выделяла его среди других детей. В годы учения его баловал брат. Ои твердо верил в талаит Вано и всячески старался уберечь юношу от иевзгод. Педагоги ставили Иванэ Мачабели в пример другим ученикам. Известный поэт Орбелиани не скрывал своих симпатий к умному мальчику. Первые литературные опыты Вано встретили горячий отклик Ильи Чавчавадзе, который даже стал его соавтором по переводу. Во многих странах Европы уважали и ценили Мачабели, тепло принимали его. Вернувшись на родину, Вано без страха и сомнений ринулся в самую гущу литературной борьбы и уже с первых дпей стал рядом с Ильей Чавчавадзе. К этому взлету ои был подготовлен всей предшествующей жизиью. И тем трудиее оказалось Вано мириться с несуразиостями, которыми полна была тогдашняя жизнь. Тем болезнениее он реагировал на всякие мелочи, которые не задели бы менее избалованного дружбой человека.

Один современник удивляется в своих воспоминаниях недобрым отиошениям Чавчавадзе и Мачабели. Ведь они дополняли друг друга: чего не хватало одному, было в избытке у другого. «Илья — всегда спокойный, неторопливый, вдумчивый. Он прежде, чем отрезать, семь раз измерит... Вано очень горячий, вспыльчивый. Ои страшно не любит откладывать решение в долгий ящик, во всем рубит сплеча. Его любимая поговорка: то, что можно сделать сегодня, не откладывай иа завтра. Ваио бурлит, эиергия в нем переливается через край».

Однако недоумевающий совремеиник забыл одну «маленькую» деталь, которая проливает на миогое свет. Оба они были болезиенио самолюбивы.

На протяжении многих лет борьбы Чавчавадзе и Мачабели не раз бывали минуты, когда они с радостью пожали бы друг другу руку, но ни один из них не решался первым протянуть ее. К тому же часть общества — княжья-бездельники и скучающие дамы,— развлекающаяся жестокой борьбой, подбрасывала в огонь хворост...

А началось все с разногласий по банковским делам. Обсуждался вопрос распределения прибылей по различным общественным организациям. Мачабели настаивал на том, что распределением должны заниматься основатели банка. Чавчавадзе был иного мнения. Вспыхнув, Мачабели заявил, что если не пройдет его предложение, то он бросит все дела и уедет в деревню, займется хозяйством. Чавчавадзе обидело такое резкое выступление против него. «Ты, оказывается, на редкость самоуверен»,— сказал он Вано в присутствии всех.

Самоуверенный! Мачабели и раньше слышал в свой адрес это слово, но не обращал тогда на него внимания, не придавал значения. Когда же его повторил Илья Чавчавадзе, Мачабели побелел от обиды.

Незадолго до этого неприятного столкновения Чавчавадзе поделился с Вано своими планами. Он уже давно собирается поставить перед общим собранием банка вопрос о назначении директора. Двоим, ему и Авалишвили, становится все труднее и труднее руководить сложными операциями. К тому же появилась необходимость ездить по делам в Эривань, Александрополь, Баку, и сейчас, как никогда, нужен третий директор. Чавчавадзе и Авалишвили перебрали в памяти всех кандидатов и остановились на Васо Мачабели, петербургском юристе. Вано должен написать брату как можно скорее и попросить согласия.

Чавчавадзе не сказал тогда Вано, что в случае отказа его брата для Ильи уже решен вопрос, кому быть третьим директором, — Иване Мачабели.

Ответ из Петербурга пришел на редкость уклончивый, двусмысленный. Васо Мачабели писал, что если его брат, Вано, согласится выставить свою кандидатуру, то он отказывается от этого лестного предложения. Чавчавадзе сделал Вано Мачабели официальное предложение баллотироваться третьим директором земельного банка. Но теперь, когда Мачабели стал спорить с ним,

Давид Авалишвили сказал Чавчавадзе с упреком: «Ты не хотел прислушиваться к моему мнению, но теперь, надеюсь, убедился, каков твой Вано. Еще раз повторяю, Мачабели нельзя даже близко подпускать к управлению банком».

Вскоре Авалишвили уехал по срочному делу в Петербург. При первой же встрече с Васо он сказал ему:

— Мы хотели избрать твоего брата директором, но он оказался слишком горячим и неуравновешенным. Как видно, его кандидатура не пройдет. Илья тоже такого мнения.

Васо поспешил написать брату о беседе с Авалишвили и просил объяснить ему, что произошло, чем он обидел Чавчавадзе. Письмо брата для Вано было полной неожиданностью, его словно ударили обухом по голове.

— Что же получается,— терялся он в догадках,— ведь Илья только сегодня утром повторил мне предложение стать директором. Неужели?.. Нет, Илья не такой человек. Это Авалишвили мутит воду...

Однако с этого дня Вано почему-то стал избегать откровенного разговора с Ильей.

Беды, как известно, плодливы: одна недомолвка потянула за собой целую вереницу обид, подозрений, сомнений. Теперь небрежно оброненные слова Мачабели, дескать, на его плечи легли все трудности по изданию «Иверии», обрели иной смысл. Их с показным негодованием передали Чавчавадзе как жалобу Вано на редактора. А вопрос о третьем директоре отпал сам собой. Комитет по надзору не утвердил предложение И. Чавчавадзе, так что общее собрание даже не приступило к его разбору.

* * *

Жизнь текла по прежнему руслу. Сотрудники «Дроэба» и «Иверии» всеми силами боролись за национальное единство, развитие литературы, чистоту языка, просвещение народа. Борьба шла острая и неравная. Ей отдавали все силы, всю жизнь наши славные писатели, артисты, журналисты. Она ломала железное здоровье и стальную волю.

Таким был и редактор «Дроэба» Сергей Месхи. Четырнадцать лет недосыпал он ночей, не знал отдыха и

покоя. И вдруг его подкосило, как раненного в горячей схватке воина. Он оглянулся вокруг, ища глазами, кому передать пронесенное сквозь бури и пожарища знамя, и остановил свой взгляд на Вано Мачабели.

Переход газеты «Дроэба» в руки Вано Мачабели не прошел безболезненно. В номере от 28 апреля 1883 года было опубликовано следующее редакционное сообщение: «В связи с переходом «Дроэба» к новому хозяину мы вынуждены временно прекратить выпуск газеты». Только 8 мая, то есть через десять дней, читатель получил следующий номер «Дроэба». В продолжение этого перерыва шли ожесточенные бои за место редактора. Это были уже завершающие атаки, так сказать, штурм крепости. А осада и подготовка к последнему рывку началась давно, еще за несколько месяцев до опубликования редакционного сообщения. Все началось с категорического требования врачей, чтобы Месхи оставил работу. Ни у кого не было сомнения, что Илья Чавчавадзе назовет кандидатуру Вано Мачабели, который считался вторым редактором «Иверии». Однако, ко всеобщему удивлению, Чавчавадзе этого не сделал. Общественность была озадачена таким неожиданным поворотом событий. И Вано тут же, взрывая последний мост, решительно порвал с «Иверией».

«Месхи очень болен, врачи запретили ему года на два браться за перо,— пишет Вано своему брату в Петербург,— за газету он просит 6.000 рублей, из которых 4.500 пойдет на расплату с редакционными долгами, а остальное на излечение от болезни. Деньги уже собирают. Но впереди еще много трудностей. С одной стороны, не так легко найти человека, который смог бы достойно вести газету, а с другой — собрать эти деньги. Кананов выдвинул свою кандидатуру. Почти все против, ибо этот проходимец, еще работая в журнале, доказал свою никчемность. Особенно против него молодежь — они просят меня взять на себя обязанности редактора. Как смотришь ты на это?..»

Кананов уже чуть было не стал редактором. Во всяком случае многие были уверены в его победе. События чередовались как в калейдоскопе. 8 мая в частном письме к Нико Николадзе один из его друзей писал: «Дроэба» на этих днях переходит в руки Чавчавадзе, редактором назначен Кананов». Но письмо, как видно,

он не успел отправить, и уже на второй день пришлось перечеркнуть «Чавчавадзе» и написать сверху «другие», а над фамилией Кананова поставить «И. Мачабели».

Оказывается, Вано удалось в последнюю минуту раздобыть деньги, и Сергей Месхи, несмотря на некоторые убытки, все же предпочел отдать газету опытному и талантлнвому журналисту. Иванэ Георгиевич Мачабели стал редактором единственной грузинской газеты «Дроэба».

Мурашки пробегают по коже, когда перечитываешь слова Сергея Месхи, обращенные к «своей любимой газете»:

«Четырнадцать лет пестовал и лелеял я «Дроэба». И все эти годы мы встречались с читателем (вначале раз в неделю, затем три, и наконец почти каждый день), беседовали по душам о наболевших вопросах. Много лишений выпало на нашу с газетой долю. Много испытаний пришлось перенести, много препятствий преодолеть... Хорошо или худо, но мы сражались, мы не сложили оружия до последних дней. И сегодня, это я могу сказать с полным правом, я передаю новому редактору честную и ничем не запятнавшую себя газету...

Насколько мне позволяло здоровье и тысячи разных внешних и внутренних препятствий, я старался помочь нашей общественности стать на верную дорогу... верой и правдой служить нашему отечеству.

Это моя исповедь. Сломленный тяжкой болезнью, я, к великому сожалению, вынужден покинуть газету. Прощай, моя любимая газета, прощай, мой дорогой читатель!..

Всякий поймет, с каким чувством и сердцем я говорю эти слова расставания газете, которой отдал всю молодость, весь жар души, все силы...»

Вано Мачабели принял из рук Сергея Месхи газету «Дроэба». И через ту же газету обратился к бывшему редактору с прочувственной речью:

«Спасибо, от всего сердца спасибо тебе, мученик своего долга, преданнейший пастырь единственной грузинской газеты. Принимая из рук Сергея Месхи «Дроэба», мы хотим перед лицом всего общества дать ему слово, что не будем мачехой столь любимой им газете. Мы надеемся, что взращенная в печали и горьких думах

«Дроэба» когда-нибудь станет свидетелем более счастливых дней».

Далее, обращаясь к читателю, Мачабели рассказывает, какие муки терпел ее редактор:

«Получая каждое утро свежую газету, вы, наверно, ни разу не задумались над тем, сколько труда и мучений вложено в этот один листок бумаги. Попивая чай, вы лениво пробегаете глазами передовую и не знаете того, сколько длиннющих писем и корреспонденций пришлось прочесть редактору, чтобы сделать одну приличную статью или выжать три строчки для «новостей дня»... Никого не интересует настроение или здоровье редактора. Он должен писать передовую, фельетон, заметки и в то же время быть в вечном страхе, как бы какая-нибудь корреспонденция не вызвала «процесса о диффамации».

В наше время на редакторе лежит такой груз, по сравнению с которым ярмо крестьянина покажется легким. Даже человек с сердцем Амирана не смог бы вынести стольких терзаний!

И этот тяжелый груз нес на себе в течение четырнадцати лет Сергей Месхи.

Зачем он ввергал себя в такие муки, может спросить читатель, жертвовал своей жизнью делу, которое вместо обеспеченной старости принесло ему нищету?

А затем, что он заботился о потомстве, видел в газете силу, способную разбудить общественную мысль...»

Взволнованно обратился к старому редактору Мачабели и на обеде, устроенном Сергею Месхи грузинской общественностью в Верийском саду. Около ста человек собралось тогда. Компания была в сборе, звучала музыка. Вдруг упала тишина. По аллее шел, опираясь на палку, сгорбленный тридцативосьмилетний старик. От волнения землистые щеки Сергея Месхи покрылись болезненным румянцем. Люди, ошеломленные этой картиной, растерянно сняли шляпы. Что это было: знак уважения к сединам молодого человека или последняя дань так рано загубленной жизни?!

Свинцовые тучи обложили небо. Тяжелые капли дождя принялись колотить иссохшую землю. Стол, накрытый на чистом воздухе, поспешно перенесли на балкон. Один за другим поднимались общественные дея-

тели, писатели, журналисты выразить Сергею Месхи любовь и благодариость.

И только иекоторые господа, явившиеся сюда покутить и поглядеть иа прощанье с редактором газеты, веселились без удержу. Их черствые сердца ие могло смутить даже прочувствеииое слово Петре Умикашвили.

Неужели этим иеблагодариым, этим подоикам я отдал лучшие годы своей жизии, думал Сергей Месхи. Неужели им приiесут себя в жертву и те двое юношей, что беседуют так сердечно: Вано Мачабели и Алексаидр Казбеги. Нет, этого ие может быть! Нация, наш иарод всегда будет благодареи своим славиым сынам... — искры надежды вспыхиули в его грустиых глазах...

А когда со словами приветствия к нему обратился Акакий Церетели, то Месхи почувствовал прилив сил. Ои и Акакий почти в одио и то же время начали литературиую и общественную деятельность. Тогда их сердца горели огнем надежды и думы были устремлены в прекрасное будущее. Перед мыслеииым взором Месхи пронеслись годы побед и поражеиий, борьбы и выиужденного бездействия, любви и разочарования... И виовь погасли его глаза; теиь пробежала по лицу.

От иудио моросящего дождя и тягучей мелодии дудуки еще горше стаиовилось на душе. Месхи заметио устал и попросил Ваио Мачабели проводить его домой.

Церемоиия ухода Сергея Месхи из газеты больше иапомииала проводы редактора в последний путь, чем времеиное расставание с иим. Словио все понимали, что жить Месхи осталось считаиные дии.

Через иесколько месяцев грузииы шли с иепокрытой головой за гробом Сергея Месхи.

«Благословеииой десиице Сергея Месхи, его кипучей энергии и беспредельиой любви к отечеству мы обязаиы тем, что «Дроэба» стала газетой всех грузии. Его стараииями посажеииое иа искусствениой почве дерево дало глубокие корни — газета стала каждодиевиой потребностью миогих грузии. И мы преклоняем колени перед неустаииым борцом «иа териистой дороге жизии», во сто крат более териистой для него!..»

Так закаичивалось прощальиое слово газеты «Дроэба» к своему бывшему редактору.

* * *

Вскоре Вано Мачабели нанес Илье Чавчавадзе еще одну обиду. На общем собрании земельного банка один из его директоров — Авалишвили заявил о принятом им решении не выставлять своей кандидатуры для баллотировки. Но на следующее утро передумал и взял свои слова обратно.

Вано Мачабели и до этого таил злобу на Авалишвили, а теперь и вовсе взбеленился. На предложение председательствующего избрать Авалишвили без всяких процедур, Вано решительно ответил:

— Это не соответствует нашим правилам. Я знаю, что заранее обречен на поражение, и все же рядом с урной Авалишвили ставлю свою. Голосуйте!

Конечно, Вано ради красного словца заявил об уверенности в своем поражении, на самом деле он питал надежды на победу.

И победил.

Иванэ Георгиевич Мачабели был избран большинством голосов директором земельного банка.

Мачабели стал одновременно редактором газеты и директором банка. И все это против желания Ильи Чавчавадзе.

Интрига великой драмы завязалась.

Вано Мачабели, став редактором «Дроэба», решил вести газету по тому же пути, что и Сергей Месхи. И, подчеркивая эту преемственность, он, в нарушение традиции, не опубликовал своей программы. Газета оставалась верной демократическим принципам и «служила устремлениям нового поколения». Понятно, заявить об этом открыто Мачабели не мог.

«Может ли грузинская газета сказать о своей программе нечто большее, чем общие фразы,— писал Мачабели. — Конечно, нет!» Но все же он надеется, что читатель поймет его с полуфразы, намека, и поэтому обращается к нему со следующими словами:

«Читатель хоть немножко да знает нас, поэтому не станем гоняться за обещаниями. Тем паче, что обещания в наше время часто не исполняются по непредвиденным, а иногда и предвиденным обстоятельствам. Дадим лишь маленькую клятву нашей читательской общественности: мы будем сочувственно относиться ко всему честному,

хорошему, нужному и преследовать все бесчестное, плохое, ненужное... Читатель, наверно, догадался, если только следил за нашей газетой, что мы называем честным и бесчестным, полезным и вредным, ну, а если не догадался, то мы попытаемся сделать это более понятным...»

Стоит хотя бы бегло просмотреть подшивки номеров «Дроэба» того периода, и станет ясно, какую жестокую и по-мачабелевски открытую борьбу вела газета со всем бесчестным, антинародным.

Фронт сражения растянулся, он уже охватывал почти все сферы тогдашней жизни — начиная с морально-этических вопросов и кончая международной политикой.

Обозрения «Дроэба», будь они внутренние или внешние, представляли собой не простой перечень фактов, а оценку того или иного события.

Особенно много внимания редакция, как и следовало ожидать, уделяет вопросам внутренней жизни. Все, что только происходит в стране, находит отражение на страницах газеты. Мы и выше подчеркивали, что в своих ранних научных статьях Вано Мачабели увязывает каждое открытие, каждый новый шаг науки с конкретными делами, дает им практическое, даже потребительское применение. Он не похож на тех беспочвенных мечтателей, лжеученых, которых и тогда было у нас хоть отбавляй. Статьи Мачабели дышат современностью, они актуальны, злободневны.

В нашей прессе много говорилось о европеизме Мачабели, будто он везде и во всем старался насаждать европейские правила и обычаи. На поверку же оказывается, что утверждения некоторых недоброжелателей о преклонении Вано Мачабели перед всем иностранным не стоят выеденного яйца. Конечно, Мачабели был для своего времени всесторонне образованным человеком, прекрасным знатоком иностранных языков и литератур. Однако это вовсе не значит, будто он оторвался от родной культуры, пренебрег мудростью народа, его замечательными традициями. Но дадим слово самому Мачабели.

«Просвещение возвышает нравственно, обогащает материально, оно будит самосознание, уничтожает дурные наклонности, сближает разные нации меж собой. Это еще не значит, что просвещение стирает разницу ме-

жду народами. Непоправимо ошибаются те, кто думает, мол-де назначение цивилизации в том, чтобы стереть всякую разницу между французом и немцем, слить в одно китайца и англичанина. Этнографические и географические условия накладывают на народ такой отпечаток, стереть который не под силу цивилизации. Да она и не пытается этого делать. Назначение цивилизации в том, чтобы создать на данном месте такие условия, при которых каждый человек и весь народ смог бы улучшить свою жизнь. Цивилизация обновляется, омолаживается теми элементами, которые вбирает она в себя из жизни разных народов. Этим прибавляет она себе силу, долголетие, жизнеспособность. Отсюда вытекает, что просвещение нравственно сближает, объединяет народы и вместе с тем вовсе не пытается уничтожить характерные особенности каждой нации, каждого индивидуума... Нравственное единство народов зиждется на национальном различии, на их индивидуальности. Просвещение, цивилизация радеют о том, чтобы утвердить единство и не уничтожать индивидуальность. Отсюда происходят их мощь, сила и величие. Цивилизация лишает индивидуальности только такие народы, которые не успели еще стать «нацией» и не дают ей полезного материала, не являются для нее питательной средой. Иначе говоря, нация, которая имеет свою историю, свою государственность, свою религию, одним словом, создала свою культуру, может и должна обогатить цивилизацию, внести в ее сокровищницу элементы, которые выработала на своей почве, силой своего мышления.

Таким образом, будет большой ошибкой с нашей стороны, если мы растеряем свои нравы, обычаи, национальные черты в погоне за европейской наукой, в желании пользоваться ее плодами. Не успело ступить на нашу землю европейское просвещение, как мы, словно в пьяном угаре, решили предать забвению лучшие национальные обычаи. С нами произошло то же, что и с другими народами: мы решили, что отречение от национальных особенностей — лучший способ приобщения к европейской цивилизации.

Сначала мы прогневались на родной язык: думали, коли начнем изъясняться на другом языке, то докажем этим свою образованность.

Потом рассердились на нашу национальную одежду — ходить без фрака стало признаком невежества. А чоху спрятали подальше в сундук.

Затем пришел черед нашим танцам. Мы поспешно стали забывать лекури и давлури, приучая ноги к вальсу и кадрили.

Рассердились мы и на наши песни. Думали, что просвещение состоит в исполнении романсов.

Что и говорить, все эти изощрения только отдалили нас от народа. И, конечно, мы не стали европейцами. Мы исковеркали себя, изуродовали. А все это потому, что не смогли сделать европейское просвещение нашей кровью и костью, не влились в него. Хотели пересадить его на нашу почву в том виде, в каком оно родилось и выросло на чужой земле, в чуждых нам условиях. Может, эта ошибка была непроизвольной, но что мы ошиблись — видно даже младенцу.

Это намного отбросило нас назад, принесло немалый вред. Мы исковеркали, засорили язык и, даже больше, стали забывать его, а вместе с языком предали забвению и нашу литературу — свидетельство мощи нашего духа и мысли. Мы отдалились от народа, пренебрегли богатством его мысли и словесного творчества. Мы сняли национальные костюмы, один взгляд на которые прибавляет человеку отваги.

Мы затянули на разные лады всякие слезливые романсы, позабыв наши народные, исполненные мужества песни.

Пришло, слава богу, время, когда мы почувствовали необходимость обновления. А этого можно достичь только одним путем — приблизиться к народу, изучить его творчество. Вернемся к языку, песням, танцам, одежде, обычаям народным, ведь они живительным родником вольются и в европейскую цивилизацию. В наших обычаях, в нашей культуре европейское просвещение обретет те элементы, которые во многом или малом обогатят его сокровищницу. Разве европейская наука мало почерпнет из изучения нашей жизни, нашей литературы, нашей истории? Разве европейская музыка не воспользуется мелодиями наших народных песен? Разве наше искусство верховой езды и владения саблей будет чуждо просвещенной Европе? Разве помешает нам куладжа в изучении европейской философии?

Так не забудем нашей национальной особенности и сочетаем с ней европейское просвещение. И наши старания на этом пути только ускорят наши шаги вперед, возвысят нас нравственно, обогатят духовно. Это и будет нашим обновлением».

До того как Мачабели сделался редактором газеты, в «Дроэба» и «Иверии» часто появлялись статьи, подписанные его именем; иногда он публиковал материалы без подписи. Не подписаны, например, интересные статьи, напечатанные в «Иверии», о творчестве Николоза Бараташвили и Александра Чавчавадзе, в которых высказаны очень оригинальные и заслуживающие внимания мысли не только об этих писателях, но и о литературе вообще. Но с тех пор, как Мачабели стал редактором, материалы с его подписью перестали появляться. Теперь в каждой статье, в каждой строке нужно искать его мысли. Но при этом необходима величайшая осторожность, так как в связи с делами банка Мачабели часто приходилось ездить по различным уголкам Грузии, и тогда некоторые сотрудники, ощутив свободу, печатали материалы, в корне противоречившие взглядам и мыслям Мачабели.

Материал для газеты поступает в огромном множестве, но он еще сырой, нуждается в переработке, часто даже приходится переписывать все заново. Случаются и курьезы. Мачабели любит вспоминать о них за дружеской беседой.

Один сотрудник принес на подпись редактору свою статью «Зачем отправился Мухтар-паша в Европу». Вано прочел ее до конца и ничего не понял.

— А все же, что надо Мухтар-паше за границей?

— Не поняли? — растерялся автор.

— Нет.

— Говоря по совести, и я не знаю,— признался он смущенно.

Как-то одно влиятельное лицо пригласило редактора «Дроэба» на чашку кофе. Хозяйка радушно приняла гостя. Она оказалась настолько любезна, что посвятила Мачабели в свою тайну: в свободное от домашних забот время она занимается переводами. Кстати, она не стала бы возражать против опубликования переведенного ею рассказа в «Дроэба». Редактору ничего не оста-

валось, как поблагодарить жену чиновника за честь, оказанную его газете. Мачабели не хотелось терять влиятельного «сотрудника» — такие уж были времена,— и он заново перевел весь рассказ от начала до конца. Жена чиновника не очень огорчилась, когда не узнала своего перевода.

Но все это были мелочи по сравнению с огорчениями, которые доставляли Мачабели некоторые сотрудники. Тяжелым камнем лежал на его сердце случай с опубликованием в «Дроэба» клеветнической статьи на Казбеги, с которым Вано связывала искренняя дружба.

Мачабели с первого же знакомства потянуло к Александру Казбеги. Дружба их была трогательной, задушевной. Вано возлагал на Казбеги большие надежды и всячески старался облегчить его тяжелое положение. Казбеги часто в минуты отчаяния или хандры захаживал к Мачабели в надежде развеять печаль, приободриться.

Конечно, не случайным было и то, что именно в газете «Дроэба» Казбеги опубликовал свои первые рассказы. Когда Вано стал редактором «Дроэба», он попросил своего друга написать для газеты рассказ. Казбеги в те дни собирался уехать в Батуми, но Вано он не смог отказать, и поездка была отложена. Тут же, в редакции, Казбеги начал писать рассказ «Циция». Вано наблюдал за ним с печальной улыбкой. Что-то загадочное и вместе с тем привлекательное было в этой трагической личности. Его детская наивность и детская же вспыльчивость трогали сердце. Пустив на ветер состояние отца, сейчас он с той же беззаботностью и щедростью растрачивал свой талант.

Казбеги сидел в углу неубранного кабинета и смотрел куда-то мимо окон. Он видел покрытые девственно белым снегом вершины и душевно чистых, благородных горцев, он слышал, как сумасшедше бьется о камни и стонет в горячке Терек, слышал проклятья героев, раздавленных отжившими век адатами. Он плакал, писал и плакал...

Вано, охваченный тяжелым предчувствием, смотрел на Казбеги сквозь слезы. Казбеги душит спертый воздух эпохи. Черствость людей, эгоизм, цинизм замораживают кровь. Нервы его натянуты и могут лопнуть от одного неловкого прикосновения. Сейчас, как никогда,

Казбеги нужна ласка, ласка и признание,— думал про себя Мачабели.

В тот день Казбеги закончил первую главу своего рассказа «Циция». Вано немедля опубликовал начало рассказа, пообещав дать «продолжение в ближайших номерах». Однако, к недоумению читателей, которые с нетерпением ждали каждый новый номер «Дроэба», газета прекратила печатанье рассказа. Взамен «Циции» читателю были предложены статьи, где ругали Александра Казбеги.

— Неужели и Вано меня предал,— повторял Казбеги, разрывая газету на куски.— Чего они хотят от меня? Почему все стараются бередить мои раны? Ведь я не делал ничего дурного. Нет, я просто рожден под несчастливой звездой.

Вскоре история этих статей стала известна публике. Оказывается, Мачабели уехал по банковским делам в отдаленное село. Его отсутствием воспользовался сотрудник газеты Давид Кезели, который решил свести с Казбеги счеты. Мачабели получил «Дроэба» с большим опозданием. Прочтя гнусную статью Кезели, он бросил все дела и приехал в Тбилиси. В тот же вечер Вано в резкой форме предложил клеветнику оставить редакцию. Казбеги, узнав об этом, радостно воскликнул:

— Я так и знал. Вано не нанес бы мне такого удара!

5 сентября в газете «Дроэба» было помещено «прощальное письмо» Давида Кезели.

«Господин редактор,— обратился он в заключение к Мачабели,— как Вы желаете убедить меня, большинство читателей Вашей газеты выражает недовольство моим долгим сотрудничеством в «Дроэба». На самом деле просто мы не нашли с Вами общего языка. Доброжелатель Вашей газеты Давид Сослан (Кезели)».

Каким «доброжелателем» газеты был Кезели, видно из грязных слухов, которые он пустил о «Дроэба» по городу. Кезели развил такую деятельность, что редакция была вынуждена поместить на своих страницах характеристику этого интригана и проходимца.

Продолжение рассказа Казбеги «Циция» газета начала печатать 10 сентября.

* * *

В память Иванэ Мачабели глубоко запали слова первого редактора «Дроэба» Георгия Церетели: «Мы не

должны забывать еще об одном значении газеты — она собирает и объединяет весь народ». Редактируя «Дроэба», Мачабели неукоснительно следовал этому завещанию. Почти в каждом номере он печатал информации о жизни страны, о горе и нищете народа, о событиях в том или ином уголке Грузии. На страницах «Дроэба» мы можем прочесть этнографические и историко-политические обозрения Сванетии, Мегрелии, Абхазии, Гурии, Осетии.

Мачабели делал все для сближения и сплочения всего населения Грузии. Но это не устраивало царских чиновников, которые пускались на все, лишь бы разобщить, разъединить население страны. Особенно усердствовал в проведении политики «разделяй и властвуй» попечитель Кавказского учебного округа Яновский. Он повел смертельную войну с Мачабели, газета которого распространяла неугодные царизму идеи.

Стараясь держаться в тени, Яновский науськивал на «Дроэба» цензоров. Поэтому часты бывали случаи, когда «Дроэба» выходила с большим опозданием и случайными, наспех составленными материалами, которые, как небо от земли, отличались от запрещенных в последнюю минуту цензурой. Редакции все чаще и чаще приходилось извиняться перед читателем за опоздание, виной которому была «одна опорочившая себя организация».

Затяжная, нескончаемая борьба с цензурой выматывала, изнуряла сотрудников «Дроэба». Она не только лишала их покоя и сна, но и расшатывала здоровье, нервы. О том, как измывались цензоры над редакцией «Дроэба» и до каких крайностей доводили ее сотрудников, можно судить хотя бы по сцене, которую мы оживим по воспоминаниям современников.

Вечереет. После многих волнений номер готов к печати. Леванишвили, молодой сотрудник редакции, в хорошем настроении: наконец-то он свободен и может провести вечер с друзьями в Муштаиде. Затянув в талии чоху и поправив кинжал, он с веселым лицом входит в кабинет редактора. Мачабели сидит за столом и просматривает корректуру завтрашнего номера. Взглянув тайком на вырядившегося сотрудника, он с трудом прячет в усах улыбку. Леванишвили хочет погулять, что же, после такого, полного хлопот дня, не мешает

развлечься. Молодой человек, пожелав Мачабели всего хорошего, направляется к двери. Но тут он сталкивается с наборщиком, который держит испещренную красными чернилами полосу газеты и ругается самой ярмарочной бранью. Цензор Лука Исарлов вновь задержал газету!

Мачабели, несмотря на вспыльчивость, спокойно принимает эту новость. Зато его молодой сотрудник мечет громы и молнии. Выхватив из рук наборщика газету, он сломя голову мчится в комитет по цензуре. Секретарь Исарлова преграждает молодому газетчику дорогу: цензор занят неотложным делом и сейчас не может принять. Леванишвили хватает его за ворот и кричит ему в ухо что есть силы:

— Пусти, не то душу из тебя вытряхну!

Он врывается в кабинет цензора, с шумом захлопнув за собой дверь. Из-за груды бумаг, беспорядочно наваленных на столе, торчит бритая, похожая на череп доисторического животного, голова Исарлова. В глубокой впадине глазниц бегают две противные мышки. На мгновение они останавливаются, трусливо смотрят на Леванишвили.

— Ну-ка, подпиши эту полосу,— приказывает владелец кинжала. Расширенные страхом глаза Исарлова просят пощады.

— Постой, дорогой, не надо волноваться,— лепечет цензор.

— Крови, крови жаждет мой кинжал,— уже предвкушая победу, кричит молодой журналист. — Ну, выбирай: или ты подпишешь газету, или свой смертный приговор.

Лысина цензора покрывается испариной, в глазах стоит страх. Дрожащей рукой он подписывает в свет номер «Дроэба».

— Растяпа,— не унимается Леванишвили,— где ты ставишь подпись. Вот здесь надо.

Но Исарлов не смотрит на газету, его взгляд прикован к кинжалу. Наконец молодой человек так же шумно захлопывает за собой дверь, и Исарлов облегченно вздыхает — пронесла нелегкая.

Это один из множества случаев, когда цензор доводил сотрудников газеты до белого каления.

А сколько раз Мачабели приходилось терпеть издевательства цензоров, сколько ночей он проводил без сна,

сколько серебра прибавилось в волосах. Исарлов получал особое удовольствие в истязании журналистов. «Это был настоящий старорежимный чиновник с черствым, как камень, сердцем и пустой головой. Ни добрым словом, ни убеждением, ни просьбами, ни мольбой нельзя было растрогать это каменное сердце»,— пишет один современник.

Много крови испортил Исарлов Мачабели. По вине цензора чуть ли не каждый готовый к печати номер приходилось перекраивать, наспех заменяя статьи. Но Мачабели не думал сдаваться. Он шел напролом и до конца остался верен высоким идеалам шестидесятников. Вано Мачабели был взращен на прогрессивных идеях великих русских мыслителей и вел такую же, как русская пресса тех времен, смелую борьбу с царизмом.

Эта неравная борьба становилась с каждым днем все более опасной для Мачабели. «Здешняя цензура свирепствует,— писал приехавший в отпуск в Тбилиси Васо Мачабели в 1884 году Нико Николадзе,— нашим литераторам вздохнуть не дают».

Чиновники огнем и мечом подавляли всякое проявление живой мысли, одна попытка поднять голову была сопряжена с опасностью вообще ее потерять.

В такой вот обстановке и приходилось нашим славным общественным деятелям бороться за свободу, за просвещение народа.

Не менее опасной была и тайная война, которую вели царские чиновники против грузинской прессы. Пользуясь услугами подонков, они подчас нащупывали уязвимые места и наносили по ним удары. Удары эти были тем больнее, что застигали врасплох. Так произошло, например, с письмом горийских студентов. 28 апреля 1885 года на имя редактора «Дроэба» пришло письмо:

«Грузины — учащиеся Горийской семинарии — получают бесплатный номер «Дроэба», за что и благодарим Вас от всего сердца. «Дроэба» на сегодня одна-единственная газета, которая знакомит нас с событиями в стране. Она сближает нас, семинаристов, с жизнью народа и этим готовит к жизненному поприщу. Только невежда или полоумный станет отрицать большое значение Вашей газеты. Однако, как говорят в народе, беда поверху плыла, погодой к нам прибило...

У Вас один цензор, у нас же «несть им числа». Для того, чтобы попасть к нам, «Дроэба» должна пройти через сорок рук и тысячи паутинных нитей. Каждый номер мы получаем с опозданием на неделю. Да и то до нас доходит один номер из десяти, словно оторвавшийся от стаи журавль. А сейчас по приказу попечителя Кавказского округа нам и вовсе запрещено читать грузинские книги и «Дроэба». Поэтому, если Вас не затруднит, высылайте нам газету по новому адресу: Гори, Виссариону Гогохия. Он, как частное лицо, может получать любую газету, мы же с помощью этой хитрости проведем наших ретивых опекунов».

Яновский тоже прочел такое письмо из Гори, посланное на его имя неким анонимом. Взбешенный, он вызвал секретаря, приказал отыскать копии посланий цензурному комитету 3 и 13 февраля, присовокупил к ним ответы цензурного комитета и вышел на улицу с твердым намерением поговорить с самим главноуправляющим...

Пока Яновский семенит к кабинету начальника, заглянем в его портфель и ознакомимся с некоторыми документами.

Прочтем сначала копию обращения, которое он направил 3 февраля в цензурный комитет.

«Милостивый государь, Константин Васильевич! Газета «Дроэба» отличается постоянным вредным для учащегося юношества направлением, печатая статьи, заключающие извращенные сведения об учебных заведениях Кавказского учебного округа или неправильно объясняя распоряжения учебного начальства. Для примера я могу указать на № 10 «Дроэба» текущего года, в котором, между другими ложными сведениями о распоряжениях учебного ведомства, высказывается порицание автору одного учебника за то, что он не сжег этого учебника, забракованного редакцией «Дроэба», а представил его на рассмотрение ученого комитета министерства народного просвещения и теперь объявляет, что учебник одобрен министерством народного просвещения и может быть приобретаем для школьного употребления. Следовательно, редакция желает распространения в училищах только таких учебников, которые удовлетворяют ее целям, и стремится унизить в мнении преподавателей такие учебники, которые рекомендуются министерством народного просвещения.

Вместе с тем редакция «Дроэба» не ограничивается только печатанием подобных статей, но и бесплатно рассылает их по учебным заведениям для чтения учащимися как В. П. изволите убедиться из прилагаемого печатного адреса, по которому «Дроэба» распространяется между воспитанниками учительской семинарии.

Таким образом «Дроэба» намеренно стремится подорвать в учащихся доверие к устанавливаемым в учебных заведениях порядкам и развращает учащееся юношество.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить В. П. сделать распоряжение: а) о недопущении, на основании известного циркуляра министра внутренних дел, печатания в «Дроэба» статей, содержащих неверные сведения об училищах Кавказского учебного округа, и б) о воспрещении редакции «Дроэба» самовольного распространения издаваемой ею газеты между воспитанниками кавказских учебных заведений; о последующем же меня уведомить, с возвращением приложения. С истинным уважением и совершенной преданностью имею честь быть В. П. покорнейший слуга К. Яновский».

Посмотрим, что это была за статья, напечатанная в 10-м номере газеты, которая вывела из равновесия «не вмешивающегося в политику» и занятого лишь «педагогическими проблемами» попечителя и заставила его написать тайные послания, совсем не соответствующие его должности.

Это не что иное, как обычный воскресный фельетон, такой, какие печатаются почти в каждом номере газеты; вопрос об учебнике, вызвавший гнев попечителя, занимал в нем совсем незначительное место,— говорилось о том, что один из наших деятелей составил учебник, который наша общественность осудила, и тем не менее составитель не изъял своего учебника и не предал его аутодафэ. И все.

Но в этой же статье говорилось еще об одном, это-то и вызвало волнение попечителя. Говорилось о том, что... Но приведем лучше это место полностью:

«...один из новых грузинских общественных деятелей, одно время объявленный неплохим литератором, получил место учителя грузинского языка в училище. Говорят, этот литератор никогда не учился грузинскому языку и если и получил это место, то лишь потому, что

предложил изменить программу. Мы не знаем, имела ли право менять программу эта личность, никогда не учившаяся грузинскому языку, не знаем, сократил он ее или расширил, но. вероятнее всего — сократил, потому что эта личность не чем иным, как сокращением, не могла бы заслужить столь щедрых милостей».

Этот абзац и возмутил Яновского.

В статье было еще одно небольшое сообщение, тоже не понравившееся попечителю. Говорилось о том, что газета «Кавказ» выступает против открытия семинарии в Кутаиси: к чему, мол, в Кутаиси новое училище, когда «он связан с Тбилиси железной дорогой».

Автор письма осуждает такое выступление «Кавказа»...

Но разве только эта статья насторожила уважаемого попечителя и цензурный комитет, их взволновала газета «Дроэба» вообще и ее упрямый редактор — Мачабели, им не давали покоя вся работа и направление газеты, совсем не подчинявшейся цензурному комитету. В письме от 13 февраля попечитель настойчиво повторяет свои опасения о газете и ее редакторе и прибавляет, что, по авторитетным сведениям, газета бесплатно рассылается в разные школы, в частности ученикам Хонской семинарии. Но если даже оставить это, пишет он, направление и содержание газеты вообще вызывают страх и опасения.

Попечитель твердо решил серьезно поговорить с главноуправляющим и одновременно намекнуть и на цензурный комитет, который не может проследить за одной газетой. Ответное послание комитета не содержит ничего утешительного. Здесь написано то, что господин попечитель и так прекрасно знает...

«Газета «Дроэба» с переходом в руки настоящего ее редактора-кн. Мачабели стала обнаруживать явно несочувственное направление и, несмотря на самое строгое и притязательное отношение цензуры к этой газете, редактор ее с упорством и настойчивостью продолжает представлять в цензуру такие статьи, которые, как ему хорошо известно, ни в каком случае не будут одобрены для печати. Насколько цензура требовательна к этой газете, В. П. изволите усмотреть из того факта, что по отчету за истекший год оказалось, что из числа всех задержанных по грузинской журналистике статей 6/7 при-

ходится на одну газету «Дроэба» и только 1/7 на все остальные издания. Несмотря на все это, общее направление газеты представляется, как и В. П. изволили заметить, крайне нежелательным... Зная же общее направление деятельности кн. Мачабели и его убеждений, с полною уверенностью можно высказать, что пока во главе редакции «Дроэба» стоит кн. Мачабели, газета не изменит ни своего направления, ни тех приемов, которые ныне практикуются. Ввиду этого комитет пришел к заключению о необходимости отстранить вовсе кн. Мачабели от редактирования газеты...»

Это письмо г-н попечитель получил 22 февраля. Был уже май, но положение не изменилось.

Попечитель рванул на себя дверь приемной Дундукова-Корсакова и тут же, на пороге, преобразился — плечи опустились, голова склонилась набок, губы сложились в вежливую улыбку. Попечитель Кавказского учебного округа обстоятельно изложил начальнику свои соображения. Дундуков-Корсаков казался рассеянным и недовольным. Он вынул из письменного стола какую-то бумагу и протянул ее Яновскому.

«...Пока кн. Мачабели стоит во главе редакции,— прочел вслух Яновский,— газета не изменит ни своего направления, ни тех приемов, которые ныне практикуются.

Редакция газеты с видимым упорством и настойчивостью продолжает вносить на просмотр цензуры статьи в том же духе, совершенно игнорируя делаемые ей цензурные указания. Обращаемые к редакции разного рода законные требования со стороны цензора или комитета, касающиеся издания, остаются без исполнения, иногда даже без ответа или же вызывают личную явку в канцелярию комитета редактора кн. Мачабели, который, делая те или другие словесные заявления, облекает их всегда в форму крайне неприличную и дерзкую...»

Это обращение цензурного комитета Дундуков-Корсаков послал в свое время министру внутренних дел. Но, как видно, петербургского вельможу трудно было удивить подобными «опасными и нежелательными действиями», когда у него самого под носом происходили не менее дерзкие и опасные выступления против царского правительства. Поэтому он советовал Дундукову-Корсакову: «Я знаю по опыту (а опыта министру не

приходилось занимать у других), что смена редактора фактически ничего не меняет. Новый редактор будет фиктивным, и на самом деле газету будет вести все тот же старый редактор. Цензура должна нажать на все тормоза и не дать злоумышленникам шевельнуться. Следует запрещать не только те статьи, в которых отчетливо видна антиправительственная направленность, но и те, в которых угадывается нежелательная нам мысль.

Систематическое изъятие из уже готовой к печати газеты тех или иных материалов ввергнет редактора в такие долги, что выпутаться ему будет не просто. Тогда издатель окажется вынужденным или изменить направление газеты или же сменить весь редакционный состав».

Наставление высокого начальника еще раз утвердило цензоров в вере, что они идут правильным путем. С этого дня травля Мачабели стала чудовищной.

Изменить направление газеты, рассуждал припертый к стене Вано Мачабели, все равно, что покончить с собой. Грош мне будет цена, если «Дроэба» начнет плясать под дудку Луки Исарлова. Народ отвернется от газеты, перестанет ее читать. Нет, этого допустить нельзя!

И, движимый интересами газеты, Мачабели, как это ему ни трудно, просит помощи у Ильи Чавчавадзе.

Встреча состоялась на дому у Чавчавадзе. Беседа их была деловой и касалась только «Дроэба». О разногласиях по банковским делам ни Илья, ни Вано не проронили ни слова, будто этих разногласий и не существовало. Илья понимал, какая угроза нависла над газетой, сразу же дал согласие взять на себя обязанности редактора. Было составлено обращение к цензурному комитету. Князь Мачабели оставляет по своей воле редакцию. Издатель Картвелишвили согласен на уход редактора «Дроэба». Господин И. Чавчавадзе нижайше просит назначить его редактором единственной грузинской газеты. Издатель согласен.

Но не согласен был цензурный комитет.

— Мы не видим разницы между Мачабели и Чавчавадзе,— доложил Исарлов от имени цензоров Дундукову-Корсакову. — Положение ни на йоту не изменится. Они и в банке вместе работают и в газете будут заодно донимать нас. Нет и нет. Чавчавадзе и Мачабели два сапога пара.

Чавчавадзе не утвердили редактором «Дроэба». Вано, понимая, что цензоры только и ждут повода, чтобы обрушиться на газету, а может, и закрыть ее, уже с большей осторожностью выбирает статьи для печатания, еще глубже прячет в подтекст подлинную суть вопросов.

Цензоры тоже не дремлют. Закрыть газету из-за «опасных и вредных» статей по закону они не могут. Но ведь закон — что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Поэтому Исарлов и его подручные ищут «взрывчатку» в статьях, на первый взгляд безобидных. И вскоре находят ее.

3 июня 1885 года на страницах «Дроэба» был опубликован фельетон. Автор фельетона вывел притеснителей народа и взяточников Ходжу и Моллу. Острые стрелы попали в цель. Начальник Озургетского уезда узнал в Ходже себя и, впав в ярость, подал на газету в суд. Началось расследование. Чиновник потребовал от Мачабели открыть редакционную тайну — назвать фамилию автора. Но Вано наотрез отказался.

— Передайте Чкония,— писал он своему другу,— что ему нечего бояться. Авторство фельетона я взял на себя.

Этот маленький фельетон вырос под пером цензоров, поспешивших донести в Петербург о «безобразном поведении Мачабели», в повод для закрытия газеты «Дроэба».

В конце лета Вано отправился в Кахетию по банковским делам. Он ехал со спокойной душой. Статьи, которые должны были пойти в следующих номерах, были им подготовлены, а маленькие корреспонденции и хронику взялся вести Давид Месхи. И именно в отсутствие редактора пришла из Петербурга телеграмма, официально уведомляющая о том, что по решению министерства внутренних дел газета «Дроэба» закрывается. Давид Месхи поспешил сообщить эту печальную новость редактору.

— Гадина (так называл он Исарлова) все же добился своего,— повторял Мачабели, сжимая кулаки.

По приезде в Тбилиси Мачабели кинулся в цензурный комитет, потом к Корсакову, но везде получал один и тот же ответ.

— Мы тут ни при чем, это решение Петербурга.

Грузинский народ потерял заступника и сердечного друга, Вано Мачабели лишился своего любимого первенца — «Дроэба».

В эти дни Давид Месхи обрамил стенд газеты черной каймой.

— Что это значит! — кричал пристав с пеной у рта.

— Ничего,— спокойно отвечал ему Давид Месхи,— мы справляем траур по нашей газете. Или вам не известно, что «Дроэба» умерла.

— Умерла,— хрипло захохотал пристав. — Нет, она не умерла, мы ее прикончили. Немедленно снимите черные ленты!

Черные ленты сняли, но траур по «Дроэба» продолжался еще долго. В течение нескольких месяцев на имя Мачабели приходили сочувственные письма и телеграммы.

«Глубоко огорчены известием о закрытии «Дроэба»,— писали из Телави.

«Все здешнее общество возмущено и опечалено горестным известием о закрытии единственной грузинской газеты»,— писали из Кутаиси.

«Принимаем участие в общей скорби»,— писали из Батуми.

«Телеграф принес потрясающую весть — закрыта наша единственная грузинская газета,— писали студенты Одесского университета. — Своей 20-летней честной службой на благо родины газета «Дроэба» снискала такое уважение и любовь в сердцах всех грузин, что мы даже не можем представить себе, что потеряли ее. Мы, грузинские студенты, присоединяемся к скорби Вашей и всей Грузии и полны ненависти и презрения к тем, кто поставил себе целью наше унижение. Но пусть знают тираны, что чем сильнее они сжимают пальцы на нашем горле, тем больше мы будем сопротивляться, тем скорее сбросит с себя цепи наш народ. Пульс Грузии начал биться глубоко и сильно, и его уже не смогут остановить указы или постановления деспотов. «Дроэба» имеет великие заслуги в деле возрождения нашей нации. Слава вам, поэты, литераторы, общественные деятели, принимавшие участие в «Дроэба», ибо в жестокой борьбе вы не отступали ни на шаг и впредь не отступите!»

А вот письмо из Петербурга:

«...Весть о закрытии «Дроэба» была для нас неожиданной, как гром среди ясного неба. Вашу газету, которая была в течение двадцати лет добрым пастырем нашей сиротливой страны и общества, закрыли... «Дроэба» была единственным честным и искренним борцом за интересы и освобождение нашей страны. Мы вечно будем с благодарностью помнить ту службу, которую «Дроэба» служила нам, отдаленным от грузинской жизни людям... Насильственная смерть забрала у нас газету «Дроэба», но мы считаем недостойным всех нас терять надежды на будущее. С закрытием «Дроэба» не угаснут в нас мечты и дерзания. Мы верим в непоколебимость наших общественных деятелей».

«Где же правда? Везде царит беззаконие, — читаем мы в дневнике одного современника. — Сегодня запретили нашу «Дроэба». Легко сказать, запретили! Мы еще перенесем боль. А каково тем, кто на чужбине отводит душу только чтением грузинской газеты? И была бы причина. Но я, кажется, рассуждаю, как ребенок. Разве не об этом сказал Крылов: «У сильного всегда бессильный виноват». Эх, где ты, кинжал! Я бы погрузил тебя по самую рукоять в сердце Исарлова!»

Закрытие «Дроэба» подействовало на Мачабели сильнее, чем он сам ожидал. Он замкнулся в себе, потерял интерес к окружающему, впал в апатию.

«Большое впечатление произвело на Вано закрытие «Дроэба»,— скупо пишет в краткой биографии Вано Василий Мачабели, но за этими сухими строками кроется много горьких часов, беспокойных ночей, горячих слез, душевной муки... Позже сам Вано Мачабели вспоминает об этом событии, как о «сплошном кошмарном сне».

«Счастье изменило мне, лишь в течение двух лет удалось издавать газету...» — пишет он.

Вано не может ни за что взяться. Он горько переживает закрытие газеты, он любил ее, как родное дитя, и сейчас с каждым днем все острее ощущает, как трудно без нее жить. Труднее всего примириться с тем, что, с таким трудом просуществовавшая двадцать лет, газета погибла у него на руках. Неужели он не смог уберечь ее, неужели он стал для нее «мачехой» и из-за его нетактичности, неумения его народ лишился единственной газеты. Толки об этом не замедлили распространиться, но их тут же пресекли подлинные сыновья от-

чизны, которые решили хоть сколько-нибудь облегчить положение Вано и принять на себя долг, оставшийся после закрытия газеты. Несколько лет спустя сам Иванэ Мачабели вспоминает об этом:

«Кроме душевных мук, которые я тогда испытывал, на меня лег долг в 9.000 рублей. Вскоре после закрытия газеты мы собрались для обсуждения дел у Иосифа Меликишвили, в Сололаках. Нас было около 50 человек. Здесь собрались все, кто оказался тогда в Тбилиси и был близок к литературе. Мы решили переделать ежемесячный журнал «Иверия» в ежедневную газету. Затем, без моего спроса, заговорили о долгах редакции «Дроэба». Все в один голос решили, что это общественный долг и его должно оплатить общество, ибо деньги были взяты для газеты, которая прокладывала путь к образованию народа, сделала чтение потребностью каждого. Составили комитет, главой которого вызвался быть Илья Чавчавадзе. Написали список, распределили деньги...»

Вано Мачабели не был согласен с этим распределением долгов газеты.

— Я взял эти деньги,— сказал он собравшимся,— я и несу ответственность.

В действительности так и получилось. Комитет не смог собрать денег, и весь долг лег на плечи бывшего редактора, хотя, как сейчас выяснилось, Чавчавадзе всячески старался помочь Мачабели выбраться из редакционных долгов. Об этом свидетельствует его переписка с Давидом Месхи, которая была опубликована значительно позже в газете «Нишадури». Оказывается, Давид Месхи ездил по поручению Чавчавадзе в Кутаиси, чтобы «переговорить с местной интеллигенцией об облегчении материального положения Мачабели». Но кутаисцы отказались собрать деньги. Узнав об этом, Чавчавадзе писал Месхи: «Уважаемый Давид! Ваше письмо меня очень огорчило. Неужели каждый деятель должен быть у нас брошен на произвол судьбы? Неужели никто из нас не должен иметь надежды, что если споткнется, то его поддержат дружеские руки?.. Весть из Кутаиси печальна. Что ж, попытаемся хотя бы здесь, в Тбилиси, собрать некоторую сумму. Если это нам удастся, то будет ободряющим примером того, что

общественность не отворачивается от безвинно пострадавших.

Прошу, чтобы это письмо осталось между нами.

Ваш Илья Чавчавадзе».

Последняя фраза письма настораживает. Почему Чавчавадзе скрывает свои заботы о Мачабели, просит друга держать в тайне их заинтересованность положением Вано. В этом поступке, как солнце в капле воды, отразились благородство и гордость Ильи. Самолюбие не позволило ему открыто помогать человеку, с которым у него испорчены отношения. А быть безразличным к Вано Мачабели Чавчавадзе не мог. Вот он и просит Месхи не рассказывать никому о письме.

Мачабели же, не зная всего этого, обижен в глубине души «хладнокровием и бездеятельностью» Ильи.

Беда часто мирит даже кровных врагов. А в отношениях Ильи и Вано произошло все иначе. Казалось бы, они могли забыть разногласия, обиды и по-братски обняться. Но этого не случилось. Трещина в отношениях Ильи Чавчавадзе и Вано Мачабели стала еще шире.

За какую-то неделю, прошедшую со дня закрытия газеты, Вано очень похудел, стал мрачным и злым. Видя, как тяжело переживает Мачабели, его друг Кола Павленишвили буквально насильно увез его в свою деревню Тквиави.

Вано чувствует себя с Кола свободно, непринужденно. Целыми днями они пропадают на поле, охотятся в лесу, давят вино. А в лунные ночи катаются на лодке по озеру. Вокруг тишина. Только скрип уключин плывет над водой. Воздух пронизан осенней зрелостью, вдалеке торжественно покачивает горбами караван Кавказского хребта.

В Тквиави Вано отдохнул, успокоился, обрел душевный покой. Теперь ему можно вернуться в Тбилиси...

Разбирая старые бумаги, Вано наткнулся на исписанный лист, который напомнил ему счастливые дни близости с Мако. «Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет: это для души... Вот маргаритка, я бы вам дала фиалок, но они все увяли...»

С улыбкой перечел он слова Офелии. Этот отрывок Вано перевел в ту незабываемую ночь. А потом ... потом

Сафарова вышла замуж за Абашидзе. Но брак оказался непрочным, и через несколько лет Мако и Васо разошлись. Мачабели с тех пор не встречался с Сафаровой, видел ее только на сцене. Недавно она играла с Ладо Месхишвили в «Короле Лире». В антракте кто-то сказал Вано, что уже идут репетиции «Гамлета» в переводе Пурцеладзе. Мачабели не поверил своим ушам. Неужели наши великие артисты Мако и Ладо могут довольствоваться этим косноязычным переводом. Ведь Пурцеладзе не знает английского, он переводит с плохих русских переводов.

Мачабели не расставался с мыслью о продолжении работы над переводами Шекспира. Но каждый раз что-то мешало, что-то становилось на пути. Сейчас, увидев этот маленький отрывок, переведенный много лет назад, он вдруг почувствовал облегчение и радость. Он заставил зазвучать две струны его сердца, пробудил и засветил два угасших чувства.

В дверь кто-то постучался. Это был молодой актер Валериан Гуния. Он часто заглядывал к Вано «на минутку» и засиживался до полуночи.

— Вы пришли как нельзя кстати, — обрадовался его приходу Вано. — Я сейчас думал о переводе «Гамлета».

Гуния хитро улыбнулся. Он положил на стол свернутую трубочкой тетрадь и сел.

— Сыграть Гамлета нелегко, — размышлял Мачабели вслух. — В натуре у артиста должен быть огонь, чтобы и зрителю стало жарко от этого огня.

— Попробуй зажечь зрителя таким переводом,— сказал Гуния и, развернув тетрадь, прочел монолог Гамлета в переводе Пурцеладзе.

«Жизнь или смерть, вот над чем стоит призадуматься. Что более порядочно?» — читал он с выражением, и тем фальшивей звучали слова.

— Довольно, довольно,— сквозь смех прервал его Вано. — Мне очень хочется перевести «Гамлета», но боюсь.

— Чего боитесь?

— Эх, начнутся сплетни, пересуды, мол, незачем вторично переводить уже переведенную вещь. К тому же...

— Хотите знать правду, — не дал ему договорить

Гуния. — Меня к вам прислали. Мы хотели отложить бенефис Месхишвили, чтобы он сыграл Гамлета в вашем переводе.

— Кто прислал?

— Во всяком случае,— уклонился от ответа Гуния,— если не успеете всю пьесу, то, может, хоть роль Офелии переведете...

Мачабели посмотрел на Гуния в упор, но ничего не сказал.

Через два дня монологи Офелии уже были переведены.

В бенефис Месхишвили «Гамлет» шел в переводе Пурцеладзе, и лишь Мако Сафарова произносила монологи Офелии в переводе Вано.

После долгих колебаний Вано отнес рукопись на дом Сафаровой. Мако, пораженная столь неожиданной встречей, смутилась, растерялась. Вано попросил актрису прочитать его перевод.

Сафарова читала, сидя в кресле.

Вано слушал, боясь шелохнуться. Где-то в глубине души просыпалась прежняя страсть. Мако закончила чтение. Не помня себя, Вано подхватил ее на руки и осыпал горячими поцелуями.

— Ну что ты, Вано, не надо, — шептала она, теряя силы.

— Я люблю тебя, Мако, люблю и не уступлю больше никому. Ты будешь моей...

— Нет, это невозможно.

— Но почему, почему?

— Ты ведь знаешь наше общество.

— Так убежим подальше. Уедем в Россию.

— А как посмотрит на это твой брат?

— Мой брат будет согласен. Сегодня же ему напишу.

«Здравомыслящий человек не должен идти на поводу минутной страсти. Серьезные шаги в жизни надо делать осторожно и обдуманно»,— писал из Петербурга младшему брату Васо Мачабели. Он категорически против женитьбы Вано на «соломенной вдове, да еще с ребенком». Если Вано свяжет свою судьбу с Сафаровой, он навсегда потеряет брата. Что ж, выбирай.

Но выбора у Вано не было. Мечты о счастье вновь сложили свои хрупкие крылья. И все же Вано не может примириться со злой судьбой. Ему нет жизни без Мако.

Встречаться с ней стало для него жизненной потребностью.

* * *

Первый перевод из Шекспира грузинский читатель получил в сороковые годы девятнадцатого века. Димитрий Кипиани перевел с посредственного французского переложения «Ромео и Джульетту». Естественно, перевод не мог быть удачным. Но это был первый шаг, и он вызвал живой отклик в тогдашних литературных кругах. Николоз Бараташвили писал Григолу Орбелиани: «Наша литература приобрела два перевода: Кипиани перевел трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта» и я — «Юлия Тарентского», трагедию Лейзевица...»

Это было в 1841 году. Интерес к творчеству Шекспира рос быстро, и скоро оно получило и у нас широкую популярность. Более того, в 70-х годах в маленькой мегрельской деревушке была поставлена его пьеса. Затем подряд были переведены «Отелло», «Венецианский купец», «Гамлет», «Тимон Афинский», «Юлий Цезарь», «Два веронца». Переводы были выполнены различными лицами, однако уровень их был одинаково жутким. Ни один из них не передавал пламенной души и общечеловеческих идеалов величайшего гения, и уж нечего говорить о сохранении отдельных языковых и художественных нюансов. Переводы эти не могли дать читателю почувствовать всю огромную магическую силу писателя, и разве что интуиция помогала бы создать впечатление о глубине и величии его творений.

В этом смысле наша страна не была исключением. На протяжении столетий такие же бездарные переводы Шекспира появились и во Франции, где благодаря тождественности языков, осуществить перевод Шекспира было гораздо легче.

Везде, во всех странах перевод Шекспира становился литературным событием. Выдающийся немецкий писатель А. Шлегель потратил десятилетия на то, чтобы найти верный тон передачи шекспировских творений. Нельзя забывать о том, что в Германии и до Шлегеля была проведена серьезная работа по переводу Шекспира, и это облегчало ему задачу. Переводы Шлегеля стали сенсацией в тогдашних литературных кругах, так как это был первый подлинный перевод Шекспира

в мире вообще, а для германской литературы, в частности, он стал открытием нового великого писателя. «...В XVIII веке в Германии рядом с Гейне и Шиллером стал и свой Шекспир. Он родился в 1564 году в Англии и возродился в 1767 году в лице своего немецкого переводчика...» — писал Брандес.

В той же статье Брандес продолжает:

«Много требовалось, чтобы на свет могло появиться такое, по-видимому, беспритязательное умственное произведение, хотя и занимающее выдающееся место в литературе. Можно прочесть историю умственной жизни целого поколения Германии в набросках и рукописях шекспировского перевода. Чтобы сделать возможным его появление, необходимо было, чтобы критика Лессинга и труды Виланда и Эшенбурга подготовили почву, чтобы затем такой гений, как Гердер, сконцентрировал в своем лице всю восприимчивость и способность к умственным размышлениям германского ума и, всячески подчинив себе молодого Гете, обратил его в своего ученика! Но Гете своим написанным прозою «Гецем» похож только на Шекспира, пишущего прозою. Поэтому должен был еще родиться такой талант, как А. Шлегеля, с его оригинальными особенностями, талант, в котором филологические способности и гибкость формы были унаследованы...

Сотни источников должны были слиться в один поток, сотни обстоятельств должны сочетаться, сотни лиц познакомиться друг с другом, сотни умов встретиться и взаимно оплодотворить, прежде чем перед нами во всей его чарующей прелести могло появиться это произведение, как будто бы незначительное само по себе, перевод поэта, умершего за двести лет до того, но доставившее самую благородную умственную пищу миллионам людей и оказавшее глубокое и продолжительное влияние на германскую поэзию».

Мы уделили столько места словам Брандеса, чтобы создать представление о том, каким значительным явлением был перевод Шекспира для Германии — страны с такими богатыми литературными традициями.

У нас в Грузии не было готовой почвы для переводов Шекспира. Несколько бездарных опытов нельзя считать предварительной работой, и они не могли ни в коей мере облегчить задачу Мачабели.

Но так может показаться лишь на первый взгляд, если искать подготовительную почву лишь в переводах самого Шекспира. В действительности же Мачабели располагал гораздо большими литературными традициями для перевода Шекспира, чем какой-либо иной переводчик в какой-либо другой стране. Их надо искать в глубине веков, у великих писателей древности.

Древние переводы Вано знал наизусть еще в детстве, в восьми-девятилетнем возрасте. Это была поэтическая проза «Висрамиани», строки бессмертной поэмы Руставели, притчи Саба Орбелиани, взволнованные строки Бараташвили... Вано с детства воспринимал светлым и удивительно чутким умом всю их прелесть и своеобразие, и его блестящие переводы не счастливая случайность, а естественное продолжение нашей великой классической литературы. В них одинаково ярко ощущается и величавый ритм и богатая лексика переводов Мтацминдели, и высокая поэтичность и легкость «Висрамиани» и «Витязя в тигровой шкуре», и лаконичность и легкий юмор прозы Саба Орбелиани и грузинских народных сказок, и глубина и взволнованность поэзии Бараташвили...

Следует назвать и один не столь уж незначительный фактор: Шекспир был представителем эпохи Возрождения, и в его творчестве нашла отражение полная противоречий жизнь этой эпохи, предельно напряженная борьба между добром и злом, крушение надежд благородных людей, «тупость сильных... горесть времен... угнетение... несправедливость правосудия... покорение недостойным достойного...»

Подобные явления наблюдались и в жизни нашей страны того времени. Позднее, но резкое разрушение феодальных отношений, бурное развитие капитализма, невиданный подъем духовной жизни народа создали и у нас подобные противоречия и приблизительно такие же ситуации, какие были характерны для Англии эпохи Шекспира.

Мачабели мог видеть и видел вокруг себя благородных, пламенных мечтателей, болезненно переживавших несправедливости и притеснения и не знавших путей борьбы с ними; он мог видеть и видел вокруг себя двуличных и пронырливых, как Полоний, чиновников; безвольных, потерявших стыд и превратившихся в слепых

исполнителей чужой воли людей — Гильденстернов и Розенкранцев; коварных Яго... О них писал Мачабели: «...Весь свой досуг они использовали для сплетен... и тем самым губили тех, кто переносил ради общего дела голод, жажду, беспощадный труд и, что тяжелее всего, равнодушие общества, неблагодарность...»[1]

Одним словом, ситуации и характеры произведений Шекспира Мачабели видел вокруг себя, и это безусловно повлияло на его переводы. Тут же следует заметить, что часто отдельные эпизоды биографии Мачабели совпадают с работой над произведениями Шекспира с соответствующими настроениями.

Возможно, это не случайно! Например, в период пылкой «банкобиады», когда общественность разделялась на две партии, упорно борющиеся между собой, Мачабели перевел «Юлия Цезаря»; в последний год жизни, больной и отрешившийся от всего, он работал над «Кориоланом».

Если все это соединить с огромной эрудицией и лингвистическим талантом Мачабели, станет ясным, как удалось ему создать несравненные переводы Шекспира.

А переводы действительно были несравненны. В этом легко убедиться, если сопоставить их со всеми ранее существовавшими переводами, на всех языках. Это решительно утверждает Оливер Уордроп, достаточно хорошо знавший грузинский и европейские языки и имевший возможность сравнить переводы со своим родным, английским языком.

---

[1] Об этом Мачабели пишет в прощальном письме Сергею Месхи.

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Прн лншних очках я выиграл
Но ты не можешь представить,
Горацио, какая тяжесть легла
у меня на сердце.

«Гамлет»

Стыднсь, супруг!
Ты же воин! Не робей!

«Макбет»

А он не ранеи?
Он всегда возвращается домой
раненым.

«Корнолан»

День незаметно угасал, и сразу стало темно. Увлеченный работой, Мачабели даже не заметил, что наступили сумерки. Вано очень не хотелось идти на званый обед к Диасамидзе; но, зная щепетильный характер князя и обидчивость его супруги, он все же решил «угробить вечер». Он зажег лампу, собрал разбросанные по столу книги и еще раз пробежал последнюю фразу перевода.

Чтоб первымн прибыть, мы по пятам
За ннм гиались. Но он ездок отмениый.
Его к тому ж нзморнла любовь,
И мы отстали. Мнлая хозяйка,
Мы — вашн гости.

Это были слова Дункана из первого акта «Макбета». Переводить эту трагедию Шекспира Мачабели начал всего несколько дней назад и быстро нашел ключ к монологам героев. Сегодня ему работалось особенно легко

и тем более не хотелось отрываться. Но ничего не поделаешь. Он твердо обещал Диасамидзе прийти на обед и должен был сдержать слово.

Вано торопливо оделся, машинально пошарил по карманам и, словно убедившись в чем-то, вышел на улицу. За углом он увидел дремавшего на козлах кучера. Вано велел ему не жалеть лошадей. За Ванской церковью фаэтон свернул направо и остановился у большого каменного здания. Морозные дни сменила оттепель, и на улицах стояла топкая грязь. Вано осторожно, чтобы не запачкать туфли, пересек тротуар и поднялся на второй этаж.

Общество было знакомым (Мачабели и Диасамидзе вращались в одном кругу), и Вано, раскланявшись, прошел через весь зал к своему другу и однофамильцу Мишо. Тот весь был поглощен девушкой, которая сидела у окна. Она с детской непосредственностью рассматривала каждого и, когда Вано перехватил ее взгляд, что-то шепнула своей соседке.

Мачабели еле заметно, только уголками губ, улыбнулся и отдал поклон. Девушка радостно вспыхнула. Вано для приличия перекинулся парой фраз с Мишо и вновь перевел на нее взгляд. Черные волосы, мечтательные карие глаза, прямой нос и мягкий, очень мягкий подбородок. «Разлет бровей выдает суть ее характера»,— подумал Вано. Он не был знаком с этой девушкой, хотя некоторое время почти каждый день встречал ее, идя на работу. Он как-то незаметно для себя привык видеть ее в определенный час и на одном и том же месте, а если девушки не оказывалось, то озабоченно искал ее глазами. При первой встрече Вано поразила робкая, неуверенная походка девушки, словно она шла по тропинке над пропастью. Вскоре между ними завязалась странная дружба. Вано, завидев девушку, уже издали широко улыбался, она тоже смеялась, но только глазами. Карими бездонными глазами. И все же поздороваться никто из них не решался. Мачабели даже в голову не приходило завязать с ней более короткое знакомство.

Когда хозяйка дома пригласила гостей к столу, Вано попросил разрешения у девушки сесть рядом с ней.

— Князь Иванэ Мачабели,— полушутливо представился он.

— Княжна Анастасия Багратион-Давидова,— еле сдерживая улыбку, ответила она. — А это мои сестры — Нино и Бабо.

С первого взгляда сходство между сестрами не бросилось Вано в глаза. Однако, присмотревшись внимательно, он нашел в них много общего. И Барбара, и Анастасия, и Нино сразу же располагали к себе, казалось, в них был какой-то уют.

Вано был легок на шутки, и девушки звонко смеялись его рассказам. За столом царило оживление, гости были настроены благодушно. Казалось бы, хозяйке не из-за чего было нервничать. Но она нервничала, украдкой делая какие-то знаки Вано. Потеряв вконец надежду быть им понятой, она словно мимоходом наклонилась к его уху и горячо зашептала. Но Вано уловил лишь обрывки фраз: «Неудобно... мы нарочно подстроили... полковник».

— Что за полковник? — громко спросил он.

Хозяйка как ошпаренная отпрянула от Вано, состроив на лице улыбку.

Если бы Вано на минуту оторвался от беседы и посмотрел на сидящего напротив него человека с суровым, словно застывшим под клочкастыми бровями глазами, то многое стало бы ему понятно. Но Вано был увлечен разговором с сестрами, и его вовсе не трогало настроение полковника Арджеванидзе.

Кроме Вано Мачабели, все гости были предупреждены хозяином дома, что обед устраивается для знакомства княжны Анастасии Багратиони с полковником Арджеванидзе, и вели себя подобающе этой цели. Еще во время танцев они будто ненароком оставили Анастасию и полковника наедине, но, развлекаясь, все же краешком глаза следили за ними.

Поначалу разговор не клеился. Княжна задумчиво смотрела в окно, полковник не отрывал глаз от своих сапог. Он так растерялся, что не мог и слова произнести. Но дальше молчать становилось неприлично, и Арджеванидзе заговорил о... могуществе царской армии. Девушка с трудом подавила зевоту. Полковник понял, что попал впросак, и поспешил переменить тему. Он не нашел ничего лучшего, как рассказать княжне солдатский анекдот. Кончив анекдот, он громко захохотал. Девушка с трудом выжала из себя улыбку. Арджеванидзе вовсе

растерялся. На помощь к нему поспешил Диасамидзе. Он напомнил княжне, что она обещала ему танец. Полковиик облегченно вздохнул. Он вышел на балкон покурить. «Нет,— думал Арджеванидзе,— голыми руками эту крепость не возьмешь. Нужна осада. Сяду-ка я за столом напротив Анастасии и буду обстреливать ее взглядами. Да, иногда надо вздыхать, девушки любят, когда мужчины вздыхают».

Но всему помешал Мачабели. Полковник смотрел на веселящуюся Анастасию и ничего не мог понять. Когда он рассказал ей анекдот, который одобрил сам генерал, девушка едва улыбнулась, а сейчас этот вертопрах Мачабели какими-то разговорчиками заставляет ее смеяться от всего сердца. И, оскорбленный до глубины души, Арджеванидзе грозно уставился в одну точку.

К счастью полковника, обед подходил к концу. К тому же гости спешили на бал в дворянском клубе и понемногу стали расходиться. Кто домой переодеться, кто прямо в клуб. Мачабели, к пущему негодованию полковника, вызвался сопровождать сестер Багратиони на бал.

Он провел с Тасо — так называли домашние Анастасию — вечер. Вано было приятно слышать от девушки, что она любит литературу, следит за борьбой «отцов и детей» и скорбит по «Дроэба». Тасо была знакома с Акакием Церетели и с благоговением относилась к его поэзии.

Уже занималось утро, когда Вано проводил сестер Багратиони домой. Испросив разрешение посетить их на этой неделе, он пешком пошел к себе.

Тасо долго не могла уснуть. Голова чуть кружилась, по телу разливалась приятная истома.

— Тасо, ты вышла бы замуж за Вано? — словно угадав ее мысли, спросила старшая сестра. Боясь выдать волнение, Тасо притворилась, что не слышала вопроса сестры.

— Тебе нравится Мачабели! — не отставала Нино.

Но Тасо не успела ответить. В дверь кто-то постучался.

— И кого это принесла нелегкая в столь ранний час,— возмутилась Нино, ища босыми ногами домашние туфли.

Вновь постучали, уже громче.

— Кто там? Сейчас! — крикнула Барбара.

— Это я, Мачабели,— услышали сестры голос Вано.

— Что-нибудь случилось? — заволновалась Нино и выбежала в прихожую.

— Пожалуйста, это для Тасо,— просунул Мачабели в щель приоткрытой двери букет свежих цветов. — Извините.

Нино не успела ему ответить, как щелкнул замок и на лестнице застучали шаги. Она с веселой гримаской вернулась в спальню.

— Это тебе от Мачабели,— словно ничего в этом не видела странного, протянула она цветы сестре.

Тасо прижала к груди влажный от росы букет. Что-то шепча, она перебирала цветы, вдыхала их аромат. Розы пахли весной и любовью. И вдруг меж стебельков она увидела аккуратно сложенный лист бумаги. Девушка нетерпеливо раскрыла записку и, вся просияв, тихо сказала:

— Он сделал мне предложение.

— Тасо, к тебе пришло счастье,— целуя ее, повторяли сестры.

Дальше все произошло быстро, по-мачабелевски. И через несколько дней Вано, держа в руке зажженную свечу, стоял рядом с Анастасией Багратиони в церкви святой Нины. Пока священник бубнит: обручается раб божий Иванэ рабе божией Анастасией,

обручается раба божия Анастасия рабом божиим Иванэ.

обручаются рабы божии...

мы познакомимся ближе с невестой и ее семьей.

Отец Анастасии — Александр Багратиони-Давиташвили был один из крупнейших в Картли помещиков. Влиятельный и самоуверенный, он после женитьбы на сказочно богатой княжне Дарье Эристави еще больше уверовал в свои силы и права. Александр жил на широкую ногу и, полностью доверив хозяйство преданному управляющему, наслаждался охотой, кутежами, весельем. Но когда пошли слухи об отмене крепостного права, Александра словно подменили — он стал бережливым и деловым. Это по его инициативе было составлено столь нашумевшее письмо к царю.

«В тот же день, когда крестьяне будут освобождены, наше благополучие рухнет. Нам уготавливается участь ходить по дворам и христарадничать. Не будет у нас прислуги и крестьян, обрабатывающих наши виноградники, не будет пастухов у нашего скота и кормилиц у наших детей»,— так начинается послание, которое подписали 73 крепостника.

Однако Александр Багратиони очень быстро убедился, что манифестами и письмами делу не поможешь, и решил действовать иначе. Теперь целью его жизни стали деньги.

Александр обрел нового бога и поклонялся ему, как фанатик. Гонимый жаждой наживы, он ездил по городам и селам, продавая и перепродавая имения. Своим сыновьям он тоже старался привить любовь к деньгам.

«Смотри, Георгий, постарайся создать себе имя и взять как можно больше от учебы,— писал он старшему сыну. — Стань инженером, чтобы зарабатывать много денег. Будешь инженером, и денег у тебя будет много... Прошу тебя, поднатужься, тогда будешь загребать деньги».

А вот более позднее письмо к тому же сыну, когда тот окончил институт и устроился на работу:

«Его сиятельству князю Георгию Александровичу Багратиони-Давиташвили,— торжественно начинает отец и тут же переходит к деловым вопросам. — Получил твое письмо. Ты просишь выслать тебе в долг 50 р. И я посылаю... Нет, денег я тебе не жалею и пишу не для того, чтобы обидеть тебя, но ведь еще не прошло и двух месяцев, как я дал тебе 170 р. Приплюсуй еще твое жалованье — куда ты деваешь такую уйму денег?! Если твой денщик тратит десять рублей в день, то ты должен поинтересоваться, на что. Он тебя погубит, если ты не возьмешь за правило требовать от него отчет... Я имел жалованье 32 руб. 50 коп. в месяц и легко укладывался в эту сумму, никогда не залезал в долги. А ты получаешь в три раза больше и... Я с мамой скоро приедем к тебе на недельку, конечно, за свой счет, и покажем тебе, как надо жить, чтобы хватало жалованья. А деньги надо копить, только деньги принесут тебе положение в обществе и уважение».

Надо сказать, что советы Александра сыновья не пропускали мимо ушей. Скаредностью и любовью к день-

гам они, пожалуй, превосходили своего отца. Младший, Дато, угодил за стяжательство в герои фельетона, который был напечатан в «Иверии», а старший, Георгий, стал известен своими тяжбами с крестьянами.

Мать Анастасии — Дарья Эристави была по женской линии внучкой царя Ираклия II. Ей претила мелочность мужа, его поклонение деньгам, и она ушла в себя. Единственное оправдание своей жизни Дарья видела в хорошем воспитании дочерей. В этом она проявила твердость характера. Дарья столько надоедала мужу, столько твердила ему об обучении девочек иностранному языку, что Александр согласился «выбросить деньги на ветер». Именно матери обязана была Тасо хорошим знанием французского языка и любовью к грузинской литературе.

До девяти лет Тасо жила в деревне Пца, потом ее отдали в Тбилисский институт благородных девиц императора Николая I.

«Тасо в детстве была такая невзрачная,— вспоминает близкий друг их семьи, что мы шутя советовали ее матери: «Выбросьте ее, зачем вам такая замухрышка». Дарья серьезно отвечала нам: «Вот увидите, какая Тасо станет красивая. Она превзойдет всех остальных моих детей». Когда Тасо окончила институт, то по красоте и статности она не имела себе равных во всем Горийском уезде.

22-х лет Тасо вышла замуж за видного общественного деятеля Иванэ Мачабели. С этого времени начинается ее борьба с обществом, ибо ее муж имел большие неприятности с Ильей Чавчавадзе. Дворянство раскололось на два лагеря — сторонники Чавчавадзе и сторонники Мачабели. В этой жестокой войне Тасо проявила удивительное самообладание и силу воли» [1].

В церкви святой Нины венчание подходило к концу. Священник осенил крестом жениха и невесту, дал знак дружкам и шаферам приготовить кольца и забубнил: «Сам убо, господи боже наш, пославый истину, на наследие твое и обетование твое, на рабы твоя отгры наша, в коемждо роде и роде, избранные твоя: призри Анаста-

[1] Эту справку мы нашли на обратной стороне телеграммы, выражавшей соболезнование Георгию Багратиони «по преждевременной кончине дорогой всеми уважаемой княгини Тасо, память о которой навсегда останется в сердцах друзей». Телеграмма датирована 29 июня 1917 года.

сию и утверди обручение их в вере, в единомыслии, и истине, и любви...»

Маленькая церковь была полна народу. Она не вмещала всех желающих присутствовать на бракосочетании, и многие толпились во дворе. Молитву священника часто сменяло пение церковного хора. Воздух был пропитан запахом ладана. В узкое зарешеченное окно пробивался свет, и желтые квадраты ложились на каменный пол, удлиняясь, взбирались по стене.

Вано и его невеста заметно волновались. Тасо еле держалась на ногах. Вано поминутно оглядывался на дверь. Недруги Мачабели распустили слух, будто Мако Сафарова обещала прийти в церковь.

Священник кончил молитву, обменял кольца. Вано послушно растопырил пальцы, но рука дрожала, и кольцо соскользнуло на пол. Звеня, оно закатилось под алтарь. Мачабели не верил в дурные приметы, но все же что-то больно кольнуло в груди. На Тасо не было лица. Священник поднес к губам невесты потир с церковным вином. Тасо пила прохладную жидкость и чувствовала, как прибывают силы. Жениху осталось всего несколько капель вина на донышке. Священник взял Вано и Тасо за руки, трижды обвел вокруг аналоя и объявил их «перед богом и людьми мужем и женой».

А в толпе все перешептывались: «Ох, не видать им счастья».

«Только что узнал о твоем бракосочетании. Акт художественный с божественным соединены. Желаю художественно закончить бытие сего мира с божественною твоею

Котэ Месхи».

«Дорогой Вано. От всей души и сердца поздравляю счастьем. Думаю лучшего ты и во сне не видел. Восхищен быстротой решения. Именно пришел — увидел — победил»,— читает Вано вслух телеграммы друзей. Тасо сидит рядом и, положив ему на плечо голову, наблюдает, как танцует в камине огонь. Мыслями она перенеслась в будущее. Тасо сама будет вести дом, растить детей. Она постарается создать мужу условия для работы, сделать жизнь его радостной. Только одного она не разрешит Вано — баловать детей. Конечно, дети не должны знать нужду или быть лишены ласки, но и потакать их

капризам Тасо не станет. Она вырастит их настоящими людьми.

На деньги из приданого Тасо купит маленький домик. Она обставит комнаты по-современному, чтобы друзья тянулись к ним, находили в гостях у Мачабели тихую радость. Вано и Тасо будут жить в счастье.

Тасо еще теснее прижимается к супругу, целует его в шею.

— Ты, наверно, соскучился по работе,— говорит она виновато.

— Ничего, наверстаю. Знаешь, Тасо, я начал «Макбета» и часто ловлю себя на том, что в уме все продолжаю переводить его.

— Лучше возьмись за «Ромео и Джульетту». Тебе не кажется, что Шекспир списал с нашего знакомства и любви целые сцены?

Вано улыбается. И вдруг по лицу его пробежала тень. «Мако тоже просила меня перевести «Ромео и Джульетту»,— подумал Вано и, словно испугавшись этих воспоминаний, стал жарко целовать жену.

Домик они купили на Ольгинской улице, рядом с остановкой конки. Светлые солнечные комнатки, длинный узкий балкон на улицу, аккуратный садик в окружении молодых елей. В ясную погоду, особенно ранним утром, можно видеть снежные вершины Кавказского хребта, серебристой полосой отделяющие небо от земли.

Новоселье откладывают, ибо не сегодня — завтра семья Мачабели пополнится новым членом.

6 декабря 1891 года, в день рождения Тасо, Иванэ Мачабели стал отцом.

* * *

События в земельном банке разворачивались стремительно. Наступил момент, когда подспудная борьба Ильи Чавчавадзе и Вано Мачабели должна была стать открытой. И это произошло на собрании основателей банка. Семилетняя война, как потом окрестили борьбу Ильи Чавчавадзе и Мачабели, началась.

Собрание было шумным, напряженным. Оппозиция, которая составилась только несколько дней назад, резко выступила против Ильи Чавчавадзе.

Вано сидит молча. Губы нервно сжаты, брови сдвинуты, отчего на лбу собрались глубокие складки. А зал

гудит, как потревоженный улей. Оратора никто не слушает, все кричат с мест. Председатель собрания ожесточенно трясет колокольчик, но его звон тонет в общем гуле. Вано, опустив голову, выходит из зала. В вестибюле он невольно становится свидетелем беседы, которая переворачивает все у него внутри. Некий господин объясняет юноше: «Оппозиция — это значит, что если ты скажешь «да», то я непременно должен ответить «нет», а если ты скажешь «нет», я обязан ответить «да».

У Вано на щеках выступает румянец, под кожей лица ходят желваки. Не помня себя, он бегом возвращается в зал и просит слова. Председатель не дает разрешения — прения, мол, закрыты. Мачабели, вопреки всем правилам, требует с места:

— Я должен выступить. Если дадите возможность, я буду говорить полчаса, если откажете, то уложусь и в полминуты.

Собрание требует сделать для Мачабели исключение, и председатель сдается.

— Моя речь — исповедь перед вами,— обращается Вано к присутствующим.— У вас было время убедиться, что не все обстоит благополучно в банковских делах. Вы были встревожены моими с Ильей Чавчавадзе разногласиями, которые мы вынесли на общественный суд. А некоторые даже решили свалить все на обиды, якобы причиненные мне даже не знаю кем. Нет, господа, никакая обида не лежит у меня на сердце; я не стал бы скрытничать, таить ее. Даю вам слово, что только деловые соображения заставили меня выступить против Чавчавадзе... Многие обвиняют меня, будто я вношу раскол в сплоченные ряды правления банка, предаю товарищей. Я исповедуюсь перед вами и хочу быть искренним до конца. Расскажу вам один случай, и судите сами, кто прав и кто виноват. Как-то мы с Чолокашвили сидели в правлении банка. Чавчавадзе не было в городе, и мы вели переговоры. В тот день, как назло, посетители приходили один за другим, просто не давали нам вздохнуть. Под вечер пришел и Т. Шаликашвили, помещик Лорского уезда. Не так давно он заложил в нашем банке участок земли за 3.300 рублей, которые употребил на благоустройство имения. Я помню это дело до мельчайших подробностей, ибо из-за него поссорился с человеком, которого очень уважаю. В тот день Шалика-

швили принес вместо 2.500 рублей, которые он должен был внести, 1.500 рублей и умолял нас отодвинуть крайний срок уплаты еще на несколько недель. Я и Чолокашвили согласились, хотя, может, и совершили ошибку. Неделю тому назад ко мне домой пришел Шаликашвили и с укором сказал: «Стыда у вас нет, разве это порядочно: обещали повременить, а сами продали мой участок». Я бросился в банк и узнал следующее: Чолокашвили присутствовал при том, как Чавчавадзе распорядился продать имение Шаликашвили, и не сказал ему ни слова.

Все внимательно слушают речь Вано. Председатель иногда поглядывает на часы, берется за колокольчик, но тут же, передумав, кладет его обратно на стол. Рядом с ним сидит Илья Чавчавадзе. Сжав ладонями виски, он сосредоточенно думает о чем-то. Может, Илья вспоминает первую встречу с юным студентом, их совместную работу над «Королем Лиром». С тех пор прошло 20 лет, и многое, очень многое изменилось. И Илья поймал себя на мысли, что где-то в глубине его души живет любовь к этому пылкому человеку. Когда человека ненавидишь, неприятно видеть его, слушать его голос,— а Илья с удовольствием слушает Мачабели и считается с его мыслями, обращенными к будущему...

— ...Никогда не переносил я столько мук,— продолжает Мачабели,— сколько здесь, во время торгов. При каждой сделке у меня сердце обливалось кровью. Но чем мог я помочь дворянину, попавшему в безвыходное положение. «Долг надо погасить вовремя, иначе продадим залог...» — твердили директора, а я не в силах был созерцать этот губительный формализм.

Вчера мы в один голос славословили Чавчавадзе. Разделяя общее мнение о Чавчавадзе, как прекрасном поэте и литераторе, я все же не могу назвать его сердобольным...

«Не могу считать его сердобольным!..» — повторяет Илья Чавчавадзе в уме эти сказанные дрожащим голосом слова и горько усмехается. Значит, у него, Ильи, не болит душа за соотечественников, плачущих вдов и сирот?! Но разве всем так трудно?! Рядом с одним бедным десять обеспеченных стараются показаться неимущими. Эти вырождающиеся помещики сорят деньгами в городских духанах, влезают в долги, бегут к нам и притво-

ряются несчастными. Если с ними не обращаться круто, они и сами разорятся вконец и погубят наш банк... .

По залу пробегает шумок. Председатель делает оратору замечание, но Чавчавадзе жестом останавливает его, мол, дайте ему говорить.

— ...Я уже говорил, какова наша финансовая политика,— еще больше распаляется Вано,— если разумно вести дела и в то же время проявлять сочувствие к разорившимся дворянам, то это пойдет только на пользу нашему банку. И кто сможет быть таким директором, перед тем я преклоню колени и сниму шапку... Меня часто ругают. А за что? Да только за то, что я выступаю против равнодушия и черствости в банковских делах некоторых наших авторитетных деятелей...

Приношу вам благодарность за терпение, с которым вы слушали мою сбивчивую речь. Спасибо за доверие, что восемь лет подряд выбирали меня директором банка. К сожалению, я вынужден уступить свое место другому. Я очень устал.

Вано не спеша прошел к своему креслу. Сослуживцы долго уговаривали его «не делать глупости, не уходить из банка», но Мачабели отказался наотрез. Не дождавшись конца собрания, он вышел из зала.

Сейчас мы можем удивляться и улыбаться при упоминании о делах банка и перепалках, связанных с ним. Стоит ли банк того, чтобы из-за него растрачивались силы и энергия таких выдающихся сынов отчизны, писателей и общественных деятелей? Сейчас, безусловно, можно сказать без всяких колебаний, что никакие доходы банка, никакие деньги не могут возместить времени и здоровья Ильи Чавчавадзе и Мачабели, растрачивавшихся в мелочных спорах. Спорили о сбережении и умножении банковских сумм, о копейках, и растрачивали драгоценное время и цельность души, и не будь этого, кто знает, сколько блестящих жемчужин появилось бы еще в сокровищницах грузинской литературы!..

Однако подобные рассуждения были бы неуместны. Дело в том, что как бы ни почитали они друг друга, как бы ни ценили собственную деятельность, они все же не могли предположить, что вносят своим литературным трудом такой большой вклад в родную литературу и язык. И, кроме того, они были так близки между собой,

что не ощущали величия и исторического значения друг друга.

Что касается банка, то он играл определенную роль в жизни нашего народа. Он систематически оказывал помощь Обществу распространения грамотности, грузинскому театру, гимназии, Цинамдзгварской хозяйственной школе, бедным студентам, учившимся в разных университетах России... Все это было определено при основании банка в программе его деятельности. Основать банк было решено спустя несколько лет после отмены крепостного права. Но фактически он был организован лишь в 1873 году.

Небезынтересно вспомнить кое-что из истории основания банка. Послушаем самого Иванэ Мачабели:

«(Димитрий Кипиани) внушил нашему дворянству мысль основать земельный банк на часть тех денег, которые полагались ему за освобожденных крепостных, чтобы доходами от банка оказывать помощь владельцам земли — дворянам — и обрабатывающим ее крестьянам — в повседневных нуждах. Для осуществления замысла этот полный энергии человек не пощадил ничего: пешком обошел всю Картли и Кахетию и везде объяснял дворянам, какие блага ждут их с началом этого общественно полезного дела...»

Одним словом, банк сыграл определенную роль в жизни нашей страны.

После восьми лет самоотверженного труда Мачабели покинул банк — эта новость с быстротой молнии облетела город.

— Из банка убрали самого активного работника,— возмущались одни.

— Человек, который выправил финансовые дела банка, отстранен от директорства,— говорили другие.

— Подумать только, к приходу Вано банк терпел убыток в 500.000 рублей, а сейчас эта сумма уменьшилась до 500 рублей,— горячились сторонники Мачабели.

Оппозиция, возлагавшая на Вано столько надежд, была застигнута врасплох его неожиданным решением.

«Вы бежите с поля битвы».

«Вы не имеете права уходить сейчас из банка».

«На кого оставляете нас, ваших друзей и соратников?»

Такими упреками и телеграммами прямо-таки забросали Вано Мачабели. И он не устоял перед соблазном вновь ринуться в самую гущу борьбы.

«Ты, наверно, догадался по газетным отчетам, какой переполох произошел в банке,— писал Вано в Петербург Акакию Церетели. — Директор и его «достойный товарищ» (так называет себя Тархнишвили) навалились на меня и таки повалили. Мне ничего не оставалось, как поблагодарить общество за доверие и уйти из банка... Сейчас я думаю опубликовать ряд статей и сделать явным то, что тайно делается в банке и обслуживающей его прессе. Думаю, на этот раз осилить меня будет нелегко, и дела у Ильи Чавчавадзе пойдут так, что он воскликнет, подобно Пирру: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!» Мне будет очень приятно, если ты будешь следить по газетам за нашей полемикой».

Через несколько дней после окончания собрания и выбора новых директоров Вано Мачабели послал в газету «Иверия», редактируемую Ильей Чавчавадзе, письмо: «Я с большим нетерпением ждал окончания отчета о прениях в банке. Ждал потому, что имею желание восстановить правду и исправить касающиеся меня ошибочные сведения. Если вы пожелаете напечатать мотивированный и подкрепленный фактами ответ, то мне понадобится на страницах газеты столько же места, сколько занял ваш отчет. Я с удовольствием возьмусь за этот нелегкий труд, но только с условием: 1. Опубликуйте все, что касается банка и моего ухода, без сокращений; 2. Дайте мне возможность отвечать Вам через Вашу же газету и не прекращайте полемики итоговой статьей, написанной Вами».

Редакция «Иверии» не согласилась со вторым пунктом ультимативного письма И. Мачабели, и вскоре его статьи появились уже на страницах «Нового обозрения».

В последней статье Мачабели рыцарски вызывает на поединок противников: «Если только лица, задетые настоящим объяснением, пожелают вступить в полемику со мной по вопросам, в нем затронутым, я был бы очень польщен и охотно готов защищать мои положения, где угодно и когда угодно».

На лето Вано Мачабели с семьей уехал в деревню. Первые две недели они жили в Тамарашени, потом по-

ехали к родителям Тасо, в село Пца. Односельчане, так уж повелось в Грузии, старались заполучить зятя их соседа к себе, угощали любимыми блюдами и домашним вином. За столом, конечно, заходил разговор о последних событиях в банке. Карталинские дворяне восприняли уход Мачабели с директорства как личную обиду, нанесенную им Ильей Чавчавадзе, и давали выход страстям, подогретым вином. «Мы этого так не оставим»,— угрожающе кричали они за столом.

К Вано в Пца специально приехали Мишо Мачабели и бухгалтер банка Мито Павленишвили. Они тоже подстрекали Вано к активным действиям. Уйти с поля битвы — это капитуляция,— задевали они самое больное место самолюбивого Мачабели. Оппозиция готовит новое, решительное наступление.

Когда Вано ехал в деревню, то надеялся хоть в сельской тиши закончить перевод «Макбета». На самом деле и здесь его день был полон хлопот, так что для работы над переводами Шекспира свободного времени у него оказалось очень мало. Работа шла медленно, с трудом. Трагедия «Макбет» настолько цельна композиционно, написана на одном дыхании, что некоторые исследователи считают, что она создана за один присест. А переводить ее мелкими кусками, что называется, в час по чайной ложке, немыслимо трудно.

Сколько месяцев назад Вано взялся за «Макбета» и все топчется на месте, никак не может одолеть. К тому же каждую новую страницу перевода он, по уговору с Тасо и ее сестрой Бабо, читает им вслух:

О, будь конец всему концом, все кончить
Могли б мы разом. Если б злодеянье,
Все следствия предусмотрев, всегда
Вело к успеху и одним ударом
Все разрешало здесь — хотя бы здесь,
На отмели в безбрежном море лет,
Кто стал бы думать о грядущей жизни?
Но ждет нас суд уже и в этом мире.
Урок кровавый падает обратно
На голову учителя Возмездье
Рукой бесстрастной чашу с нашим ядом
Подносит нам же...—

читает Мачабели, и домашние слушают его с волнением.

— Ну, что там слышно? — спрашивает Макбет у вошедшей жены.

— Он ужинать кончает, ты зачем ушел? — отвечает вся во власти злобы женщина.

Оставим это дело. Он меня
Так отличил, что я в глазах народа
Облекся золотым нарядом славы,—

как бы сам с собой говорит отважный рыцарь, в котором не хочет заснуть совесть. Но еще одержимая честолюбивой мечтой женщина прерывает супруга:

Ужель была
Пьяна твоя надежда, а теперь
Проспалась и, позеленев, взирает
На прежнюю решительность? Отныне
Я и любовь твою ценю не выше.
Иль ты боишься быть в делах таким же,
Как и в мечтах? Иль хочешь обладать
Тем, что считаешь высшим благом жизни,
И житье и сознание трусости своей?
Иль, как у бедной кошки в поговорке,
Твое «хочу» слабей «не смею»?
. . . Я кормила грудью
И знаю: сладко обнимать младенца,
Когда к тебе он тянется с улыбкой,
Но я бы, из его беззубых десен
Сосец мой вырвав, голову ему
Сама разбила... —

Тасо не может слушать дальше, она прерывает мужа.

Нет, Шекспир не мог написать так грубо.

Вано говорит, что, переводя этот монолог, он тоже был смущен слишком уж грубым оборотом, хотел смягчить его. Но, вчитавшись глубже, понял, что этого нельзя делать, ибо слова леди Макбет «I would... have... dasht the brains out» вытекают из логики ее характера, типичны для нее.

— Вообще женщины у Шекспира волевые, сильные. Дездемона, Джульетта — ведь они по силе вам не уступают,— леди Макбет. Только последняя вся во власти тщеславия, порабощена жаждой престола. Даже храбрый воин Макбет был испуган словами жены. Мне кажется, что он так же побледнел, как и вы. Но противиться жене Макбет не смеет, поэтому его ответ уклончив: а вдруг не выйдет?..

«Что не выйдет»,— восклицает удивленная и взбешенная колебаниями мужа леди Макбет.

— Лишь натяни решимость, как струну,

И выйдет все... — подзуживает она супруга. А тол-

каемый женщиной рыцарь чего только не сделает!

Тасо изменилась в лице.

Вано, зная, что жене в ее положении нужен покой и нельзя волноваться, откладывает тетрадь и старается перевести разговор на другую тему.

— Милый, я очень устала,— почти шепотом говорит Тасо. — Выйдем в сад.

Вернувшись в Тбилиси, Вано Мачабели начинает работать председателем сиротского суда. Место не ахти какое, но Вано доволен,— «сам себе хозяин и могу распоряжаться своим временем, как вздумается». Он с головой погружается в работу над переводом, и вскоре «Макбет» готов к печати.

А оппозиция тем временем росла, набирала силы. Ее ядро — Николоз Орбелиани, Мишо Мачабели, Кола Павленишвили, Гиго Габашвили — все чаще собирались на дому у Вано и до полуночи спорили, обсуждали план действий, готовились к наступлению.

Для Вано Мачабели борьба носила принципиальный, продиктованный интересами дела характер. К сожалению, этого нельзя сказать о большинстве окружавших его людей: они сузили задачи оппозиции до сведения личных счетов и извлечения собственной выгоды. Мачабели же, уверенный в правоте своих взглядов, не замечал узости интересов своих «однополчан».

Вскоре оппозиция получила пополнение — к ней примкнула группа «Женщины — мученицы общественных интересов». Участие женщин придало борьбе налет романтизма. Одной из руководительниц этой группы Вано Мачабели писал: «Очень благодарен тебе, что ни при каких обстоятельствах ты не забываешь наших общественных дел. Ты бы годилась в Жанны д'Арк — так ты умеешь фанатизироваться и фанатизировать других».

День столкновения надвигается. Холодная война обостряется, успехи сменяются поражениями, однако схватки носят эпизодический, разведывательный характер. Рядовые оппозиции обращаются к своим маршалам: «Как Вы, главнокомандующие, себя чувствуете? Что касается солдат, ведите в огонь и в воду!..»

Силы почти равные, но борьба неравная — у оппозиции нет такого действенного оружия, как печатный орган.

Мачабели удручен: его выступления искажаются газетой противника, и у широкого читателя может сложиться ложное представление о целях оппозиции.

Мачабели делает еще одну попытку возобновить издание «Дроэба», но, в который раз, получает отказ. А очередное собрание основателей земельного банка уже не за горами. Сейчас потеря времени равна поражению. И вот неожиданно для всех, за два месяца до созыва собрания, вышла анонимная брошюра с интригующим названием: «Господин Илья Чавчавадзе и его деятельность».

В те времена книги тиражом в пятьсот экземпляров подолгу лежали на полках, агенты издателей с трудом продавали в районах по 10—15 экземпляров.

А маленькая брошюра с критикой Ильи Чавчавадзе разошлась за один день. Ее читали все — члены оппозиции, сторонники Чавчавадзе и просто любители пикантных подробностей из жизни великих людей.

Автор приподнял занавес над всеми делами банка, рассказал читателю до мельчайших подробностей историю вражды двух партий, отметил некоторые ошибки, допущенные в разное время правлением банка. Общий тон брошюры нельзя назвать грубым, и печатайся она отдельными статьями в газетах, может, и не вспыхнуло бы столько толков. Но сейчас, да еще с таким претенциозным заголовком, брошюра прозвучала совсем иначе. Ошибка автора была в том, что он не ограничился критикой банковских дел, а перенес эту критику на всю общественную деятельность Ильи Чавчавадзе.

Хотя брошюра и была анонимной, никто не сомневался, что она принадлежит перу Иванэ Мачабели.

В жизни человека бывают роковые ошибки, исправить которые никак невозможно. Проходят месяцы, годы, стихает боль, забываются обиды и ты очень хочешь вычеркнуть из своей биографии этот неверный шаг, но уже поздно — он повлек за собой целую вереницу событий. Именно такой ошибкой Вано Мачабели было издание брошюры об Илье Чавчавадзе. Теперь все пути к примирению оказались отрезанными. К тому же нашлись людишки, которые, лебезя перед Чавчавадзе, за глаза ругали его, выражая Мачабели «благодарность за смелое и решительное выступление против ложного авторитета».

На самом деле «благодарность» заслужил не Мачабели, а члены оппозиции, заставившие его написать эту брошюру. Дело в том, что на заседании «штаба оппозиции» было решено поручить Иванэ Мачабели написать цикл статей, разоблачающих Илью Чавчавадзе как директора банка и общественного деятеля. Вано был вынужден подчиниться решению ядра партии.

В своих воспоминаниях Акакий Церетели свидетельствует, что «оппозиция со дня своего основания ввела за правило обязательное исполнение каждым членом партии решений большинства. И это часто вынуждало Мачабели поступать против своего желания».

Другой современник, Георгий Туманишвили, пишет: «Мачабели в делах банка действовал не по своей воле, он подчинился партийной дисциплине и выполнял волю большинства». Об этом говорят и письма Мачабели к друзьям.

Так или иначе, а издание брошюры углубило пропасть между Ильей и Вано.

Что же делал в это время старший брат Вано? Ведь братья никогда не скрывали друг от друга ни мыслей, ни печалей и радостей. Почему Васо не вмешался в спор своего друга Чавчавадзе и родного брата Вано? И где он находился в то время?..

* * *

В то лето по всей Грузии свирепствовала холера. Свое страшное шествие она начала с Кахетии. Опустошительными набегами холера напоминала времена монгольского ига. Набожные темные крестьяне полностью доверились знахарям, которые множились на селе, как поганки после дождя. Холера собирала обильный урожай. Стоило крестьянам заслышать ее торжествующий смех, как вся деревня снималась с места: и кто на арбах, а кто и пешком бежали люди без оглядки куда глаза глядят. Но проклятая болезнь подстерегала их всюду. В опустевших деревнях слышался лишь рев оставленной без присмотра скотины. А из покосившихся лачужек доносились стоны и плач. Некому было даже хоронить мертвых. В одном из своих рассказов Нико Ломоури описал, как молодые интеллигенты ухаживали за больными холерой. Но зачем идти далеко. Пример этому мы найдем и в семье Мачабели.

По возвращении из Петербурга Васо Мачабели, старший брат Вано, устроился в Тбилиси и, к радости близких, женился на девушке из хорошей семьи. В том году, когда по Грузии гуляла холера, жена Васо с тремя детьми отдыхала в Тамарашени. Вскоре болезнь забрела и к ним в деревню. Страх погнал крестьян в горы. Собрав впопыхах свой жалкий скарб, они целыми семьями покидали деревню, оставляя больных на волю божью. Через две недели все, кто только не успел или не захотел уйти из Тамарашени, страдали злым недугом. А помочь больным, облегчить их страдания было некому. Ни врача, ни лекарств. И только Нино Мачабели, жена Васо, вела непосильную борьбу с холерой. Она бегала от одного дома к другому, стараясь помочь крестьянам в беде. Ни уговоры родственников, ни опасность заразиться не могли остановить сердобольную женщину, которая рисковала своей жизнью во имя спасения односельчан.

Случилось то, чего и надо было ожидать: Нино заболела холерой и угасла за несколько часов. Как ни торопился Васо в Тамарашени, он успел только на похороны любимой Нино.

О несчастье в семье брата Вано узнал с большим опозданием. Тем летом он с Тасо и ребенком гостили в Сачхере у свояка — Бежана Церетели. К Бежану съехались и другие родственники из разных концов страны. А по соседству жил Акакий Церетели, который часто навещал друзей.

Нередко мужчины совершали конные прогулки, и Вано Мачабели неустанно восторгался имеретинским пейзажем.

— Потрясающе, потрясающе, — повторил он вслух и тут же, искоса взглянув на Акакия, добавил: — Ничем не уступит красотам Картли.

Акакий смеялся от души. «Вано не может простить мне шутку о Картли, когда я сравнил его родину с Имеретией. Но я еще посмотрю на него, когда мы отправимся в глубь страны», — заранее торжествовал Церетели, прощая другу «месть».

Как-то Бежан предложил гостям съездить к храму Тамар, который до недавних времен был неприступным. Лишь несколько лет назад некий рачинец выдолбил на отвесной скале, увенчанной этим храмом, ступеньки и

достиг ее гребня. По преданию, в той церкви покоится в золотом гробу Тамар, а в ногах и у изголовья неугасимо горят восковые свечи. Подзадоренные любопытством, Вано, Бежан и Георгий Багратиони гнали коней во весь дух, чтобы засветло достигнуть горы и осмотреть эту овеянную легендами последнюю обитель Тамар. Но вскоре им пришлось придержать горячих коней: дорога сменилась узкой тропинкой, вьющейся по самой кромке дремучего леса. А справа громоздились косматые горы, подпирая могучими плечами небо.

«Было уже за полдень, когда мы достигли Квагатехила, откуда нашему взору открылась такая картина, что мы добровольно стали пленниками этих мест,— пишет Вано Мачабели. — Дорога, идущая от Верхней Имеретии к Раче, вдруг втискивается в узкий просвет между громадными скалами.

Высокие, поросшие низкорослыми кустарниками, они обрамляют пейзаж, и издалека кажется, что это чудо-картина, заключенная в раму. Вокруг разбросаны, как бог на душу положил, горы, скалы, холмы.

Мне рисовалось, как здесь развлекались дэвы: швыряли друг в друга горы, а потом забыли поставить их на место. А может, природа играла в детскую игру «замри»?

Где-то далеко-далеко, на самом низу бежит, извиваясь, Риони — белая, слепящая глаз полоска. Она соединяет, будто пунктиром, Мамисонский перевал с Кутаиси.

Горы толпятся, налезают друг на друга, а человек, где только может, лепит к их склонам маленькие домишки».

Вано стоял как вкопанный. В это мгновение он так полно слился с вселенной, что позабыл обо всем на свете.

Вскоре они подошли к заветной скале.

«Чья десница сложила храм Тамар, чьи руки сотворили на этой отвесной скале чудо,— пишет Мачабели.— На высоте саженей в пятнадцать от основания на скале сделана крохотная площадка, на которой еле умещается церковь с ветхой крышей. Ворота у входа еле держатся на петлях, но заложены огромным замком. В стене зияет четырехугольное оконце.

Вровень с церковью, немного правее, выдолблена пещера, и к ней пробирается извилистая тропа. Отсюда до храма уже близко, но карабкаться по скользкому камню не так легко. На каждом шагу тебя подстерегает опасность сорваться вниз, и тогда...

Цепляешься за кусты, обдираешь пальцы о камни, отвоевываешь у высоты каждый сантиметр, а храм не приближается. Мы так и не добрались до него. Уже вечерело, и мы заторопились в обратный путь».

Впечатление было огромным. Мачабели возвращался домой возбужденный, всю дорогу молчал, предаваясь мечтам.

В Сачхере он узнал о несчастье брата. Нино уже похоронили. Вано потрясен. Он представляет, в каком состоянии сейчас любимый брат, не успел он оплакать жену, как заболел ребенок. Вано пишет брату письма, старается облегчить ему горе.

«Мой дорогой Вано,— пишет в ответ Васо Мачабели,— я пролил много слез над твоими письмами, но все же они были для меня большим утешением... Как только в Тамарашени появилась холера, тотчас послала она нарочного ко мне в Вариани, прося помощи... Я, не мешкая, поехал, действительно, двое заболели. На другой день мы составили санитарную комиссию, вычистили всю деревню. Многие, узнав, что вспыхнула холера, бежали. Мы дали телеграмму губернатору, чтобы выслали врачей и лекарства, ведь деревни наши ничего этого не имеют. Бедная Нино старалась помочь больным, ухаживала за ними... Сердце обливается кровью, и я никак не могу свыкнуться с мыслью, что нет моей Нино...»

Это произошло в конце августа, а за несколько месяцев до этого Василий Мачабели прочел анонимную брошюру, о которой мы говорили раньше. Кажется удивительным, что он не порицает брата. Когда-то, после резкого выступления против Диасамидзе, он пожурил Вано, а сейчас и звука не издал в защиту друга!

Дело в том, что Васо Мачабели оказался вовлеченным в ряды оппозиции, он стал на сторону брата. Вначале его участие было пассивным. Он не решался явно выступить против друга. Впоследствии же, когда положение осложнилось и партии повели борьбу не на

жизнь, а на смерть, Василий Мачабели энергично помогал своему младшему брату...

* * *

Эпидемия холеры улеглась. Жизнь страны вошла в привычное русло. Вано Мачабели ходит каждый день на работу. Но служба в сиротском суде ему чужда и неприятна. Он понимает, что мог бы приносить больше пользы своей родине, активнее участвовать в жизни народа.

Вано теперь все чаще вспоминает бурные времена, когда он редактировал «Дроэба». Тогда жизнь била ключом, каждый день разнился от предыдущего; тогда он непосредственно говорил с народом, помогал ему; тогда он мог достойно отвечать противнику, постоять за себя; тогда он разоблачал происки царизма. А сейчас... сейчас Мачабели только и грезит, что своей газетой. Но дни идут, а разрешения на издание газеты Вано не получает — самодержавие не доверяет Мачабели. Тогда он решается провести власти, взять разрешение на чужое имя. Затею Вано поддерживает и Акакий Церетели.

«Если тебе удастся разыскать надежного человека, то испроси на его имя газету,— пишет он из Петербурга. — Я надеюсь выхлопотать для тебя здесь разрешение. По крайней мере мне обещали помочь. Только не ошибись в человеке, он должен быть очень надежным».

Вано с удвоенной энергией берется за дело, ведет нескончаемые переговоры, вовлекает в них и Георгия Церетели. Наконец, после долгих хлопот, ему удается создать новую газету. Издатель Анастасия Туманишвили-Церетели, ей будет помогать так называемый художественный совет.

В декабре 1892 года был официально подписан договор между художественным и редакционным комитетами. Газета будет демократической, научно-литературной (хотели добавить «политической», но тут запротестовали чиновники: «политика — не дело литераторов»). Наименование газеты «Квали». Выходит каждодневно, начиная с 1 января 1893 года.

Началась подписная кампания.

Многие жители провинций вызвались не только подписаться на «Квали», но и распространять в народе но-

вую газету. Из их числа впоследствии составился и отряд корреспондентов.

Много подписчиков имела газета и в Гори, где во главе кампании стоял Кола Павленишвили.

«Я глубоко убежден,— писал он Вано,— что в нашем уезде число подписчиков еще возрастет. Только постарайтесь с первого же номера печатать интересные и острые материалы. А мы не ударим лицом в грязь. Все мы ждем «Квали» с таким нетерпением, что просто дух захватывает. Для нас Новый год начинается с выходом новой газеты».

Первый номер газеты «Квали» вышел в начале января. Опубликованное в нем стихотворение Акакия Церетели «Гантиади» сразу же облетело всю Грузию. Не прошло и месяца, а газета «Квали» стала популярной в народе, полюбилась читателю. Она приобрела свое лицо и направление. Этим «Квали» во многом была обязана Иванэ Мачабели.

С первого же дня Вано засучив рукава взялся за работу. Он организует материалы, редактирует их, пишет сам статьи и обзоры, привлекает к сотрудничеству молодежь. В каждом номере, кроме интересных статей, публикуются и стихи Акакия Церетели. Казалось бы, дела газеты идут хорошо, на горизонте не видно туч. Но спокойствие и благополучие оказались мнимыми. На самом деле беда надвигалась неумолимо, и разразилась она вовсе не оттуда, откуда можно было ожидать. В самой же редакции произошел разрыв, разрыв, который озадачил многих.

Странное дело, недоумевали читатели, газета была на подъеме, каждый номер раскупался без остатка, и вдруг крутой поворот — начали печатать скучные, поверхностные статьи, вовсе исчезли стихи Церетели. Что же произошло?

А произошло следующее. В отсутствие Мачабели было напечатано сообщение, якобы Вано Мачабели прикарманил 2.000 рублей, собранные редакцией «Дроэба» на памятник Руставели. Автор статьи не скрывает, что эти деньги были собраны в период редакторства Сергея Месхи, но сейчас почему-то спрашивали их с Мачабели.

Вано заехал на несколько дней к родственникам в Пца, где и узнал о ждавшем его сюрпризе. Он несколько раз перечел сообщение в «Квали», не зная, чему

приписать такой выпад против него одного из редакторов газеты.

«Эта страшная провокация,— пишет Вано другу,— на руку только моим врагам. И все же я рожден не в добрый час. Кругом не везет, на каждом шагу поклеп. Словно человек рожден на свет только для несчастья...»

Вано уже машинально пробегает газету и — новый сюрприз. Его шельмует и уничтожает автор коротенького стихотворного фельетона. Мачабели в ярости швыряет газету на пол и выбегает из комнаты. Он мечется по саду, долго не может успокоиться, прийти в себя. Тасо озабоченно следит из окна за мужем, но подойти к нему не решается. Она знает, что успокаивать Вано в минуты гнева — еще сильнее бередить его раны. Но этого не знает его маленький сынишка. Он видит, как рассердила отца газета, и строго наказывает обидчика — рвет ее на куски. Потом, довольный местью, топает с обрывками бумаги в кулачках через балкон. Мальчик, тяжело посапывая, спускается по лестнице. Вано видит обрывки газеты в руках сына и чувствует, как эти же детские руки снимают с его сердца обиду. Он подбегает к сыну, хватает его на руки и кружится с ним по саду.

«Моя жизнь! Если бы не вы,— говорит он Тасо,— я б не перенес столько невзгод».

Тасо успокаивает мужа, советует ему вернуться в Тбилиси и выяснить все на месте. Жаль, что она не может поехать с Вано, но ничего, после родов Тасо непременно приедет.

До отправления поезда целых три часа, и Вано, чтобы убить время, садится за письмо к Церетели.

«Брат Акакий! Я только вернулся в Пца из долгой поездки по Картли и прочел о «моем долге». Подумать только, меня обвиняют в воровстве денег, собранных на памятник Руставели, будто мне их передал Сергей Месхи. Это сплошная ложь, мне и гроша никто не передавал. Да и вообще на моей памяти не было никаких сборов денег в фонд Шота.

Потом я прочел фельетон о том, как сорока стянула у редактора ключ от кассы и как ей сказали «вон»! Уж слишком прозрачен намек, чтобы я не понял, в чей адрес направлен фельетон. Оказывается, я и вор, и сорока, и злоумышленник. Ты согласишься со мной, что после всего этого мне в «Квали» делать нечего».

Не только Вано Мачабели, но и Акакий Церетели навсегда расстались с газетой «Квали».

«Брат Вано,— пишет он в ответном письме,— с тех пор как я в Имеретии, на душе так муторно, что и врагу не пожелаешь. А твое письмо и вовсе вывело меня из себя. Я не нахожу себе места и ругаюсь, как всегда, по-русски. Получив твое письмо, я тут же нашел «Квали» и прочел... Некоторые поступки человека приходится объяснять помрачением разума. О каких это деньгах они толкуют? Но обижаться не стоит, что только не придет в голову человеку с мозгами набекрень.

Теперь, что касается наших отношений с редакцией. Коль скоро тебе говорят «вон», как вороватой сороке, а меня и не выставляют за двери, но все же выводят ослом, который наблюдает за кражей, то нам ничего не остается как хлопнуть дверью. Я, со своей стороны, рву с «Квали» всякие отношения».

Тем же летом Мачабели публикует в газете «Мцхемси» («Пастух») объяснение, почему он ушел из «Квали».

«Когда покойный Сергей Месхи передал мне газету «Дроэба»,— читаем мы в этой статье,— я не получил ни гроша на памятник Руставели. Могу вас заверить, что «Дроэба» не проводила с этой целью никакой подписки ни при мне, ни в другие времена. Это мне известно доподлинно».

Объяснение Мачабели перепечатали и другие газеты. Но дело на этом не кончилось.

Убедившись, что с обвинением Мачабели в присвоении денег из фонда Руставели ничего не получилось, недруги Вано пустили в ход другую утку. Теперь они вспомнили о деньгах, собранных редакцией «Дроэба» в 1880—1883 годах для премии имени покойного историка Броссе. И редакция «Квали», ничтоже сумняшеся, печатно заявила о новом долге Мачабели. Газета почему-то умолчала о подробностях этого «долга», не сочла нужным познакомить читателя с существом вопроса.

Вано Мачабели принял газету «Дроэба», когда деньги, действительно собранные Месхи на премию Броссе, были уже израсходованы старым директором. Вано ничего не оставалось, как признать этот долг за собой. Мы уже знаем, что за два года редактирования «Дроэба» Мачабели влез еще в некоторые долги (общая

сумма задолженности ко времени закрытия газеты составляла 9000 рублей). Конечно, Вано не мог погасить долга сразу, но он понемногу выплачивал кредиторам.

На очередном собрании основателей земельного банка Мачабели вновь поставил свою урну. И прошел в директора большинством голосов. Сейчас борьба с противником достигла такого накала, что о примирении никто и заикнуться не решался. Отношения Ильи и Вано настолько испортились, что бывшие друзья перестали даже кланяться. Словом, служба стала не службой, а адом. Так продолжаться долго не могло.

Вано все отчетливей видит, что ряды оппозиции, за небольшим исключением, состоят не из преданных делу народа борцов, а из ловкачей и личных врагов Чавчавадзе. Он понимает, что многие пошли за ним из корыстных побуждений, а до блага народа им и дела мало. Но от этого страдают общественные интересы; терпит урон дело жизни.

Сомнения Вано растут с каждым днем, с каждым новым совещанием оппозиции. Он всерьез задумывается над тем, не совершил ли ошибки, вернувшись в банк. Может, в интересах дела лучше оставить банк, заняться литературой и служить народу пером. Да, так будет лучше. В этом решении укрепляет его и письмо близкого друга Кола Павленишвили.

«...Увлеченные борьбой, мы забыли о делах общественных,— откровенно делится тот с Вано. — Правда, у Ильи крутой нрав, но ты должен уступить. Помимо всего, он годится тебе в отцы, и не будет смертельного греха, если ты уступишь старшему. Пусть время будет вам судьей. Вот мой совет: оставь банк. Не осуди меня, дорогой Вано, за этот горький совет».

Мачабели несколько раз перечитывает письмо. Он согласен с другом — борьба принимает вредный, наносящий ущерб общему делу характер. Но так долго не может продолжаться, когда-нибудь ведь должен прийти конец мытарствам Вано. Постоянная перепалка с Ильей издергала его, лишила покоя и сна. Он чувствует себя лишним в банке. И Вано все больше склоняется к мысли, что для блага общего дела он должен оставить банк. Но как посмотрят на это его товарищи по партии, как воспримут этот шаг друзья и родные? Вано мучительно

ищет выхода из сложившейся обстановки, колеблется, десять раз на дню меняет решения. Он прощупывает почву на совещании членов оппозиции и с горечью убеждается что они даже в мыслях не допускают такого исхода.

Он советуется с женой, и она шлет ему взволнованное письмо:

«Вано, родной, зная твою вспыльчивость, многие хотят воспользоваться ею и выбить тебя из седла. Но ты не поддавайся, держи себя в руках. Они сделают все, чтобы получить от тебя сюрприз, а ты слушай голос разума — не оставляй банк. Если ты в гневе сделаешь этот неверный шаг, то испортишь себе дело. Ты — единственный человек, кто служит верой и правдой банку. Остальные все там никчемные люди, они лишены даже крохи совести. Это ты видишь сам, не мне учить тебя. Не распускай нервы, возьми себя в руки...»

И Вано, скрепя сердце, соглашается с доводами близких ему людей.

«Моя жизнь, Тасо,— пишет он жене,— я тебе просто удивляюсь. Неужели ты всерьез поверила, что я ухожу из банка. Я не ребенок и не сделаю опрометчивого шага».

Одно дело писать, убеждать себя и других, но совсем другое отважиться на решение: оставаться в банке и продолжать изнурительную борьбу или бежать, бежать куда глаза глядят.

Именно об этом думает Мачабели бессонными ночами. Вовлеченный в борьбу с противником, он куда меньше времени уделяет общественным делам. Театр Вано забросил, заседания Общества по распространению грамотности не посещает, переводы отложил в долгий ящик, да и вообще как-то отвлекся от нужд народа, перестал ему помогать. Поймав себя на этой мысли, Вано начинает лихорадочно перебирать в памяти другие дела, которым он посвятил эти годы. Да, сделано не мало. Вано вел активную переписку с Григорием Вольским об открытии в Батуми грузинских училищ; по его предложению банк выделил сумму в помощь грузинским студентам, слушающим лекции в разных городах Российской империи... Но куда больше можно было сделать, не погрязни он в банковских стычках.

Голос разума требует от Мачабели жертвы во имя общего блага, настаивает на уходе из банка. Но вокруг раздаются другие голоса: голоса «друзей», голоса чле-

нов оппозиции, голос жены. Они заклинают Вано, настаивают, просят не оставлять «однополчан» в минуту испытания, не покидать их в беде.

Вано бросается из одной крайности в другую. То в нем одерживает верх голос разума, то побеждают призывы друзей по оппозиции. И Вано с горечью загоняет голос разума куда-то вглубь, подальше. Он мечется, ищет выхода и не находит.

Порой воспоминания о мирной сельской жизни в кругу семьи возвращают покой его душе. («Когда я спрашиваю нашего Никушку, где твой отец,— пишет Тасо,— он говорит: «Далеко, далеко», и, чтобы показать, как ты далеко, растягивает слова по слогам. И такой он потешный, просто не могу описать. Он часто вспоминает тебя и, бегая по комнатам, кричит: Вано, Вано!») Мачабели уносится в мечтах в родную деревню, явственно слышит зов сынишки: «Вано, Вано!».

Но чаще в ушах его раздается другой голос, повелительный и настойчивый. Вано не знает, на чей призыв откликнуться, к кому прислушаться. Во всей этой суете он ощущает одиночество, бесприютность и в минуту слабости пишет жене: «Приезжай, приезжай скорее, мне так осточертело быть одному!».

Мачабели по-прежнему один со своими горестями и раздумьями.

Обеспокоенные длительной и жестокой борьбой между партиями, прогрессивные деятели решают примирить Чавчавадзе и Мачабели и положить конец ненужным распрям. Посредником вызвался быть писатель Нико Ломоури. Как-то, придя домой к Вано, он начал без всяких обиняков:

— За что бог лишил вас рассудка. Или вы ослепли, не видите, что своими бесконечными спорами наносите вред общим интересам?!

Мачабели молчит. Он и сам недоумевает, какая злая сила толкнула его на выступление против Чавчавадзе.

— Дважды я приглашал его на медиаторский суд,— сокрушенно говорит Вано,— хотел, чтобы беспристрастные и уважаемые люди рассудили нас и тем самым прекратили затянувшийся спор, который уже изрядно надоел и сослуживцам и читателям. Но Илья оба раза отклонил мое предложение.

Нико Ломоури обещает поговорить с Чавчавадзе и просит Вано быть сговорчивее, уступить кое в чем старшему.

Через несколько дней Ломоури приносит Мачабели ободряющие новости. Илья Чавчавадзе согласен, чтобы специальная комиссия разобралась в их споре, выяснила причину разногласий. Только он хотел бы обсудить состав и количество членов комиссии на собрании банка. Вано охотно соглашается вынести этот вопрос на суд банковских чиновников.

В мае 1894 года состоялось очередное собрание членов дворянского земельного банка.

Как писали газеты, «по желанию дворянина Ильи Чавчавадзе и при согласии дворянина Иванэ Мачабели назначается специальная комиссия. Каждая из сторон дает торжественное обещание отречься от всякой общественной деятельности в Грузии, если комиссия признает его виновным. Это условие, что и говорить, тяжело и опасно. Но раз уж противники пожелали так, то не в наших силах им помешать. Борьба обострялась, принимала угрожающий для всего общества характер и лучше одним ударом разрубить все узлы, чем доводить ее до логического конца...»

Действительно, условия чудовищны. Либо Чавчавадзе, либо Мачабели должен навсегда отстраниться от всякого общественного дела. Но это немыслимо, просто бесчеловечно! Разве можно отстранить от жизни Грузии великого Илью, с именем которого связаны все лучшие начинания в нашей стране с 60-х годов XIX столетия, Илью, который вот уже 35 лет стоит во главе культурного и экономического прогресса нации?

А Иванэ Мачабели? Неужели должен быть отлучен, изгнан молодой, энергичный, высококультурный человек, который видит цель своей жизни в просвещении народа, улучшении положения трудящихся?

Да, по условию один из них будет похоронен заживо!

В зале совещания — тишина. Илья, низко опустив голову, ерошит рукой волосы. «Отлученный комиссией должен быть отстранен от всякой общественной деятельности в Грузии»,— в который раз повторяет щеголеватый князь, для которого произнесенные слова, так же как и судьба родины и польза дела, ровно ничего не зна-

чат. Собрание с любопытством оглядывает странную личность. Илья опустил голову, задумался. Вано, белый как полотно, нервно кусает губы.

— Комиссия назначается из трех человек, она должна быть не медиатором, а судьей: сказать «да» или «нет» и этим решить судьбу обоих противников,— цинично выкрикивает следующий оратор.

Нико Николадзе зачитывает список членов комиссии — Симон Георгиевич Церетели, Николоз Давидович Зубалашвили и Иван Давидович Утнелишвили.

Илья Чавчавадзе согласен с таким составом. Иванэ Мачабели — против. Он просит выбрать комиссию из семи человек: трое от каждой стороны и председатель. Подымается шум, люди кричат с мест, кто поддерживает Вано, кто резко возражает ему. Ораторы сменяют друг друга, требуют, предлагают, просят. Спор затягивается до ночи, и председательствующий переносит окончание прений на следующий день.

Вечером второго дня — та же картина. Открывает прения Кола Орбелиани. Илья молчит, погруженный в думы. Вано держится спокойнее, чем вчера, только мелкая дрожь в руках выдает его волнение. Он смотрит на оратора пустым взглядом, а издали кажется, будто ловит каждое его слово.

А прениям не видно конца. Приступают к обсуждению трех кандидатур. Мачабели, словно очнувшись от глубокого сна, вскакивает с места:

— Я не могу довериться этим людям,— говорит он раздраженно. — Ведь и вчера я говорил...

Но тут его грубо обрывает председатель:

— Вы идете на попятную и не хотите признаться в своей слабости. Хватит. Собрание закрыто.

Все вскакивают с мест. Поднимается невообразимый шум. Люди кричат, топают ногами, смеются, возмущаются, ликуют.

И вдруг раздается властный женский голос. Все оборачиваются в сторону ложи, где сидит почтенная особа в белом платье. Это княгиня Мариам Орбелиани. Подняв правую руку, она торжественно произносит:

— С сегодняшнего дня я выхожу из школьного комитета. Считаю ниже своего достоинства работать вместе с Иванэ Мачабели.

Вано горько усмехается. Он проталкивается сквозь толпу злорадствующих интриганов, не слыша пронзительного свиста и шиканья. Члены оппозиции догоняют Вано в коридоре, уговаривают выступить с разъяснением своей позиции, но он отмахивается от них, как от назойливых мух.

Вопрос о комиссии решено было отложить. До «гражданской смерти» Чавчавадзе или Мачабели дело не дошло.

На первом же после банковского «скандала» совещании школьного комитета Мачабели заявил о своем уходе.

— Пусть княгиня Орбелиани не волнуется, честь ее не будет запятнана моим участием в комитете. Я и сам брезгаю ее обществом.

И он решительно хлопнул дверью. В тот вечер Мачабели долго не возвращался домой. Терзаемый сомнениями, он ходил и ходил по городу. «Правильно ли я поступил,— в сотый раз задавал себе вопрос Вано и в сотый раз отвечал: — Нет, я не имел права поддаваться глупой мести, я должен был оставаться в комитете. Он приносил и может принести много добра народу, я был там нужен, полезен».

Мачабели записал в дневнике:

«Вано Мачабели сделал ошибку, уйдя из школьного комитета из-за Мариам Орбелиани».

Мачабели замкнулся, стал нелюдимым. Он все чаще сидит дома, переоценивает многое из своей жизни, зорче всматривается в себя. Сейчас он уже не может с легким сердцем идти на новые осложнения с Чавчавадзе. Вано опостылела эта борьба, он ищет уединения, спокойной гавани.

Кругом копошатся мелкие людишки, строят козни, требуют выступлений. Оппозиция действует, бунтует, а Мачабели все яснее понимает, что они свернули с правильного пути, забыли о народе. Он ловит себя на мысли, что стал чужим не только партии, но и самому себе.

Каждое утро Вано получает несколько писем от членов оппозиции, удивительно похожих одно на другое.

Приведем хотя бы это:

«Так уж повелось испокон веков: чье имя начертано на знамени войска, тот всегда должен быть на виду

у всех. Он должен подбадривать друзей и вселять страх в сердца врагов. Вы же скрываетесь и тем самым даете повод недругам кричать на всех перекрестках — «он вывел войска на поле браин, а сам убежал в кусты». Если слова эти несправедливы, то где же вы, почему не стоите во главе своей рати, почему не бросаете клич?!.. Вано Мачабели, мы ждали вас в Картли. Нашей радости не было границ. Но вы убежали от почестей и любви, скрываетесь где-то... На нас сыплются булыжники, а вы даже не смотрите в нашу сторону. Придите к нам, если вы верите в мужскую дружбу, если не признаете себя побежденным...»

Вано уже не читает этих писем, заранее зная их содержание. Ему надоело, до тошноты надоело слышать клятвы о верности и дружбе. Ведь кто-кто, а он знает, из каких побуждений толкают его на распри с Чавчавадзе. Нет, Вано не поддастся уговорам. Хватит с него. Завтра же он честно и откровенно заявит членам оппозиции, что порывает с ними, прекращает борьбу. Незачем ему оставаться и в дворянском банке, пусть себе делают, что им заблагорассудится. Вано отойдет от банка, займется переводами, литературой.

Однако побуждению Вано не дано было осуществиться. На другой день, 4 марта 1895 года, в банк нагрянула ревизия из Петербурга. Проверка дворянского земельного банка длилась около двух месяцев, петербургские чиновники основательно изучали деятельность и финансовые дела банка.

Оппозиционеры развили бурную деятельность. Они призвали членов своей партии «действовать решительно, атаковать членов ревизии, склонить их на свою сторону».

Бесноватый Кола Орбелиани потребовал от Вано рассказать все ревизии, добиться ее расположения.

«Не выпускайте из рук главного ревизора»,— кричал он до хрипоты.

Мачабели, еле сдерживаясь, чтобы не наброситься на него с кулаками, выставил дотошного «друга» за дверь.

Желая оградить себя от лишних разговоров и сплетен, Вано в первый же день заявил главному ревизору:

«Вести беседы о делах банка за стенами банка я не хочу. Мне скрывать нечего, и если возникнет надобность, доложу обо всем в письменной форме».

Через несколько дней он, словно в поддержку своего заявления, получил письмо от друга детства Кола Павленишвили.

«Если ты проявишь больше осторожности, то только выиграешь. До нас дошли сведения, что ревизоры не на шутку взялись за дело. Можешь быть уверенным, что на твои показания они обратят особое внимание. Поэтому ты должен каждое слово взвешивать и тщательно обдумывать. Может, многие твои коллеги по банку и заслуживают болтаться на виселице, но не ты, а упрямые факты должны раскрыть глаза ревизорам. Наверное, твоим сторонникам придется не по душе такое поведение, но пойми: чем меньше участия ты примешь во всем этом переполохе, тем лучше сбережешь и свое достоинство и престиж банка».

Главный ревизор Евстафий Евстафьевич Добецкий, поляк по происхождению, оказался на редкость порядочным и сердечным человеком. Он был очарован Грузией, ее природой, обычаями, народом и в глубине души симпатизировал стремлениям наших общественных деятелей сохранить древнюю культуру. Проницательный и умный, Добецкий почувствовал большое уважение к Илье Чавчавадзе и Иванэ Мачабели, увидел в них беззаветных борцов за расцвет наций. Он сразу же понял, что для общества вражда Чавчавадзе и Мачабели, разжигаемая интриганами и малодушными людьми, какой бы принципиальной она ни была, пагубна. Добецкий поступил благородно: он отложил вынесение официального решения и в дружеских беседах с Чавчавадзе и Мачабели попытался наладить их отношения.

— Фактически ваши стремления мало чем отличаются,— говорил он Мачабели, посетив его на дому.— Оба вы стараетесь через банк помочь народу. А частности, которые так усердно раздуваются бесчестными людьми, не должны заводить вас так далеко. Если вы будете досаждать друг другу из-за всяких мелочей, то от этого пострадает только ваше общее дело. У вас только один выход — помириться.

Присутствующий при этой беседе Нико Ломоури поддержал Добецкого.

— Я уже беседовал с Ильей, он согласен,— сказал он.

— А я тем более,— не скрывая радости, сказал Вано.

— Значит, дело улажено,— облегченно вздохнул Добецкий.

Вано Мачабели любил повторять французскую пословицу: «Между устами и чашей всегда найдется место для несчастья». На этот раз она оказалась применимой и к нему.

Пронюхав о переговорах Добецкого, интриганы обоих лагерей пустились во все тяжкие с целью сорвать примирение Чавчавадзе и Мачабели. Они распустили гнусные слухи, якобы ревизия приехала по тайному доносу Мачабели.

— Как, Чавчавадзе согласен мириться с доносчиком, который оболгал его, оклеветал? — с напускным возмущением пожимали плечами мужчины.

— Пусть отсохнет у Мачабели рука, которой он писал на Чавчавадзе в Петербург,— кудахтали женщины.

Эти разговоры дошли и до ушей Мачабели. Но Вано уже привык к подобным провокациям и хладнокровно записывает в дневнике: «Кто-то распространяет слухи, будто я накликал письмами в Петербург ревизию. Хоть бы и так, ведь каждый имеет право высказать свое мнение. Однако это сплошная выдумка. Мне думается, что ревизию прислали после того, как в кредитной канцелярии убедились в никчемности Авалишвили (его выгнали оттуда). Они усомнились в наших делах и решили их проверить».

Так или иначе, а сплетня сыграла свою роль — мир между Чавчавадзе и Мачабели не был заключен.

День собрания основателей банка был уже не за горами. Вано Мачабели созвал у себя на дому совещание членов оппозиции и поделился с ними своими соображениями.

— На сегодняшний день самое слабое звено в цепи деятельности банка — это распределение доходов,— начал он спокойным голосом уверенного в своей правоте человека,— я думаю, что мы должны увеличить вдвое сумму, отпускаемую на нужды просвещения. Надо расширить и сеть учреждений этого характера. До сих пор банк уделял свое внимание только гимназиям и хозяйственным школам. Что же получилось: для детей крестьян двери наших школ оказались закрытыми. Мне

могут возразить, мол, и в гимназиях учатся крестьянские дети. Согласен. Но вы только посмотрите, в каком мизерном количестве. Я предлагаю изменить устав училищ, которым помогает банк, с тем, чтобы широко открыть двери школ детям из крестьян.

Члены оппозиции переглядываются. Всем своим видом они выражают неудовольствие. Но Мачабели словно не замечает их ужимок, он, все более воодушевляясь, продолжает:

— Яков Гогебашвили и Нико Цхведадзе вышли из народа. Но кому из дворян они уступят в знаниях, общей культуре или служении отечеству?!

Недоумение оппозиционеров возрастает, они брезгливо надувают губы.

— В наших силах помочь крестьянам получить хотя бы начальное образование. Для этого в разных уголках страны нужно открыть сельскохозяйственные школы. Нужно постараться провести этот вопрос на общем собрании. Это будет не трудно, так как мы убеждены, что Илья Чавчавадзе поддержит нас...

Члены оппозиции снова пожимают плечами и недовольно оглядывают друг друга.

— А вот со вторым вопросом нам придется куда труднее. Но мы все же испытаем судьбу, чем черт не шутит.

Собравшиеся насторожились,— какой еще сюрприз приготовил им Мачабели.

— Я говорю о заложенных и не выкупленных в срок землях. Если мы будем обрабатывать их по примеру европейских стран, то получим немалую выгоду. Но вначале это преобразование потребует затрат с нашей стороны, а где взять такую кучу денег? Я предлагаю выделить некоторую сумму из прибылей банка. Через несколько лет наше хозяйство настолько окрепнет, что все затраты окупятся с лихвой. К сожалению, Илья Чавчавадзе относится к этому моему предложению с недоверием, так что нам придется выдержать бой.

— Пусть себе сомневается и возражает,— прервал Вано один из присутствующих, — Чавчавадзе может возражать, пока язык у него не устанет,— зычно захохотал он своей шутке.

Мачабели нахмурился и резко проговорил:

— Я никому не позволю худо отзываться о Чавчавадзе. У нас принципиальная борьба, и я сделаю все,

чтобы его победить. Но ругать Илью за спиной не делает нам чести.

Оппозиционеры, смущенные гневом Вано, поспешили оставить его одного.

— Мачабели встал сегодня с левой ноги!

— Вообще он последнее время что-то мудрит...

— Вот именно — ходит вниз гловой.

— Не дать бы нам с ним маху.

— Бросьте, он с Ильей на ножах, куда ему деваться без нас,— говорили они по пути домой.

Что Мачабели и Чавчавадзе были на ножах, знали все. Но оба они по отношению друг к другу вели себя корректно, с должным уважением.

Вано даже в самый острый период борьбы не обронил в адрес Ильи грубого слова.

«Мачабели,— вспоминает один современник,— никогда не позволял себе или кому-нибудь другому лихом поминать Чавчавадзе».

Илья, со своей стороны, тоже не переступал границ дозволенного. Он ценил в Мачабели литератора и общественного деятеля, желал ему добра. Но, что касается споров по делам банка, то тут он был беспощаден.

За несколько месяцев до решающих боев Мачабели опубликовал свой перевод «Юлия Цезаря», и Чавчавадзе был бесконечно рад его творческой победе.

«Мы с большим удовольствием встретили новый перевод г. Мачабели,— писал И. Чавчавадзе в газетной статье,— и считаем его большим приобретением нашей литературы. Хотим надеяться, что Мачабели обрадует нас новыми переводами, сделанными с таким же вкусом и глубоким пониманием чудесных творений Шекспира...»

* * *

Апрель выдался на редкость дождливым. Паводок на реках сильно мешал делегатам добраться до Тбилиси, но съезд обещал пройти бурно, и стоило на нем присутствовать. Ко дню открытия съезда почти все избиратели были на месте. Опоздали только жители дальних окраин. Наплыв избирателей был так велик, что городским гостиницам оказалось не под силу вместить всех, поэтому сторонники Мачабели наспех соорудили шалаши в одном из парков Тбилиси. Здесь же разожгли костры, при-

нялись варить, жарить. К вечеру разгорелся пир. Мелкий дождь влажной стеной отгородил их от остальной части города, и делегаты веселились так шумно, словно были одни на всем белом свете.

Тбилиси жил шумной, беспокойной жизнью. Предстоящий съезд сильно волновал дворян. Каждый судил по-своему, но никто не решился ответить на мучивший всех вопрос: кто победит — Чавчавадзе или Мачабели. А что касалось сущности съезда — финансовые и организационные дела банка, — она мало кого интересовала.

20 апреля 1896 года открылся очередной съезд дворянского земельного банка. Помещение грузинского театра, где происходило заседание, было набито до отказу. Избиратели и просто «зрители» сидели так тесно, что зал напоминал расколотый надвое плод граната.

Любители пышных фраз и долгих проволочек в первый же день съезда натешили свои думы. Весь вечер съезд избирал председателя.

Второй день был посвящен обсуждению вопроса не меньшей важности — пригласить ли на съезд стенографисток. Потом основательно спорили о том, зачитать решение прошлогодней комиссии сейчас же или отложить на конец съезда. Словом, избиратели трудились в поте лица.

Первые три дня прошли в напрасных спорах, сообщали газеты, избиратели толкут воду в ступе, старательно обходя назревшие вопросы.

Истекала вторая неделя, а споры по-прежнему велись вокруг да около, делегаты все не приступали к делу. Они устали, издергались. Теперь уже в зале совещания появилось много пустых мест. Людям опостылела эта говорильня, надоело заседать и скучать. Мачабели выжидает, он хочет выступить после Чавчавадзе, однако Илья не торопится взять слово. Нудно, однообразно текут часы, из которых слагаются дни, недели. Избиратели зевают украдкой, сладко потягиваются, часто отлучаются в буфет. И уж совсем невыносима процедура голосования — сторонники встают на ноги, противники остаются сидеть. Некоторые избиратели, разбуженные колокольчиком председателя, спросонья не могут решить, что им делать, и невпопад вскакивают с мест или продолжают сидеть. Благодаря такой неразберихе на одном из засе-

даний произошел любопытный случай. Председатель начал голосование. Сидящий в первом ряду щуплый пожилой господин вскочил первым. Он оглянулся назад и застыл от удивления. Его сын удобно сидел на стуле, даже не думая вставать. Багровый от гнева, старик подскочил к сыну и отвесил ему увесистую оплеуху. Юноша подчеркнуто покорно прижал руку отца к губам и встал. Присутствующие вздохнули с облегчением. Председатель поспешил объявить перерыв.

Однако не всякий раз обходилось без скандала. Однажды даже дошло до оружия. Это случилось на двадцать пятый день съезда.

Председатель собрания, который не скрывал своих симпатий к Мачабели, чем-то не угодил стороннику другой партии. И тот бросился на него с кулаками. Тогда с другого конца зала ринулся Кола Орбелиани, размахивая револьвером. В ту же секунду на сцене словно из-под земли вырос известный дуэлянт и забияка Лело Андроникашвили. Столкновение уже казалось неотвратимым, как между Кола и Лело встал почтенный и всеми уважаемый Дата Микеладзе.

— Господа,— сказал он спокойно,— оружием, как и собой, надо уметь владеть. Прошу сесть на места.

Наконец был назначен день избрания директоров банка — 20 мая. Утомленные бесконечными спорами и передрягами, делегаты шли к урнам как из-под палки.

Голосование началось рано утром, а кончилось поздно ночью.

Результаты не оправдали надежд членов другой партии — большинство делегатов поддержало Мачабели. В ответ на это председатель банка и члены ревизионной комиссии сообщили о своем намерении оставить службу.

— С этого дня,— решительно заявили они,— нашей ноги здесь не будет.

Мачабели торжествовал. Он одержал крупную победу и радовался от всей души.

На Мачабели градом сыплются телеграммы:

«Поздравляем мученика поборника истины торжественною победой».

«Душевно радуемся успеху искреннейше поздравляем».

«Поздравляем выбором».

«Да здравствует истина».

«Пьем за здоровье дорогого вновь избранного директора».

«Посрамление черных флагов и позорное бегство баретьери вызвали восторг».

Однако торжествовать победу было преждевременно. Противники Мачабели, вопреки угрозам покинуть банк, через несколько дней, словно ни в чем не бывало, заняли свои места. Правда, они вернулись, однако сидели в креслах не ударяя палец о палец. Каждое утро они аккуратно являлись на работу и, уставившись на Мачабели, ничего не делали. А работы было по горло, и Вано не мог один управиться с уймой нерешенных вопросов.

Мачабели растерялся. Ему приходится работать одному за всех, да еще в такой нервной обстановке. Домой он приходит взвинченный, расстроенный каждый раз по новому поводу, недовольный то собой, то окружающими его людьми. Понятно, что в таком состоянии духа Вано не может вернуться к переводам, сердце не лежит. А раскрытый томик Шекспира на его столе — словно немой укор.

Банк похищает у Вано не только время, спокойствие, но и все силы души. Работа опустошает, обкрадывает его, не давая взамен ничего. И в довершение ко всему в душу Вано закрадывается сомнение — может, и переводы, как и многое, что он делает с увлечением и самозабвением, не нужны никому. Может, и этот орешек в конце концов окажется пустым и не стоило его разгрызать? Неужели все его старания напрасны и заранее обречены?

И вдруг нежданно-негаданно приходит утешение. Как-то утром, разбирая почту, Вано наталкивается на письмо из Керчи. Предчувствуя добрую весть, он дрожащими руками вскрывает конверт. Письмо написано по-английски, и Вано догадывается — оно от Уордропа.

«28 мая. 1896 год.

Дорогой друг, давно не писал Вам. В Керчи такая скучища, что мы просто изнываем. Шесть недель как гостят у меня родители и брат. Моя сестра уже успела показать им все любопытные места Крыма. Сейчас они собираются попутешествовать по Кавказу. Без сомнения, они посетят Вас, если Вы окажетесь в Тбилиси.

Переводом «Юлия Цезаря» Вы можете только гордиться: он доказывает и удивительное богатство грузинского языка и Вашу гениальность. У меня имеются под рукой переводы Шекспира на французский, немецкий, русский, болгарский языки, но с Вашим они не идут в сравнение.

Вы сделали такое, что если современники не оценили Вас по достоинству, то потомство воздаст Вам должное. Я питаю надежды прочесть на грузинском всего Шекспира в Ваших переводах.

Моя сестра при встрече расскажет Вам свежие новости. Я тоже рвался к Вам всей душой, но сейчас это оказалось невозможным.

Передайте сердечный привет уваж. Тасо и Бабо. А также лучшие пожелания нашим дорогим тбилисским друзьям».

Сердце Вано переполнилось радостью. Ведь слова Уордропа были первым признанием работ Мачабели на ниве переводческой деятельности. К тому же это признание шло от знающего языки, умного человека.

И к Вано вернулись силы, уверенность в себе. Он понял, что трудился не зря.

Не прошло и месяца со дня закрытия съезда дворянского банка, как противники предприняли новое, хорошо подготовленное выступление. Совершенно неожиданно для Мачабели они созвали чрезвычайное собрание. Оно прошло в деловой обстановке, чем выгодно отличалось от съезда. На этот раз большинство участников держало сторону противников, и нечего удивляться, что было принято угодное им решение. Собрание признало недействительными результаты голосования недавнего съезда и потребовало новых выборов. Мачабели выступил против.

— Я избран законно,— сказал он,— и считаю съезд полномочным. Вы хотите изгнать меня из банка. Я не поставлю своей урны и не приму участия в вашем беззаконии.

Собрание не посчиталось с доводами Мачабели, и после голосования он оказался не у дел.

Шестьдесят шесть членов правления банка — члены оппозиции — написали обращение:

«Мы не принимали участия в голосовании и считаем чрезвычайное собрание незаконным. Мы оставляем за

собой право опротестовать результаты нечестных выборов».

Протест был составлен на имя министра, и Кола Орбелиани срочно отправили в Петербург. Кола послали не без тайного умысла — он слыл ловким человеком, к тому же сумел убедить оппозиционеров, что находится в приятельских отношениях с министром.

Орбелиани еще не успел доехать до Петербурга, а штаб оппозиции уже принял решение послать в помощь ему Вано Мачабели. Отправив жену и детей в Сачхере, он уехал в Петербург.

Кола встречал его на вокзале.

— Дела наши на мази,— кричал он, усиленно жестикулируя,— на днях министр даст распоряжение, и дело в шляпе.

Кола виделся с министром, был даже у него на обеде. Министр был учтив и внимателен, расспрашивал о Грузии, о своих знакомых. Кола постарался рассказать ему во всех подробностях о возмутительном самоуправстве Чавчавадзе, и министр слушал его сочувственно. Он даже качал головой, улыбался. А это чего-то да стоит. Правда, министр не дал ему твердого обещания, но ведь он не нашего десятка человек, ему нельзя бросаться словами. Орбелиани стреляный воробей, он с полуслова все понимает. Не быть ему Кола Орбелиани, если на днях не отменят постановление чрезвычайного собрания.

Вано слушает лихую речь Орбелиани и не верит ни одному его слову. Как свои пять пальцев изучил он Кола, знает цену его обещаниям. Но, может, Орбелиани на этот раз все же говорит правду,— ободряет себя Мачабели и широко улыбается.

Увы, Орбелиани оказался верен себе — протест оппозиции спокойно лежал под сукном, а министр, конечно же по забывчивости, уехал на дачу, не дав распоряжения.

Кола окунулся в родную стихию — ночи напролет кутил, ездил по ресторанам, наносил визиты. В свободное от попоек время он заглядывал в канцелярию министерства «к своим дружкам» (как он писал в Тбилиси), но это делалось мимоходом, на скорую руку. Куда чаще он посылал в Грузию телеграммы:

«Успех обеспечен», «Наберитесь терпения, и мы заставим врагов кусать себе локти», «Дело почти решено,

задержка в подписи министра», «Ура! Победа за нами...».

Вано же целыми днями бегает из министерства в министерство, а ночами не может сомкнуть глаз. Его одолевают горькие думы, отчаяние, тоска по близким.

Чиновники ловко запутывают дело, Орбелиани развлекается, а Вано должен расхлебывать кашу. В этот приезд Петербург показался Мачабели мрачным, чужим городом. Он рвется на родину, к семье и готов бросить все дела к черту, уехать как можно скорее.

«Дорогая Тасо,— пишет он жене,— давно не совершал я такой долгой поездки и, по всему видно, утомился. Петербург мне так не понравился, что хоть реви. Такое ощущение, словно я в заточении. У меня просто сердце не на месте. Хорошо еще, захватил вашу карточку, хоть есть с кем побеседовать по душам. Если с божьей помощью все хорошо кончится, у меня вырастут крылья, и на них я примчусь к вам... Здешней волынкой я сыт по горло. Осточертело слоняться по канцеляриям и быть просителем. Мечтаю увидеть вас, мои родные, успокоить свое сердце».

В ответ на это письмо Вано получил сразу два — от брата и жены.

«Дорогой Вано,— писала жена,— не приведи господь вернуться тебе с дурной вестью. Будет великий срам. Дети страшно скучают по тебе. Не думала я, что они так будут скучать. Никушка целый день после твоего отъезда плакал. Он каждую минуту вспоминает тебя. Даже когда мы едем на речку купаться, он непременно говорит, что с тобой лучше получается. У него ты не сходишь с языка. Только откроет утром глаза, сразу спрашивает: «Папа не приехал?» А ложится он с уверенностью, что «папа завтра приедет».

На днях у нас гостили англичане. Они просили, чтобы ты обязательно навестил их в Керчи, их брат мечтает повидаться с тобой... О нас не беспокойся. Лишь бы дело было доведено до конца. Вести о победе мы ждем как манны небесной».

«Ради бога, не натвори в спешке глупости,— писал ему брат. — Раз уж взялся, то не останавливайся на полпути. Надо следить во все глаза, чтобы ваш протест не застрял где-то в ящике у чиновника. Мы прочли в газе-

тах, что министр уезжает 14 с. м. в Нижний Новгород. Надо добиться у него отмены еще до отъезда».

«Вано, я буду очень рада твоему возвращению,— пишет жена,— но стоит ли передоверять дело другому, выйдет ли толк?

Вчера приехал из Кутаиси Бежан. Он привез радостную новость. Некий Цомая рассказал ему, что сухумцы решили просить тебя переехать к ним городским головою. 3.500 рублей содержания.

Вано, родной, не принимай все близко к сердцу. Помни русские пословицы: терпенье и труд все перетрут и — что ни делается, все к лучшему.

Вано, ты всегда отличался выдержкой и сейчас не падай духом».

Решив не терять время зря, Вано Мачабели обращается в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему открыть новую газету. Он добивается приема у управляющего Соловьева и рассказывает ему историю «Дроэба». Соловьев очень жалеет, что произошел столь нелепый случай, он сочувствует Мачабели, но помочь ни в чем не может. Впрочем, если Мачабели пришлет ему прошение местных властей на возобновление «Дроэба», то он сделает все, что от него зависит.

На самом деле обещание Соловьева было лишь уловкой, тактическим ходом. Дошлый чиновник прекрасно понимал, что тбилисский цензурный комитет ни за какие блага не даст Мачабели ходатайство, поэтому он с легкой душой предложил свои услуги.

В первых числах сентября Вано Мачабели вернулся с пустыми руками в Тбилиси.

Прошел декабрь, начался новый год, а делу все не видно было конца. Мачабели в ожидании ответа сидит дома без работы. Он опрометчиво написал по приезде сухумцам письмо, мол, польщен их предложением и непременно переехал бы к ним, но ждет окончательного решения банковского дела. В сентябре сухумцы вновь напомнили о себе, и Вано вновь дает уклончивый ответ.

Мачабели похудел, щеки впали, под глазами появились черные круги. И уже совсем некстати пришла нужда. В его записной книжке все чаще появляются записи: Мои долги — Васо — 800, Картвелишвили — 857, Сараджишвили — 1.438, Дарико — 2.000...

Думать о банке надоело. Чем бы ни кончилось это дело, лишь бы кончилось скорее. От людей нет покоя. Орбелиани щедр на телеграммы. Шлет их и другим членам оппозиции, и знакомые поздравляют Вано то с победой в банке, то с основанием новой газеты. Иногда поглядывают на него с сочувственной улыбкой, а то и с открытой насмешкой.

«Одним словом, кончалось бы все скорее, и безразлично — как», — напутствует Вано отправляющегося в Петербург по делам старшего брата.

В Петербурге Васо сразу убедился в несерьезности Орбелиани. Однако он был твердо уверен в правоте дела и не сомневался, что рано или поздно оно решится в их пользу. Первые письма его из Петербурга дышат надеждой на успех дела в банке. Не то с газетой. Васо сразу догадался, что тут рассчитывать на что-либо не приходится, и написал брату: «Дело с газетой до получения письма от Гакеля обстояло очень хорошо. Соловьев склонялся дать разрешение. Но с получением бумаги все изменилось... В конце концов заявили, что министр в этом году не хочет давать никому разрешения на издание газет...»

Мачабели тяжело воспринимает это сообщение, потому что возлагал на газету большие надежды. Это была единственная возможность вновь оказаться в центре общественной деятельности.

Умный Василий Мачабели вскоре перестал обольщаться и надеждой на успех дела о банке. Страшный бюрократический аппарат министерства финансов не мог ничего изменить. Васо писал брату осторожно: «...еще я хочу сказать вот о чем. Если даже решение чрезвычайного собрания отменят, ты не должен, по-моему, долго оставаться в банке. И если ты сейчас же начнешь искать место и переговоришь или попросишь кого-нибудь переговорить с Сараджевым, будет неплохо. Вано, это я тебе советую по-дружески, и не думай, что я не надеюсь на успех нашего дела в кредитной канцелярии...» Но во втором письме, датированном 10 апреля, Васо прямо признается, что дела банка обстоят плохо...

Вано принял известие как должное и даже не особенно взволновался. Он окончательно махнул рукой на банк, хотя весь апрель и даже май приходили благодушные телеграммы от Орбелиани: «Постановления

чрезвычайного собрания отменяются безусловно...», «Торжествую нравственным удовлетворением...», «Дело скоро разрешится конце недели сообщат правлению об отмене постановлений чрезвычайного собрания это бесповоротно...»

Письма Орбелиани не производят никакого впечатления на Вано. Война окончена, и он с сожалением оглядывается на пройденный путь.

«Р. и ДЖ. — 88»

Покойной ночи.
Ты рано утром на ноги —
и в путь.
«Юлий Цезарь»

Как потускнел светильник.
«Юлий Цезарь»

С запада надвигались тучи. Подгоняемые ветром, они обложили все небо и враз застыли на месте. Сверкнувшая молния отодрала землю от неба. Грянул гром. Дождь густой сеткой накрыл город.

Мачабели проснулся. Он хотел поднять голову, но она была тяжелой, словно налитая свинцом. Во рту пересохло, и Вано облизал потрескавшиеся от жара губы. Он ощутил горький привкус. Осторожно высунул из-под одеяла руку, но дотянуться до стакана с водой не смог. Дождь остервенело стучал по железной крыше. Вспышка молнии осветила сидящую у его изголовья Тасо, и Вано с удивлением заметил в ее волосах белую прядь. Ему стало не по себе. В темноте он не смог разглядеть лица жены, но ему показалось, что веки ее опухли от бессонных ночей, а у губ залегли горькие складочки. Он мучительно перебирал в памяти события последних недель, считал дни и ночи, проведенные у его постели Тасо, но запутался. Напряжение сменилось легкостью, каким-то радостным забвеньем. Вернувшись из этого состояния беспамятства, Вано принялся упрекать себя:

— И это обещанное тобой счастье! Что ты принес жене, кроме страдания? По какому праву вошел в ее жизнь, как злой дух? Втесался в ее судьбу, помешал ее счастью с полковником. С ним она не знала бы забот. А ты перебежал дорогу ее счастью.

Тасо встрепенулась, словно ее разбудили мысли Вано. Осторожно приложила губы ко лбу мужа — он пылал. И Тасо рывком откинула голову, будто обожгла губы.

— Сейчас зажгу лампу. Господи, наверно, опоздала дать лекарство,— сказала она, нащупывая пальцами спички.

— Не надо, не зажигай,— попросил Вано.

Она пододвинула к постели столик, взболтнула склянку с жидкостью, наполнила ложку. Мачабели проглотил лекарство, сморщился.

— Чего ты, оно ведь сладкое.

— Противно. Мне легче пить горькое... Привычнее.

— Вано, раньше ты не хныкал. С чего это сейчас? Успокойся, еще несколько дней, и температура спадет. Тогда мы поедем в Пца, ты сможешь бродить в горах. Поправишься, вернешь себе прежние силы, примешься за работу,— Тасо говорила быстро, без остановки, словно повторяла заученные наизусть слова.

— Тасо,— шепотом произнес Мачабели,— Тасо, ты несчастлива со мной... Знает бог, я хотел принести тебе счастье... Не смог... Не сумел я сделать тебя счастливой. Нельзя нам жить вместе... Если я вылечусь, разойдемся... я твердо решил... со мной не быть тебе счастливой. Невезучий я, во всем невезучий. Кого любил всем сердцем, стали моими врагами. Куда ни подался, везде одни неудачи... Непременно разойдемся.

На пылающие щеки Мачабели упали две крупные слезы. Тасо тихо плакала. Вано хотел успокоить жену, сказать ей что-то очень важное, самое сокровенное, но голос не подчинился ему. Взамен слов откуда-то из-под сердца поднялось что-то круглое, большое и подкатило к горлу. Вано тщетно пытался избавиться от этого удушающего кома, загнать его обратно вглубь. Облегчение пришло как-то сразу — из глаз хлынули слезы.

Болезнь началась с пустяка, с легкой простуды. Вано попал под дождь и промок до нитки. К вечеру он почувствовал недомогание. Думал, что это грипп, и, как вся-

кий сильного здоровья человек, решил перенести болезнь иа ногах. Вано вышел на свежий воздух погулять, а когда вернулся, то иа нем не было лица. Тасо уложила мужа в постель, измерила ему температуру. Ртутный столбик в градуснике подиялся выше 40. Тасо, не раздумывая, вызвала зиаменитого тогда врача Геге Магалашвили. У Вано оказалось воспалеиие легких.

Началась долгая, изиурительная борьба. Здоровый оргаиизм Мачабели самоотвержеиио сражался с тяжелым заболеваиием. Врач по иескольку раз в день навещал больного. Обычно веселый и разговорчивый, сейчас ои хмурился, молчал. Тасо все иочи иапролет сидела у постели мужа. Худая, без кровиики в лице, оиа тревожно смотрела Магалашвили в глаза, старалась выпытать у иего приговор.

На пятиадцатый день Магалашвили впервые улыбиулся. Слава богу, болезиь отступила. Но ликовать было рано. Воспалеиие легких — одна их тех коварных болезией, которая может возвратиться. Поэтому сейчас надо смотреть в оба, как бы ие прохватило больного сквозияком.

К Вано вернулось хорошее настроение, бодрость. Через иесколько дней он уже почувствовал в себе силы пройтись по комнате. Однако ночью подиялась температура, иачался озноб. И опять — сухость во рту, горький привкус на языке, частое дыхаиие, беспамятство. Виовь иа лбу врача собраиы складки и плотно сжаты губы. Вновь бессоиные ночи Тасо, опасения, горькие думы. Мачабели стал капризным, подозрительным. Никому он уже ие верит, во всем ищет иной, скрытый смысл. Когда Магалашвили дает Тасо наставления, как ухаживать за больиым, Вано весь превращается во внимание, старается поймать каждое слово, но сам не спрашивает у врача ии о чем. За время болезни Ваио замкнулся, стал скрытным, а слух у него обострился, он слышит даже шорох в соседней комнате.

Вот и сейчас Вано напрягает слух, старается уловить причину волиения Тасо.

«О чем они шепчутся, что могло произойти,— теряется он в догадках,— недавно позвонил почтальон, неужели он принес что-то нерадостное».

— Тасо,— нетерпеливо кричит он, морщась от

боли,— зачем приходил почтальон? — спрашивает у вбежавших Тасо и ее сестры Бабо.

Тасо строит на лице удивление. Вано испытующе смотрит в глаза Бабо, и та, смущенно потупив глаза, бормочет. Вано не из-за чего волноваться. Какое-то письмо из России... К тому же отказ еще можно опротестовать, не на них свет клином сошелся...

Вано взбешен, он требует немедленно прочесть ему письмо. И Тасо читает вслух:

«Его сиятельству князю Ивану Георгиевичу Мачабели.

По докладу господину министру финансов ходатайства Вашего по предмету отмены постановлений чрезвычайного общего собрания членов Тифлисского дворянского земельного банка 19—21 июня 1896 года, а также доставленных правлением банка по требованию министерства финансов, по поводу однородных ходатайств, объяснений его превосходительство не признал возможным сделать какие-либо распоряжения по означенному ходатайству Вашему, о чем особая канцелярия по кредитной части и имеет честь поставить Вас, милостивый государь, в известность.

Начальник отдела...»

Мачабели смеется. Неделю назад Кола Орбелиани прислал поздравительную телеграмму, и оппозиция ликовала. Сегодня он получил отказ.

Удивительнее всего, что Вано не обрадовала телеграмма Кола, так же как и не огорчило письмо из министерства. Мачабели уже прекратил борьбу, смирился с поражением, сейчас он только сожалеет о потерянном времени.

— Лучшие годы протранжирил,— говорит он вслух.

— Нет, Вано, ты жил не зря,— успокаивает его Тасо,— да и все еще впереди. Наконец-то ты серьезно возьмешься за переводы.

Мачабели чувствует себя все хуже и хуже. Ему уже трудно дышать, а боль под лопатками просто нестерпима. Все признаки гнойного плеврита. Диагноз Магалашвили подтверждает и консилиум врачей. Выход только один — операция.

19 июля опытный военный хирург Войно вынул у Мачабели два ребра, выкачал гной.

Вано терпеливо перенес сложную операцию.

— У князя Мачабели,— удивлялся хирург,— какой-то особенный организм, он целиком соткан из нервов.

Операция прошла успешно. Мачабели сразу стало так легко, будто хирург снял с его легких клещи, сжимавшие их.

Через месяц Вано уже был на ногах. Однако общая слабость долго его не оставляла.

По природе подвижному, непоседе Вано сейчас приходится быть осторожным, медлительным. Врач строго-настрого предупреждает его не делать резких движений и не волноваться.

Вано твердо решил перевести все произведения Шекспира. Каждое утро он уделяет любимой работе несколько часов. Рана после операции заживает медленно, и Вано трудно сидеть, согнувшись над столом. Поэтому он часто меняет позы или массирует бок. За работой он быстро устает, голова кружится.

«Видно, отвык я от работы,— утешает себя Вано,— понемногу войду в ритм, верну себе прежнюю усидчивость».

Он редко, как о чем-то далеком и постороннем, вспоминает о баике. А случай, приключившийся на той неделе, вызывает у него улыбку.

Вано увлеченно работал, когда на лестнице раздался топот ног.

— Папа, папа,— ворвался к нему в кабинет старший сын,— мы играем в банк, и все хотят быть мачабелистами. С кем же воевать?!

Вслед за ним вбегают соседские дети. Они шумят, перебивают друг друга, спорят. Вано ничего не может понять и просит мальчика постарше — сына Мариам Демурна — рассказать все по порядку.

— Дядя Вано, чтобы играть в банк, надо разделиться на две группы. Никушка говорит, что он ваш сын и должен быть мачабелистом. А мы тоже любим вас и не хотим воевать с вами.

По лицу Мачабели пробегает тень.

— Зачем вам играть в баик,— говорит он мягко, словно вспоминая далекое прошлое,— смотрите, вашу крепость окружили войска Ага Магомет-хана. Скорее атакуйте их.

Мальчики шумной ватагой бегут во двор.

«Вот чего мы добились,— с горечью думает Вано,— даже дети играют в нашу взрослую игру».

Через несколько дней Мариам Демуриа зашла в гости к Чавчавадзе. Ее двое сыновей очутились «во вражеском стане». Чавчавадзе приласкал мальчиков, дал им по конфетке.

— Уважаемый Илья, вы угощаете своих кровных врагов,— в шутку сказала Мариам,— они приверженцы Мачабели.

— Что вы говорите! — с напускным удивлением сказал Чавчавадзе. — Не может быть. Вы и вправду мачабелисты?

— Да, мы из лагеря дяди Вано,— серьезно ответили мальчики.

— Ничего, сейчас я их переманю на свою сторону,— лукаво улыбнулся Илья и достал из буфета пирожные.— Попробуйте, пальчики оближете.

Мальчики переглянулись и решительно положили на стол взятые ранее конфеты. Чавчавадзе засмеялся от всего сердца.

— Да вы и впрямь принципиальны, как Мачабели,— и, обратившись к Мариам, добавил: — Это хорошо, что они мачабелисты — я люблю стойких и несговорчивых людей.

Он на минуту задумался, потом достал с полки свою книгу в красивом переплете и подарил ее мальчикам с надписью:

«Моим врагам — маленьким мачабелистам. От дяди Ильи Чавчавадзе».

Наступила весна. Первые побеги на деревьях и буйно зазеленевшая трава манили Вано выйти в сад. Накинув на плечи мягкий плед, он спустился во двор.

У Вано радостно забилось сердце, но боль в пояснице напомнила о болезни, и он присел на скамейку. Беспокойство за Акакия Церетели омрачило его лицо. Совсем недавно, будто это было вчера, он и Акакий целыми днями сидели у камина, развлекались беседами или игрой в нарды. Потом Акакий уехал на несколько дней в Кутаиси и там занемог. Пришлось положить его в больницу. У Акакия оказалась грудная жаба.

Вано, узнав о болезни друга, тут же послал на его имя телеграмму, но ответ запоздал, и Вано не находил

себе места. Он просто не знал, что подумать. Наконец стороной он узнал, что Акакию лучше, он скоро выпишется из больницы.

«Твоя болезнь нас всех огорчила, — писал Вано другу,— мы так привыкли к тебе, друг Акакий, что после твоего отъезда чего-то не хватает глазам и сердцу. Вспоминаем тебя на каждом слове... скорее выздоравливай и приезжай. Правда, радостей и здесь мало, но все-таки быть вместе — большое утешение...»

Вано торопит Церетели еще потому, что сам он должен ехать в Абастумани и боится разминуться с другом.

Еще прошлой весной Магалашвили настаивал на поездке в Абастумани, но тогда у Вано не оказалось средств. За зиму он кое-как наскреб нужные деньги и уже готовился к дороге. Сейчас ничто не удерживало Вано в Тбилиси. Только приезд Акакия Церетели, вот они свидятся — и можно покупать билет.

В ожидании друга Мачабели еще раз прошелся пером по своему переводу «Кориолана», подчистил, исправил кое-что и все же остался недоволен. Собственные ранние переводы больше нравятся, кажутся художественно выше этого, сделанного после болезни. Вано сомневается, стоит ли нести свой новый перевод в журнал «Моамбе». Или дать ему отлежаться, потом снова отредактировать.

— Вечно одна и та же история,— укоряет его Тасо,— ты всем недоволен. А напечатают, только и слышишь что восторги. Поверь мне, «Кориолан» — не хуже остальных твоих работ.

— Хуже, хуже,— злится на себя Вано. — Но пусть будет по-твоему, напечатаю.

В редакции «Моамбе» Вано встретили дружески. Все поздравляли его с выздоровлением, расспрашивали о семье, о планах на будущее. Перевод Шекспира буквально выхватили из рук. Более того, с Мачабели взяли слово, что в скором времени он переведет еще одну трагедию английского драматурга и, конечно, напечатает в «Моамбе».

Вано, довольный такой встречей, решил заглянуть в банк. Ему надо было до отъезда получить для сельскохозяйственного синдиката, в котором участвовали и он с братом Тасо, двенадцать тысяч рублей.

Забегая вперед, скажем, что эти деньги, копейка в копейку, были найдены после таинственного исчезновения Мачабели в его письменном столе.

День выдался счастливый: дома Вано ждала радостная весть — приехал Акакий Церетели. Друзья долго не выпускали друг друга из объятий. Условившись не говорить о болезнях, они вышли в сад. Вано рассказал Акакию городские новости, свои планы на отдых, на новые работы. Акакий слушал друга с живым интересом. Он одобряет намерение Вано написать цикл статей о театре, более энергично взяться за переводы. Но почему бы Вано не написать самому повесть или рассказы. Вано мнется, что-то скрывает от друга. Напрасно — Акакий видит его насквозь. Что ж, в добрый час, вся грузинская общественность будет рада почитать прозу (а может, поэму?) Мачабели. Акакий давно подозревает, что Вано задумал что-то такое, таиться от друга нехорошо.

Мачабели, обратив слова Акакия в шутку, предложил сыграть в нарды. Тем временем Тасо накрыла стол в тени деревьев. Друзья с удовольствием закусили.

Темнело. Со стороны Мтацминда подул свежий ветерок. Вано зябко поежился. Заметив это, Акакий настоял продолжать игру в столовой.

В десять часов вечера они поужинали. Мачабели чувствовал себя неважно, поэтому съев несколько ложек мацони, прилег отдохнуть. Акакий и Тасо вышли на балкон. Вскоре к ним присоединился и Вано. Он сел, укрыв ноги пледом. На улице стояла ночная тишина, и шаги полицейского, ходившего под балконом, были отчетливо слышны. Вано перегнулся через перила, окликнув постового.

— До которого часа дежурите?

— До шести утра,— охотно ответил тот. Нетрудно было догадаться, что он не прочь завязать беседу.

Но порыв ветра заставил хозяев балкона перейти в комнаты. Полицейский уныло зашагал дальше.

У Вано ныл бок, и вскоре, извинившись, он ушел в свою комнату. Акакий продолжал игру в нарды с Тасо. Некоторое время Вано еще слышал стук костяшек, потом стало тихо. «Наверно, и Акакий лег спать»,— подумал Вано. Из соседней комнаты, спальни Тасо, он услы-

шал шум швейной машины. Но и он длился недолго. Весь дом погрузился в тишину.

Вано лежит с открытыми глазами. В распахнутое окно влетает треск кузнечиков. Гибкая сосна, не скрывая любопытства, заглядывает в кабинет. На черном полотне неба разбросаны крупные звезды. Кто знает, может, на одной из них, так же не может заснуть какой-нибудь Мачабели.

Может, есть такая звезда на небе,
Чья судьба неразлучна с судьбой нашей
Земли;
Может, подобный мне человек живет там
И думает о том же, что и я? —

вспоминает Вано свое юношеское стихотворение. Одно воспоминание влечет за собой целую цепь других — Петербург, заграница, возвращение на родину, театр, «Иверия», «Дроэба»... какие счастливые годы!

Вано поднялся с кровати, подошел к письменному столу. Присел на краешек стула, чиркнул спичкой. По столу были разбросаны бумаги (Мачабели утром приводил свои записи в порядок, но не докончил). Вано почему-то поднес одну из них к свету. «Р. и Дж.— 88 стр.» прочел он на полях. Эта запись относилась к далеким, как ему теперь кажется, призрачным временам.

— Если я переведу, вы сыграете Джульетту?

— Со всем увлечением.

— Ловлю вас на слове.

— Я обязательно сыграю.

— И с тем большей охотой, что это будет для меня?

— И с тем большей охотой, что это будет для вас,— явственно слышит Мачабели голос Мако. И так же явственно слышит он биение своего сердца. Спичка гаснет, перед глазами Вано ходят черные круги. Он порывисто чиркает, зажигает свечу. Делает несколько неверных шагов и как подкошенный падает на кровать.

Сколько времени я лежу? — думает Вано в минуты просветления и вновь проваливается в черную бездну.

Потом его взгляд останавливается на свече — она оплывает, коптит. Вано хочет встать, но не может. Словно все злые силы ночи навалились на него, прижали к постели. Он пытается кликнуть Тасо, но язык намертво прилип к небу. И вновь провал... Плавно, без скрипа, открывается дверь. Из темноты выступает худой старик.

Волосы и борода его горят рыжим огнем. Старик улыбается беззубым ртом, что-то показывает Вано.

— Куда, куда ты зовешь меня? — стонет в бреду Вано Мачабели. И просыпается. Вокруг темно. Дверь закрыта. Свеча догорела. Неимоверным усилием воли Вано заставляет себя подняться. То хватаясь за стул, то идя вдоль стены, он добирается до балкона. Но что это? Все тело Вано объял страх. Черный, когтистый страх.

Мачабели видит, как дрогнули звезды, закружилась вселенная. От грохота у него ломит в ушах.

И Вано дрожит, дрожит всем своим существом. Он вбегает к себе в кабинет, зажигает огарок, сгребает в охапку рукописи.

Слабый свет из окна недолго серебрил листья сосны. Вскоре он жалко вспыхнул и погас.

ЭПИЛОГ

Знать бы, где он сейчас.
«Антоний и Клеопатра».

Уже две недели жители обоих берегов Куры участливо наблюдают, как с утра до вечера вдоль реки ходит заросший бородой сутулый мужчина. Ходит от Муштаида до Ортачальских садов и обратно. Иногда он останавливается, напрягает слух, всматривается в Куру, словно хочет выпытать у нее тайну.

Но тщетно.

Если спасателям или рыбакам удается выловить в реке утопленника, они посылают за этим мужчиной ребят. Тот бежит к собравшейся толпе, расталкивает ее, падает на колени и с дрожью в сердце ищет знакомые черты.

— Может, вы ошибаетесь, утопленника не так-то легко узнать,— говорят ему рыбаки.

Он печально улыбается. Он не может ошибиться. Он узнает каждую черту того, кого ищет...

И опять, ссутулившись, бредет вдоль Куры. Кто знает, какие мысли сверлят его мозг, какие воспоминания бередят его душу. Часто к нему подходят группы студентов, предлагают свою помощь. Они вместе идут по берегу, вместе ищут пропавшего.

Но тщетно.

У редактора «Иверии» странная привычка — запрется у себя в кабинете, курит одну папиросу за другой

и пишет, пишет. Через два-три часа статья готова. Однако на этот раз он заставил всех волноваться. Еще вчера вечером ушел к себе и до сих пор не выходит. А статья срочная, из-за нее стоит газета. Сотрудники обеспокоены, но напомнить редактору не решаются.

Всю ночь просидел редактор за столом и не написал ни одной строчки. Всю ночь он читал... «Короля Лира». Прочтет строфу или монолог — смотрит сухими от горя глазами в окно, думает и курит. Каждое слово перевода воскрешает в его памяти годы, встречи, лица. Он вспоминает маленькую комнатушку, свечу, воткнутую в бутылку, беседы, первые радости и... зеленые глаза юноши — они смотрят на него с обожанием. В комнате накурено, как и сейчас, однообразно тикают часы, за окном хлопочет дождь.

В дверь осторожно постучали. «Войдите»,— сказал редактор, накрыв книгу стопкой бумаги. В открытую дверь устремился густой табачный дым. Человек, стоящий на пороге, невольно поднял руки, будто хотел оттолкнуть ими дым. Редактор посмотрел на него исподлобья. Его глаза спрашивали. Но сотрудник отвел взгляд. «Все еще не нашли»,— решил редактор. В его глазах стояли слезы.

На Ольгинской улице в доме напротив остановки конки надрывно плачет молодая женщина. Когда со двора или улицы слышится шум шагов, она обрывает рыдания и чутко прислушивается.

— Нет, это не его шаги,— качает она головой и вновь заливается слезами.

Ее часто посещают друзья мужа, и каждому из них она снова и снова рассказывает:

— ...Всю ночь меня мучили тревожные сны. Когда я проснулась, голова раскалывалась от боли. Я вспомнила, что лекарство от головной боли лежит в столе у мужа, и тихо открыла дверь. В комнате было тихо, словно она нежилая. Я хотела разбудить мужа, но постель оказалась пустой. У меня кружилась голова, и я присела на край кровати. Вдруг мне стало страшно — простыня была холодной, она уже потеряла тепло человеческого тела,— потом сокрушенно добавляет: — Он не может исчезнуть, он вернется... вернется...

А на Цилканской улице в двухэтажном доме заперлась в своем кабинете известная грузинская актриса. Она просматривает бумаги, письма. Ей не с кем поделиться, некому открыть душу. Наедине с собой она должна перенести горе. Время от времени она тяжело вздыхает.

Пытается читать, но слезы застилают глаза. Листок бумаги дрожит в ее руках. Она помнит написанное от руки на этом листке наизусть: «Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет, это для души... Вот маргаритка; я бы вам дала фиалок, но они все увяли...»

Комок подкатывает к горлу, глубокие рыдания сотрясают тело.

«Я люблю тебя, люблю и не уступлю больше никому»,— доносится издалека знакомый голос.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Верхом на палочке 5
To see — видеть, To hear — слышать 21
Отчизна, любимая 63
Семилетняя война 127
«Р. и Дж. — 88» 173
Эпилог 183

ВАХТАНГ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕЛИДЗЕ

ЖИЗНЬ БЕЗ КОНЦА

Редактор *М. Гржендзица*
Художник *Р. Кондахсазов*
Технический редактор *В. Мясновская*
Корректор *Г. Белицкая*

Подписано к печати 5/X-1963 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. 5,81 печ. л.
9,76 усл. печ. л. Уч. изд. л. 10,18.
Зак. 1546. Тираж 40 000 Цена 46 коп.

Издательство Союза советских писателей Грузии „Литература и искусство".
Тбилиси, пр. Плеханова, 181.

2-я тип. Трансжелдориздата МПС.
Ленинград, ул. Правды, д. 15

74

46 коп.